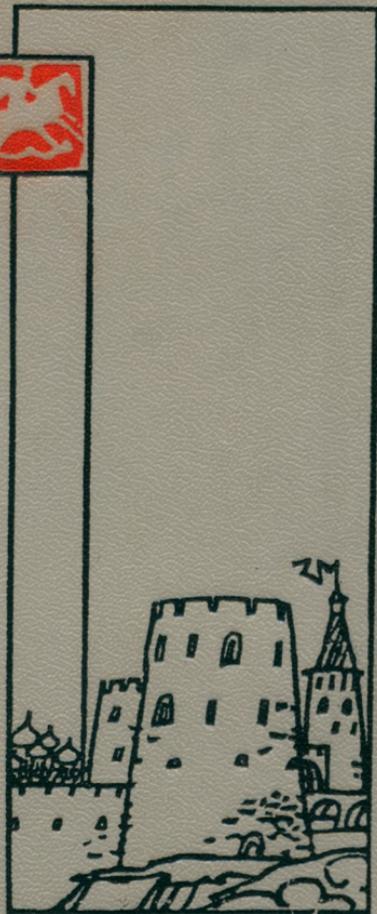
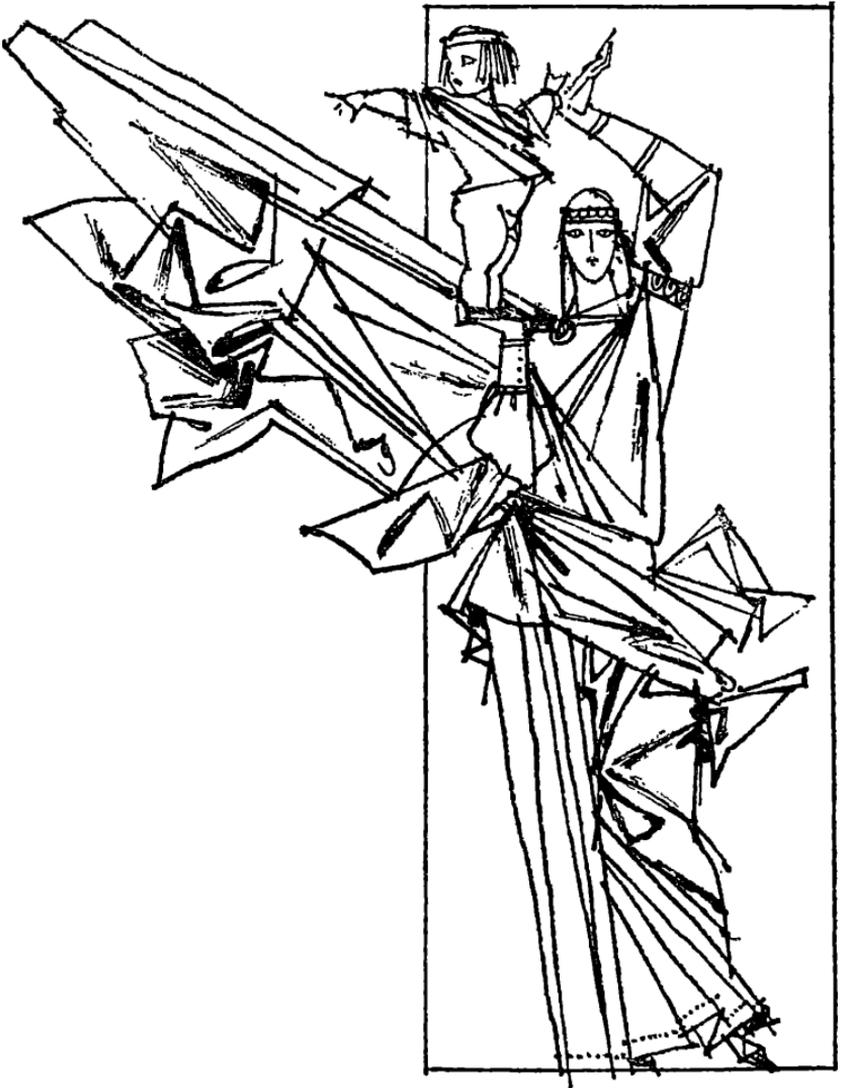

А.Н.Сахаров «МЫ
ОТ
РОДА
РУССКОГО...»

А.Н.Сахаров «МЫ
ОТ
РОДА
РУССКОГО...»

Рождение
русской дипломатии

ЛЕНИЗДАТ
1986

Сахаров А. Н.

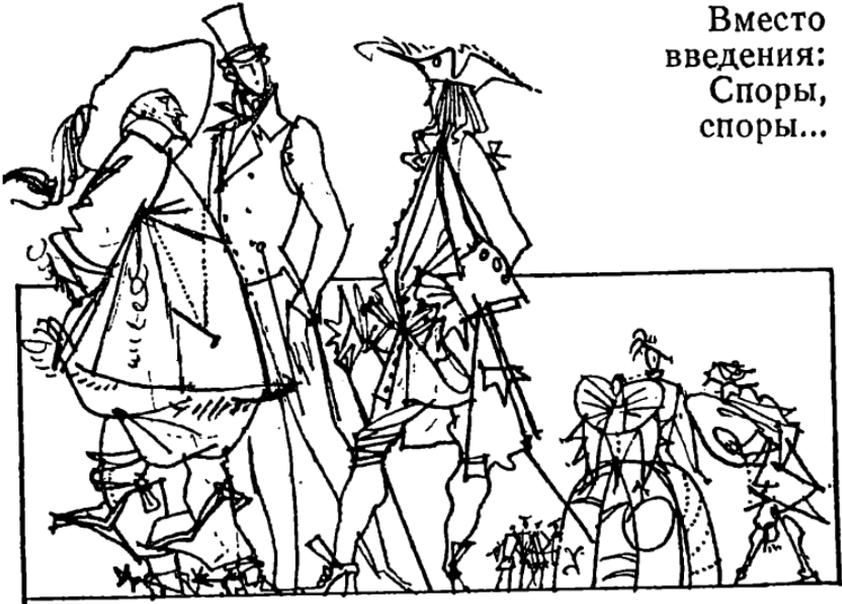
С22 «Мы от рода русского...»: Рождение русской дипломатии. — Л.: Лениздат, 1986. — 344 с., ил.

Новая книга известного советского историка рассказывает о становлении дипломатических отношений Древней Руси. Автор, привлекая мало известные широкому читателю материалы, раскрывает различные стороны дипломатической деятельности первых русских князей Олега, Игоря, Святослава на широком фоне политических и торгово-экономических отношений того времени.

С $\frac{4702010200-300}{M171(03)-86}$ 197—85

84.3P7

Вместо
введения:
Споры,
споры...

ы от рода руска-
го...»—эти слова от-
крывают самый древ-
ний и едва ли не
самый загадочный
письменный документ в русской истории, в истории
нашего народа. Они являлись начальными словами зна-
менитого договора Руси с греками, который в 911 году
заключил с Византийской империей великий князь киев-
ский Олег. Текст договора был обнаружен в «Повести
временных лет», входящей, в свою очередь, составной
частью в одну из древнейших русских летописей — Лав-
рентьевскую, относящуюся к XIV веку. Во всех других
русских летописных сводах текста этого договора не бы-
ло. Он сохранился в единственном экземпляре и, как

нередко бывает с такого рода находками — единственными в своем роде, сразу же возбудил подозрение в своей достоверности. Как-то случилось так, что особенно не везло в этом смысле наиболее ярким, наиболее впечатляющим памятникам древнерусской истории. Тень фальсификации была брошена на гениальное «Слово о полку Игореве», сомнения были посеяны относительно достоверности великолепного памятника XIII века — «Слова о погибели Русской земли». Зловещее слово «подделка» поползло вслед за введением в широкий научный, читательский оборот «договоров Руси с греками» Олега, Игоря, Святослава.

Любопытно, что острейшая полемика, принимающая международный и долговременный характер, возгорается, как правило, именно вокруг древнерусских памятников культуры: другим в этом смысле везет как-то больше, хотя оснований для полемики и в отношении, скажем, некоторых древнефранцузских, древнеанглийских исторических памятников существует, по крайней мере, не меньше.

Возьмем, например, известный памятник раннесредневековой английской письменности (конец XII в.) «Житие и чудеса святого Фомы» Уильяма Кентерберийского. Он существует в единственной рукописи (относящейся к XIII в. и найденной в XIX в.), как и русско-византийский договор 911 года, как «Слово о погибели Русской земли», как существовало «Слово о полку Игореве». Но никому не приходит в голову объявить его подделкой, позднейшей фальсификацией или посеять в отношении него какие-либо подозрения. Ученые принимают этот список спокойно, без тени сомнения, используют его без всяких оговорок. Но стоит обратиться к некоторым наиболее ярким древнерусским памятникам культуры, как погружаешься буквально в пучину дискуссий, сомнений, нигилистических, а порой нигилистически-истерических писаний, и такое в этих писаниях сквозит мало связан-

ное с наукой, объективным, непредвзятым подходом к памятникам старины недоброжелательство, а порой нескрываемое злопыхательство и даже ненависть, что просто диву даешься, откуда бы и зачем взяты такому. Особенно характерны в этом смысле были сочинения немецких авторов XVIII — XIX веков, русских сторонников норманской теории образования древнерусского государства, считавших, что русский народ был сам не в состоянии создать собственное государство и лишь «находники» — норманны, варяги — привнесли эту благодать, свидетельствующую о более высоком уровне цивилизации народа, на русскую почву. В XX веке эти версии активно подхватили фашистские историки, а позднее некоторые западные — американские, английские, французские, скандинавские советологи, русисты, идеологи пантюркизма, различные специалисты по истории Древней Руси, и в их сочинениях слышится все тот же нигилизм, все то же давнишнее пренебрежение и недоверие к памятникам древнерусской культуры.

Откуда такие предубеждение, недоверие, а то и прямая ненависть? Они объясняются весьма просто. Невежество в гений великого народа, как это было у западников-норманистов, ненавистью к народу-свободолюбцу, борцу, отстаивавшему свою независимость от западных «цивилизаторов» — немецких и шведских крестоносных рыцарей, Ливонского ордена, польско-шведских интервентов, полчищ Наполеона, к народу, одержавшему верх над нашествием «двунадесяти языков» мирового империализма в период гражданской войны и иностранной интервенции, сокрушившему немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. И все попытки врагов поставить этот народ на колени, начиная от нападений кочевых орд сарматов, аваров, половцев, монголо-татарских захватчиков до тайной войны онемечивания сверху во время бироновщины, других скрытых и явных стремлений подчинить

его себе, оканчивались крахом. Русский народ в единстве, братстве с другими народами страны творил свою великую историю, и замечательные памятники его литературы, архитектуры, живописи являлись яркими вехами, отражающими его многотрудный исторический путь, утверждающими наиболее значительные из его свершений.

Отнимите у русского народа «Слово о полку Игореве» — и вы лишите его целой цивилизации. Зачеркните подлинность договоров Руси с греками — и вы ликвидируете в русской истории целый пласт ее международных связей, уничтожите одну из ярких граней древнерусского государства, лишите Русь ее европейской и мировой истории в период раннего средневековья, обречете ее на положение «варварской» окраины, предначертание которой — всегда служить лишь периферийным фоном великих западных или восточных цивилизаций. Не случайно вопрос о создании государства на Руси в IX — X веках является и поныне одним из важнейших и наиболее острых в понимании русской истории раннего средневековья, а вопрос о международных связях русского государства остается самым животрепещущим для ученых и любителей истории многих поколений, определяющим место Руси в тогдашней европейской и мировой истории.

Так скромные документы X века вырастают в большую идеологическую, научную, культурную проблему. Наиболее четко связь нигилистической оценки договоров как памятников древнерусской культуры с представлением об уровне развития Руси того времени выразилась в работах историка русского права норманиста В. И. Сергеевича в начале XX века. Он категорически выступил против того, чтобы сравнивать договоры Руси с Византией с другими соглашениями средних веков, считая, что к «таким примитивным деятелям, какими были руссы времен Олега», такие аналогии просто неприменимы.

Но есть и еще одна причина, по которой многие ученые как прошлого, так и настоящего либо недоверчиво отнеслись и относятся к истинности ряда памятников древнерусской дипломатии, либо просто-напросто объявляют их подделками,— это само их содержание. Известный противник подлинности многих древнерусских памятников немецкий ученый Август Людвиг Шлецер в своем критическом трехтомном разборе «Повести временных лет» под названием «Нестор» написал, касаясь договора 911 года, удивительные слова: «Если договор этот был действительным, то он составляет одну из величайших достопамятностей всего среднего века, что-то единственное во всем историческом мире». А поскольку быть этого, по его мнению, не могло, то, значит, и говорить нечего: поздняя подделка, и все тут.

Итак, по существу все противники подлинности дипломатических памятников Древней Руси сходились на одном, и это одно являлось самым веским аргументом в их арсенале «против»: русский народ просто не мог создать подобных шедевров. Не правда ли, какая неприятная и непроверяемая логика? Но эта наивная суть порой прикрывалась флёром научных рассуждений, глубокомысленных изысканий, которые составляли в конце концов целые тома научных книжек, порождая ответные рассуждения и изыскания. А поскольку вопрос был нерешенным, дискуссионным, то и в обобщающих научных трудах, в учебной литературе звучали насчет дипломатии древних руссов весьма осторожные рассуждения. Да и само это понятие не употреблялось, потому что уж так издавна повелось: о какой дипломатии можно было говорить, когда вопрос о наличии государства в русских землях IX—X веков был далеко не ясен?

Любопытно, что применительно к этому времени подробно писалось и говорилось о дипломатии Византии, Германии, Болгарии, Арабского халифата, Хазарии, других государств и народов сопредельных Руси стран

Европы, Передней Азии, даже кочевников печенегов, но в отношении Руси не употреблялась даже подобная терминология.

В борьбе с норманистами всех мастей, буржуазными фальсификаторами истории России советская историческая наука добилась впечатляющих успехов. Советские ученые убедительно доказали автохтонность, т. е. коренную принадлежность древнерусских поселенцев к тем регионам, где впоследствии возникли конфедерации восточно-славянских племенных союзов, позднее — княжества и, наконец, огромное, мощное Киевское государство. В своих трудах академик Б. А. Рыбаков значительно раздвинул временные рамки выявления протославянской и праславянской культуры в районе Поднепровья, отнеся первые ее следы к III тысячелетию до новой эры; а отсюда ученый уже протянул нити этих древнейших славянских признаков к позднейшим временам — скифскому нашествию и далее к первым векам новой эры и к периоду Киевской Руси.

В многочисленных фундаментальных работах выявлены социально-экономические процессы, протекавшие в восточно-славянских землях, и показано становление в IX — X веках классового общества и государства — раннефеодальной монархии, показаны международные связи Киевской Руси, основные направления ее внешней политики. И все-таки оставалось неясным, почему же в X — XI веках, во времена Владимира I и Ярослава Мудрого, Русь вдруг добилась такого осязаемого взлета на международной арене. Ведь войско Владимира I по существу спасло от гибели под ударами восставших болгар византийского императора Василия II. Русь этого времени находилась в тесных отношениях с Византией, Польшей, Венгрией, Чехией, Германией, Швецией, Норвегией, другими странами Европы и Передней Азии. При Ярославе Мудром русские княжны стали королевами французской, венгерской, норвежской, датской; а сы-

новья Ярослава — Изяслав, Святослав, Всеволод — были женаты на принцессах из германских, польских земель, из Византии. Русь продолжала оставаться участницей большой европейской политики и в конце XI века. В союзе с Польшей в 70-х годах Русь противоборствовала Чехии, за которой стояла Германская империя, а в 80-е годы германской императрицей стала внучка Ярослава Мудрого Евпраксия. Европейской известностью пользовался Владимир Мономах, бывший сначала князем переяславским, а затем великим киевским князем. Он являлся внуком Ярослава Мудрого и шведской принцессы, сыном византийской принцессы, мужем английской принцессы, деверем германского императора, внучатым племянником венгерской и датской королев — дочерей Ярослава Мудрого, пасынком половецкой княжны. Его старший сын, будущий великий киевский князь Мстислав, был женат на дочери шведского короля Христине, а внуки — на немецких князьях. Таков далеко не полный перечень родственных связей этого знаменитого полководца и государственного деятеля Древней Руси. Это о нем восторженно писал автор «Слова о погибели Русской земли»: «Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до устюга, где живут тоймичи, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покорил бог народу христианскому: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Царего-

родский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял».

В этой короткой поэме довольно точно отражено международное положение Руси в начале XII века, ее чрезвычайно высокий внешнеполитический престиж. Но где были истоки этого взлета? По каким торным путям, широким ступеням поднималась Русь к этому великолепию? Ведь, почитав иных авторов прошлого и настоящего, особенно некоторых современных западных русистов, только диву даешься: как это отсталая, безвестная, варварская страна вдруг засияла на европейской арене, да и вообще, возможно ли такое мгновенное превращение, в котором буржуазные историки из далеко не научных побуждений также отказывают Древней Руси?

При ответах на эти вопросы мы и должны обратиться к первым шагам древнерусской дипломатии, к первым ее признакам, к первым ее, порой безвестным, деятелям, которые, выражая волю нарождающегося класса феодалов, богатого купечества, защищая интересы складывающегося раннефеодального государства, ткали его внешнеполитические узоры, вели дипломатические переговоры в окрестных странах, закрепляя успехи русского оружия, прикрывали его поражения, готовя новые походы, отражали предстоящие нашествия, искали и находили союзников, нейтрализовали противников. А в ходе этой многовековой, трудной, кропотливой работы рождались, как и в других странах, первые дипломатические процедуры, церемониал, определялся характер переговоров, их оформление соответствующими устными и письменными, открытыми и тайными, пространными и краткими, предварительными и окончательными соглашениями, договорами, появлялись первые «штатные» дипломаты, люди, профессией которых стало выполнение дипломатических поручений молодого государства, — короче говоря, рождалась дипломатическая систе-

ма, дипломатическая служба в самом прямом смысле слова.

Может возникнуть закономерный вопрос: да какая в те времена могла быть служба, какая могла быть система? Ну, ездили люди, иногда о чем-то договаривались. И все-таки с такими сомнениями можно было бы поспорить, поскольку складывание всего государственного механизма в период его естественного рождения проходит длительный путь, усложняется, эволюционирует от его примитивных форм до развернутых, глубоко разработанных, изощренных для своего времени методов ведения внешней политики. И порой за малозначащими на первый взгляд, единичными, туманными, а потому спорными упоминаниями в русских летописях, в западных хрониках, в сочинениях восточных авторов о дипломатических действиях того или иного древнего русса мы, сопоставляя эти отдельные ориентиры с подобными же явлениями в сопредельных странах, вдруг открываем для себя стройный ряд стереотипов. И оказывается, что перед нами не единичные, спорные явления, если их рассматривать изолированно, лишь в применении к Киевской Руси, а обычные, характерные для других молодых, складывающихся государств приемы дипломатической деятельности.

Государство не существует как некая абстракция, как нечто сложившееся, раз навсегда данное. Основоположники марксизма-ленинизма дали блестящий анализ истории государства, его социальной сущности в различные общественно-исторические формации, его эволюции. Они показали, как оно проявляет себя в своих внутренней и внешней функциях.

Внешняя функция государства... Его отношения с другими государствами, выражение на внешнеполитической арене коренных интересов господствующего класса. Вот они, реальные результаты усилий государственной машины. Но как достигнут этот результат, како-

ва механика, каковы скрытые пружины самих внешнеполитических усилий, как организованы эти усилия, в каких мимолетных соприкосновениях, длительных контактах, яростных схватках с другими такими же системами эти результаты достигнуты? Разве ответы на эти вопросы не характеризуют уровень государственного развития, его зрелость, масштабность, значительность? Понятно, что все эти вопросы, обращенные к нашей древности, к Киевской Руси, естественно, немедленно вторгаются в область рассуждений, а порой и дискуссий об уровне развития древнерусской государственности, о способности или неспособности руссов IX—X веков встать, в смысле государственного развития, на один уровень с наиболее развитыми государствами того времени. Одна эта мысль кажется нестерпимой для наших идеологических оппонентов, ненавистников великого прошлого нашей Родины. Но эта же мысль естественна для каждого объективного человека, спокойно, непредвзято, внимательно изучающего историю своего Отечества, занимавшего и в те далекие времена достойное место среди других стран и народов, место, определяемое энергией народа, его повседневными хозяйственными усилиями, сноровкой, талантами неизвестных русских людей, его воинскими свершениями, большими внешнеполитическими достижениями. И свое скромное, но не последнее место в этих усилиях, талантах и достижениях занимает порой незаметная, совершенно неизвестная широкому кругу любителей истории, но весьма впечатляющая по своим результатам работа первых русских дипломатов, о которой мы и намерены рассказать в этой книге.

1. Кий — первый русский дипломат? Гибель Мезамира

Рту пору, когда в восточно-славянских землях появились первые государственные объединения, когда здесь стал осуществляться переход от племенных организаций к конфедерациям племен и на этой основе зарождались племенные союзы полян, древлян, северян, вятичей, тиверцев, дреговичей, радимичей, ильменских словен, возникали их городские центры — Киев, Чернигов, Полоцк, Новгород, другие города и городки, мировая дипломатическая практика уже проделала долгий и сложный путь. Рабовладельческие государства древнего Востока, Египет, Рим, греческие государства — полисы и их многочисленные колонии, Скифская держава и гунн-

ская империя Атиллы, Византийская империя, Аварский и Хазарский каганаты, Арабский халифат, раннефеодальные государства Европы — империя франков и возникшие на ее основе Германия, Франция, итальянские государства, Болгария, Венгрия, Польша, скандинавские королевства, Англия, государственные образования Причерноморья и Северного Кавказа — весь этот разноязыкий, этнически пестрый и разнообразный в социально-экономическом, политическом и культурном отношении мир за долгие столетия уже выработал и вырабатывал и в первую половину I тысячелетия новой эры, когда складывалась основа крупного восточно-славянского государства — Киевской Руси, определенные дипломатические приемы, средства, формы, заимствуя и примеряя опыт веков к нуждам собственной рабовладельческой или феодальной государственности. Изменчивый, постоянно бурлящий, воюющий и мирящийся мир со всех сторон обступал Восточно-Европейскую равнину, где вдоль больших полноводных рек, на необозримых солнечных черноземах юга, в суровых северных лесах, на перекрестках древнейших торговых путей происходило формирование конфедераций славянских племен, а позднее — образование Древнерусского государства. И точно так же, как долины рек, привольные степи, многочисленные городки были открыты торговле, хозяйственной сноровке, военному опыту других стран и народов, восточно-славянское общество должно было неизбежно знакомиться с политическими традициями внешнего мира, примерять собственный опыт к уже сложившейся международной дипломатической практике, впитывать все то, что могло усилить основы раннефеодальной славянской государственности, укрепить позиции княжеской власти внутри страны, содействовать ее международному престижу.

Порой существует предвзятое мнение, будто тогдашняя жизнь была настолько замкнута, настолько ограни-

чена, что по существу народы и государства были полностью оторваны друг от друга, а торговля своей тонкой ниточкой купеческих караванов не могла связать их в сколько-нибудь прочную и постоянную цепь и быть источником более-менее регулярной информации. Конечно, об этом можно легко рассуждать сегодня, в век радио, телевидения, телефона, широчайшего развития средств массовой информации, целенаправленных научных и туристских обменов, обнимающих в своей совокупности весь мир, однако недооценивать способность человечества к обмену опытом во многих областях политики, науки, техники, культуры во все времена, видимо, не следует. И источником необходимой информации, подчеркиваем, именно необходимой, без которой был невозможен дальнейший прогресс человеческого общества, были, конечно, не только торговые пути. Сюда можно было бы отнести и широкие миграции народов, переселения их под ударами иноземных захватчиков, завоевания и ассимиляции населения, колонизации, обмен пленными, взаимные посольства, династические браки, паломничества к христианским, мусульманским, буддистским и прочим святыням, обмен рукописными трудами, в том числе художественными сочинениями, взаимные переводы хроник и многое, многое другое.

Возьмем примеры хотя бы из славянской истории и истории некоторых сопредельных стран.

Под ударами киммерийцев, позднее сарматов, скифов, гуннов предки славян, обитавшие в Среднем Поднепровье, периодически откатывались на север, скрывались в тамошних лесах, осваивали незнакомые земли, а затем медленно, но неуклонно вновь возвращались на свои пепелища. Так в сфере хозяйственного освоения предками поднепровских славян попадали огромные пространства, где со временем складывалась определенная общность социально-экономических, политических, культурных структур. Не будем здесь говорить о том,

насколько пагубными для славянства были эти удары, возьмем лишь одну сторону этой вековой многострадальной истории народа, его постоянную миграцию, протекавшие в его среде колонизационные процессы.

Или обратимся к известной миграции болгар в VI—VII веках новой эры и не менее известной миграции венгров — угров, по русской летописи, — в IX — X веках. И те и другие прошли огромные расстояния: первые — из регионов Приазовья, вторые — Предуралья через Северное Причерноморье, и осели на Балканах и в Среднем Подунавье, смешались с местным населением, вошли в конгломерат европейских народов. Венгры в период кочевания в южно-русских степях провели даже некоторое время под стенами Киева, в бытность там князя Олега. В «Повести временных лет» об этом сообщается следующее: «Идоша угри̑ мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, пришедъше къ Днепру и сташа вежами; беша бо ходяще, аки се половци. Пришедше от вѣстока и устремишася чересь горы великия, яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту волохи и словени... Посемъ же угри прогнаша вольхи, и наследиша (наследовали¹) землю ту, и седоша съ словены, покоривше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска».

Сколько нового и неведомого ранее узнали болгары и венгры в новых землях, сколько своего хозяйственного, военного и иного опыта они привнесли на отвоеванные земли. И даже недолгое пребывание венгров под Киевом, как увидим ниже, закончилось переговорами и договором по всем канонам европейской дипломатии того времени. Отметим попутно великолепное знание нашим древним летописцем исхода угров с Востока и историю их появления в Закарпатье, в Европе.

¹ Здесь и далее перевод и объяснение отдельных слов и выражений принадлежат автору книги.

В результате войн победители порой переселяли плененных жителей на новые места. Так, руссы расселяли на своих землях побежденных торков, берендеев, поляков. В свою очередь, руссы, захваченные половцами, не только продавались на невольничьих рынках Херсонеса и Судака, но и порой расселялись в степных половецких городках. Бывало и так, что пленные, проведя несколько лет на чужбине, после заключения враждующими сторонами мирного договора отправлялись, согласно его условиям, на родину. Дорогая это была плата за «информацию», но она была и играла свою роль в общем обмене всеми видами социально-экономического, политического и культурного опыта.

Благодаря династическим бракам вместе с невестами в чужую страну прибывал сонм их сопровождающих, слуг, служанок. Так, вместе с Анной Ярославной в Париж отправились русские люди, и сама Анна Ярославна привнесла в качестве регентши в управление Францией опыт великокняжеского киевского дома, как и Анастасия Ярославна в Венгрии, Елизавета Ярославна в Норвегии, а потом, во втором браке, и в Дании. В свою очередь, в Киеве пребывали Анна — принцесса византийская, ставшая женой Владимира I, Ингигерд — принцесса шведская, ставшая женой Ярослава Мудрого, принцессы из Польши, германских земель, вновь Византии, ставшие соответственно женами старших сыновей Ярослава — Изяслава, Святослава и Всеволода, занимавших последовательно великокняжеский престол.

В Переяславль к Владимиру Мономаху прибыла со сватанная его теткой — королевой Дании Елизаветой Ярославной — дочь английского короля Гарольда, погибшего при Гастингсе в битве с нормандцами Вильгельма Рыжебородого. А после смерти гречанки Анастасии Всеволод Ярославич женился вторично — на знатной половчанке; на половецких княжнах были женаты и дети Владимира Мономаха — Юрий (будущий владимиро-

суздальский князь Юрий Долгорукий) и Андрей. Этот список можно было бы продолжить: десятки, сотни людей прибывали вместе с невестами в дружеские столицы, привнося в их жизнь новые традиции, привычки, опыт, знания, новые политические, военные и культурные связи.

Известно, например, что вместе с Анной в Киев при Владимире пришло христианство, проникли некоторые византийские политические и культурные традиции. Вместе с Гитой ко двору переяславского князя Владимира Мономаха проникли книжные знания тогдашней Англии. Ученые даже предполагают, что свое знаменитое «Почтение» детям Владимир Мономах написал под влиянием широко известных на западе, и в частности в Англии, сочинений подобного же жанра. Вместе с половецкими женами в русские княжества приходили военные союзники из ставших родственными половецких колен. Изяслав Ярославич через свою жену польку был тесно связан с польским королевским домом, и польский король в определенные годы оказывал своему зятю помощь в его борьбе с братьями за великокняжеский престол.

Появление в Киеве после крещения Руси ставленников Византийского патриархата — греческих митрополитов, греческого клира — привело к тому, что вместе с ними на Русь пришли греческие книжность, церковные и политические знания, тесные связи с константинопольским двором.

Прекрасными информаторами порой являлись паломники. Так, черниговский игумен Даниил, совершивший в начале XII века путешествие по «святым местам», оставил потомкам свое знаменитое «Хождение», в котором не только подробно описал земли, по которым прошел, но и рассказал о крестовых походах, в частности о походе иерусалимского короля Болдуина в Сирию; с его войском русский паломник проделал весь путь. Позднее

Даниил оказался при дворе переяславского князя Владимира Мономаха, был с ним в грандиозном походе против половцев в 1111 году и оставил нам историю этого похода. Не исключено, что именно Даниил подробно рассказал и Мономаху, и другим русским князьям о характере крестовых походов, и не случайно поход 1111 года в степь во многом напоминал по своей форме походы крестоносцев: так же активно участвовало духовенство в организации и проведении похода, те же религиозные обряды предварили штурм половецких городов-крепостей.

И конечно, важную роль играли в древности в качестве средств общения между разными странами торговые и посольские миссии. Русские торговые караваны по старинным торговым путям шли из Киева, Новгорода, Чернигова, Переяславля, Полоцка и других русских городов во все стороны тогдашнего мира: через Хазарию и Волжскую Булгарию — на Восток, на Северный Кавказ и Закавказье; по Днепру — к Черному морю; через Подунавье — в Болгарию и Византию; через червенские города — в Польшу и Германию; через Волынь — в Венгрию; по Балтийскому морю и Балтийскому побережью — в Скандинавские страны, Англию. Немецкие, варяжские, еврейские торговые дворы издавна стояли в Киеве и Новгороде. Особенно была велика посредническая роль еврейской торговли. Есть сведения о том, что в XI веке черниговский купец еврей Исаак вел свои торговые дела в Лондоне в то время, когда там развертывался заключительный акт отчаянной борьбы англосаксов против захватчиков нормандцев, окончившийся разгромом английской рати при Гастингсе.

Посольские миссии осуществляли и разведывательные, ознакомительные функции, и выполняли конкретные внешнеполитические поручения. По всей Европе и Передней Азии ехали на лошадях, в ладьях, на верблюдах посольства разных стран и народов, знакомясь с жиз-

нью и политическими порядками разных стран, знакомя их со своим собственным опытом. Таким образом, мир издревле был стянут крепкими и разнообразными связями и порой горьким опытом, порой через радостные открытия приобщался ко всему тому, чем владело тогдашнее человечество, включая и дипломатические традиции.

А традиции эти также исчислялись столетиями. От 1296 года до новой эры доходит до нас первый дипломатический документ — договор о мире и любви, союзе и взаимопомощи между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем III. Он провозгласил «мир и братство на все времена» между двумя рабовладельческими державами. Обе стороны обещались помогать друг другу против общих врагов, выдавать взаимно политических перебежчиков. Договор призывал проклятие богов на головы тех нынешних и будущих египетских и хеттских правителей, которые попытаются нарушить договор. Обе стороны торжественно обменялись текстами договоров, которые были по-египетски и по-хеттски начертаны на серебряных досках. Оба экземпляра скрепили государственными печатями и подписями монархов. Заключение договора сопровождалось энергичной перепиской сторон, обоюдными посольствами, переговорами в столицах Египта и Хеттского царства. Венчался договор династическим браком.

Это было видимое, письменное, известное последующим поколениям начало, а затем последовала долгая и богатая история развития и совершенствования дипломатической практики опытом многих государств и народов. И в центре этой практики извечно стояли вопросы войны и мира. «*Bellum nullum nisi justum*» («Нет войны, кроме войны законной»), — говорили древние римляне. Русская летопись спустя столетия возгласила: «Рать стоит до мира, а мир до рати». А между ратью и миром шла напряженная политическая работа, и работу эту

вели древние и средневековые дипломаты. Уже во втором тысячелетии до новой эры в Египте существовала специальная профессия людей, посылаемых за границу для поддержания мирных связей с соседними государствами. В 546 году до новой эры государства Среднего Китая заключили между собой договор о мирном улаживании возникающих межгосударственных споров. Древний Рим заключал на протяжении своей истории десятки, сотни договоров, регулирующих отношения с окрестными странами. Геродот упоминает переговоры лидийского царя Креза с послом ионийских греков Биалтом, в ходе которых тот старался побудить царя Лидии установить мирные отношения с ионийскими островами. А сколько мирных договоров, дипломатических усилий донесла до нас история древней Эллады. Любопытно, что сведения о древней дипломатии содержатся и в Библии. Ее тексты донесли до нас цель одного из посольств Древней Иудеи в Рим. Иудейские послы заявили в римском сенате: «Ионафан-первосвященник и народ иудейский прислали нас, чтобы восстановить дружбу с вами и союз по-прежнему». Золотой венец и пальмовая ветвь посылались правителями друг другу в знак «полного мира». Системы многочисленных посольств, частых переговоров, союзных соглашений, разнообразных мирных договоров, перемирий были свойственны не только Древнему Египту, античному Риму и Греции. Широко известна дипломатическая практика Карфагена, Древней Армении, Персии, Понтийского царства, Нумидии, Македонского царства.

Изоощренную дипломатическую систему разработала Византия, которая активно использовала дипломатию в своих отношениях с Болгарией, Венецией, Пизой, Персией, Арабским халифатом, гуннами, аварами, Хазарским каганатом. А те с успехом овладевали византийским дипломатическим опытом.

И трудно себе представить, чтобы вся эта огромная, веками разработанная дипломатическая практика не становилась достоянием тех народов, которые выходили из племенного бытия и вставали на путь создания начальной государственности. «Каждому историческому типу классового общества, — говорится в одной из советских обобщающих работ по истории международного права, — соответствует свой тип государства и права. Это относится и к международному праву, зарождение которого непосредственно связано с возникновением государства и осуществлением им внешних функций». Раскрывая смысл международных отношений, К. Маркс отмечал, что они по своей сути *вторичные и третичные*, вообще *производные, перенесенные*, непервичные производственные отношения¹. В. И. Ленин также обращал внимание на то, что «выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль»². Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», анализируя закономерности перехода от первобытно-общинного строя к раннеклассовому обществу, выявил, что именно на этапе «военной демократии», когда общинные отношения уступают место возрастающей роли вождей, дружин, начинаются далекие грабительские походы, родовой строй превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а органы его власти становятся орудиями господства и угнетения, направленными против собственного народа. Именно в это время зарождаются войны как социальное явление, которое отражает интересы складывающегося господствующего класса, и закладываются основы государственной дипломатической службы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 735.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

Поэтому понятно, что даже скупые, единичные свидетельства о дипломатии древних руссов следует расценивать не как случайные, не сцепленные друг с другом исторические факты, а как признаки пусть еще неразвитой, примитивной, но уже дипломатической практики складывающегося государства, которая возникала и оформлялась на фоне мирового многовекового дипломатического опыта, переходящего от формации к формации, от государства к государству.

* * *

Первые сведения о дипломатической практике восточных славян, предков киевских руссов, относятся к V—VI векам и содержатся, с одной стороны, в русской летописи, с другой — в византийских источниках. Многим памятно знаменитое место из «Повести временных лет» о легендарном основателе города Киева Кий, его братьях Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди. Приведем его полностью: «И быша 3 брѣтя: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старейшаго, и нарекоша ему имя Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудр и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне. Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оная стороны Днепра, тем глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившую ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приялъ от царя, при которомъ приходивъ цари. Идушу же ему вспять, приде къ Дунае-

ве, и възлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сести с родом своимъ, и не даша ему ту близъ живущии; еже и доныне наречють дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю въ своей градъ Киевъ, ту животь свой сконча; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася».

Долгие годы принято было считать, что весь этот текст повествует о некой легенде основания Киева, что имена героев этой легенды вымышленны и сами они никогда не существовали в действительности. Но в последнее время среди ученых все чаще раздаются голоса в пользу того, что в основании этого текста лежат достоверные исторические факты. Эту точку зрения наиболее полно выразил академик Б. А. Рыбаков. Он обратил внимание на определенную связь записи с историей противоборства антов, предков славяно-русов, с Византийской империей в V — VI веках, после возрождения славянских земель между нашествиями гуннов и аваров.

Это было время, когда началось мощное движение славянских, в том числе и поднепровских племен, в южном направлении. Этот грандиозный колонизационный поток хлынул на Балканский полуостров и через Дунай проник в пределы Византийской империи. Тщетно император Анастасий и блистательный Юстиниан старались воспрепятствовать этому мощному давлению. По существу на северных границах империи шла непрерывавшаяся война, и в огне этой войны сгорали византийские легионы, сдавались на милость победителей и брались штурмом греческие пограничные крепости; опасность нависала над самой столицей империи — Константинополем. Византийские авторы того времени с тревогой пишут о рейдах славян во Фракию, об их регулярных вторжениях за Дунай и о бедственном положении балканских владений Византии.

Во время большой славяно-византийской войны 550—551 годов славяне подступили к стенам Константи-

нополя, а в конце VI века они предприняли несколько попыток овладеть византийской столицей.

Бурлящий, воинственный, входящий в пору созревания своих государственных образований славянский мир со всех сторон обступал балканские земли Византии. Положение стало угрожающим. И тогда верный своим дипломатическим традициям отношений с «варварским» миром Константинополь решил поставить себе на службу военную мощь славянских племен, сделать их не врагами, а союзниками, привлечь их вождей золотом и привилегиями на свою сторону, купить их верность, загородиться славянскими поселениями от начавшегося натиска аваров на византийские границы с севера и северо-запада, а позднее — болгар с северо-востока. К славянским вождям пошли посольства с богатыми дарами; переговоры нередко кончались согласием славян расселиться в землях Византии и взять на себя пограничную службу. Ежегодными данями откупалась империя от славян за эти услуги.

Начался и наем славянских отрядов в императорскую армию. Нередко славяне несли службу в дунайских крепостях Византии. Особенно активно эту политику проводило византийское правительство при Юстиниане I. Известно, например, что именно в правление этого императора, около 533 года, один из императорских военачальников, носивший славянское имя Хильбудий, был направлен на Дунай для обороны тамошней границы от славян.

Вторично обращается Юстиниан к антам в 546 году; он направляет к ним посольство, предлагает занять одну из крепостей на Дунае и взять на себя оборону здешних мест.

И все же грекам не удалось полностью сдержать этот славянский натиск: то здесь, то там вдруг открывалась граница, и лавины славянских воинов, круша сопротивление императорских легионов, предводительству-

емых известными полководцами, подходили под стены Константинополя.

Так в войнах, переговорах, соглашениях мужала древнеславянская дипломатия, набиралась векового опыта, который прежде всего был аккумулирован в дипломатической системе Византийской империи.

Вот теперь, видимо, и настало время вернуться к нашему тексту из «Повести временных лет». Опустим из него то, что относится к основанию Киева, и обратим внимание на, так сказать, внешнеполитическую сторону дела.

Любопытно, что сам летописец прекрасно понимает: события, о которых он пишет, уходят в седую древность и потому туманны, неясны; эту неясность он, впрочем, не берется опровергнуть, но вот один момент для него абсолютно бесспорен: как же Кий мог быть перевозчиком на Днепре, вопрошает он, если он ходил в Константинополь, был принят тамошним «цесарем», получил от него «велику честь», затем, идя восвояси, попытался остановиться и укрепиться на Дунае и даже срубил там «градокъ малъ», но местные жители выбили оттуда Кия, и он вернулся в свой родной город на Днепре? Все это факты для летописца совершенно недискуссионные, и именно эти факты, во всяком случае по внешней канве событий, совпадают со сведениями византийских хронистов, рассказавших о войнах, мирах, союзах византийских императоров со славянами. А учитывая, что русский летописец не назвал нам имя императора, который принимал Кия, можно считать, что это был не Юстиниан, дела и имя которого автору были хорошо известны (что видно из других его записей), а менее значительная фигура, относящаяся к доюстинианову времени,— возможно, как считает Б. А. Рыбаков, император Анастасий,— и дата заключения союза между полянским князем и византийским императором может относиться к концу V — первой трети VI века. Кстати, к

этому же времени, по данным советских археологов, относятся находки на Старокиевской горе и на холмах, прилегающих к Подолу. Это следы укрепления того времени, монеты чеканки периода Анастасия и Юстиниана, большой каменный алтарь языческого святилища, керамика, датируемая тем же временем. А это значит, что в тот период Киев уже существовал как крепость, город на великом водном пути по Днепру, который контролировал дороги, идущие с севера на юг, в Причерноморье и далее — в Подунавье.

Но вернемся к Кию. По данным летописи, он был принят императором и получил от него «велику честь», что на языке византийской дипломатии может означать только одно: Кий заключил, как и прочие «варварские» вожди, кого посулами, подарками, подкупом привлекали греки к себе на службу, договор о союзнических обязательствах по отношению к Византии и попытался на Дунае этот договор осуществить, но потерпел неудачу.

Поэтому с большой долей вероятности можно считать сведения о Кие известием не только о появлении у поднепровских славян в V—VI веках новой эры княжеской власти, дружины, силами которой («родом своим») Кий и намеревался закрепиться на Дунае, но и первым сведением о зарождении русской дипломатии: восточнославянский князь вел переговоры в константинопольском дворце и заключил с империей договор.

Мы можем представить себе, как гость из далекого Киева был принят императором, как он зачарованно смотрел на великолепии дворцовых покоев, пышность и богатство византийских одежд, на такой далекий и недоступный для северного «варвара» мир; как на золотом блюде он и сопровождавшие его люди получили денежное содержание, а по окончании приема — богатые дары. Кий мог в обмен предложить лишь одно, в чем остро нуждался в грозных V—VI столетиях константинопольский двор, — военную силу, мечи своей дружины.

Но этот факт, относящийся к V — VI векам, не является ни единичным, ни уникальным. Удивительно дружно, в согласии с русским летописцем византийские авторы сохранили для нас и другие сведения о дипломатических контактах славянских племенных союзов как между собой, так и с соседними народами. Межплеменные ссоры прекращались, и объединенное славянское войско шло на Константинополь. Прокопий Кесарийский сообщил, что в своей борьбе с Византией два мощных восточно-славянских племенных союза — антов и склавинов — нередко договаривались между собой о совместных действиях.

В середине VI века Византия вела изнурительную войну с готами, и вот в 548—549 годах, во время самого разгара военных действий готского военачальника Тотилы против византийской армии, объединенная рать славян вновь, уже в который раз, перешла Дунай. Оценивая это событие и отражая, видимо, уже сложившуюся относительно этого факта распространенную точку зрения, Прокопий Кесарийский записал в своей книге «Война с готами»: «Многие подозревали, что Тотила, подкупив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян (византийцев) с тем, чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами». На удар Византия ответила ударом: константинопольские дипломаты попытались склонить к борьбе против славян соседствующий с ними племенной союз гепидов. Посольство гепидов прибывает в Константинополь, и гепиды заключают с империей антиславянский союз, подкрепленный клятвенными заверениями и императора, и послов. И вскоре армия гепидов выступает в поход.

Это сведения, лежащие, так сказать, на поверхности, а сколько за ними было тайных переговоров, скрытых от глаз современников посольств, подкупов, поднесений до-

рогих подарков славянским и гепидским вождям. И выступали в этой сложной дипломатической борьбе, как равные с равными, Византия, государство готов, славянские племенные союзы, племенной союз гепидов.

Другой греческий историк — Менандр Протиктор — рассказал в своем труде о попытке антов в период противоборства с Аварским каганатом на время приостановить военные действия, чтобы обменяться пленными.

Это было тяжелое время для восточных славян. Не успели они оправиться от гуннского нашествия, которое задело их лишь северным крылом, как надвинулась новая опасность: из восточных глубин через северное Причерноморье в Европу стали продвигаться мощные орды аваров. Они прошли огнем и мечом через попавшиеся на их пути земли антов и осели в Паннонии, основав там свое государство — Аварский каганат. В течение почти двух с половиной веков, до их разгрома франками Карла Великого, авары представляли грозную силу в Восточной Европе, неоднократно угрожали Константинополю, тиранили некоторые подвластные им славянские земли. «Владетели антские приведены были в бедственное положение,— писал Менандр Протиктор.— Авары грабили и опустошали их землю».

С горечью русский летописец вспоминал в «Повести временных лет» об этих тяжких годах, выведя аваров под именем обров и рассказав, как они «примучивали» славян, в частности племя дулебов, и досаждали Византии в царствование императора Ираклия, т. е. в начале VII века: «Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша¹. Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебскимъ: аще поеха-

¹ Речь, видимо, идет об осаде Константинополя объединенным аваро-славянским войском при поддержке персов.

ти будяше обьрину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обьрена, и тако мучаху дулебы. Быша бо обьре теломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ обьринъ. И есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследъка».

Но пока сгнули авары, много несчастья принесли они славянским землям, и анты вели с ними нескончаемые войны за свою независимость.

В 560 году, как сообщил Менандр Протиктор, к аварам было отправлено антское посольство во главе с Мезамиром. Он должен был договориться с аварами о перемирии для обмена пленными. Держал себя Мезамир гордо и независимо, и по наущению одного из влиятельных советников авары решили расправиться с этим очень видным среди антов вождем. Переговоры были грубо прерваны, и посол был убит, что явилось в те времена, как и позднее, делом неслыханным. Это нарушение аварами посольского статуса Мезамира настолько поразило греческого автора, что он записал: «Авары уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира... С тех пор,— закончил эту историю Менандр,— авары стали еще больше разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать жителей».

Мы не знаем подробностей этой трагедии, приключившейся с первым нам известным официальным древнеславянским послом, но можем лишь предположить напряженный характер переговоров, упорство посла и ярость его противников. По-видимому, по странной случайности имя Мезамира включало в себя составной частью слово «мир», издревле использовавшееся при образовании старославянских языческих имен.

Упорнее оказалось сопротивление аварам со стороны племенного союза склавинов, и удачливее — склавин-

ские дипломаты. Тот же Менандр рассказывает, что, не сумев подчинить себе подунайских славян силой, аварский каган Баян отправил к их вождю Даврите посольство «и к тем, кто стоял во главе склавинского народа». Каган потребовал, чтобы славяне покорились аварам и обязались платить им дань. Но Даврита ответил горделиво, достойно и поэтично: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашим, а мы чужим привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Склавины сохранили свою независимость в страшных тисках нападений — со стороны и аваров, и Византии. И можно думать, что дипломатические усилия склавинов сыграли немаловажную роль в этом успешном сопротивлении внешним врагам.

И еще не раз позднее сообщали византийские хронисты об участии антов и склавинов в дипломатических переговорах, о заключении ими договоров с соседями, о получении славянскими вождями подарков в обмен на предоставляемую военную помощь. Греческий автор Маврикий Стратег писал, что задаривание вождей славянских племенных союзов использовалось византийской дипломатией как обычная практика; другой автор, Феофилакт Симокатта, сообщил, что в VI веке анты стали «союзниками римлян», т. е. византийцев, в борьбе с аварами. А это означало, что антские вожди пошли на определенное соглашение с константинопольским двором. Византийцы и позднее, в VI — VII веках, выплачивали антам ежегодные денежные средства за сохранение такого рода союза, предоставляли им в виде компенсации земли для расселения, отдавали во владение крепости на Дунае в обмен на обязательства охранять северные границы империи от набегов кочевников.

Итак, не в X веке зародилась русская дипломатия. Корни ее уходят в седую старину, во времена первых

веков новой эры, когда, развивая свое хозяйство, строя новые социально-экономические отношения, отчаянно отстаивая свою свободу и независимость в борьбе с врагами и осуществляя, в свою очередь, военное давление на богатые земли Византийской империи, славяне овладевали вековыми дипломатическими стереотипами. Они уже знали посольские обычаи, бывали в Константинополе, вели переговоры со своими соседями, были знакомы с таким древним условием перемирий, как обмен пленными, овладели и такой известной в то время традицией союзных отношений «варваров» с Византией, как получение подарков, ежегодных денежных откупных сумм. По-видимому, знали они и тайные посольства, и тайные договоры, как, например, договор с готами. И уже в эти отдаленные времена древнеславянские дипломаты почувствовали, какой опасной была их служба. Порой посол ради интересов своего народа шел на смерть. Все это было ведомо предкам руссов, и все, что знал мир в пору перехода от первобытно-общинных отношений к классовому обществу и к государству, знали, как мы убедились, и они. И пусть фрагментарны сведения о дипломатических контактах древних славян, но они существовали и подготовили позднейшую дипломатическую историю нашего народа.

2. «Чудеса» в Причерноморье и первые договоры Руси с греками

о времени гибели Меца-мира прошло три с лишним столетия, прежде чем мы встречаемся с очередным упоминанием о дипломатии древних руссов. Но значит ли это, что жизнь в восточно-славянских землях стояла на месте?

В течение этих столетий в землях восточных славян проходили бурные социально-экономические процессы, шло формирование конфедераций племен: зарождались будущие княжества, в племенной среде все более четко выделялась княжеская дружина, рубились грады, становившиеся не только центрами ремесла и торговли, но и важными крепостями на водном пути по Днепру,

Днестру и другим славянским рекам. Русские дружины отправлялись в далекие и рискованные военные походы.

К этому времени восточные славяне после жестоких поражений аваров в Центральной Европе сбросили с себя их иго, но в VII веке столкнулись с новой военной угрозой — со стороны сложившегося в Приазовье, на Северном Кавказе и в Северном Крыму, в междуречье Дона и Волги Хазарского каганата. Хазары прочно овладели восточной частью Северного Причерноморья, переняли все торговые пути, ведущие из русских земель на юг и юго-восток, стали угрозой для крымских и северо-причерноморских владений Византии. С большим трудом империи удалось приостановить этот натиск хазар. В ход были пущены старые испытанные способы: византийские дипломаты стремились за счет уплаты хазарам периодических даней оградиться от их набегов, сделать хазар своими союзниками. В Константинополе с почестями принимали хазарских послов, посылали дорогие подарки кагану и его приближенным, и наконец, в 625 году империя заключила с Хазарией договор о союзе и взаимопомощи. Стремясь еще теснее привязать к себе сильного северного соседа, византийский император Ираклий даже согласился отдать в жены кагану свою дочь Евдокию. А через некоторое время, спасая империю от нашествия персов, 40 000 хазарских всадников отправились на помощь императорской армии.

Со времени образования Хазарского каганата восточные славяне уже в который раз выступили на защиту своих земель от агрессивного соседа. «Повесть временных лет» рассказывает об одном из эпизодов этой борьбы славян и хазар следующим образом: «И наидоша я (их) козаре сидящая на горах сихъ в лесехъ, и реша (сказали) козари: „Платите намъ дань“. Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечъ, и несоша козари ко князю своему и къ старейшиным своимъ и реша имъ: „Се, налезохомъ дань нову“. Они же реша им:

„Откуда?“ Они же реша: „Въ лесе на горахъ надъ рекою Днепръскою“. Они же реша: „Что суть въдали?“ Они же показаша мечь. И реша старци козарьстии: „Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инехъ странахъ”».

Здесь речь идет о встрече хазар с полянами. Автор опозитизировал ее, подчеркнул мощь Киева, страх хазар перед своими будущими мстителями: ведь именно от киевского оружия, от мечей Святослава сгибли хазары, обратились в пепел их города, рухнул Хазарский каганат, но все это произошло гораздо позже, а пока же хазары в раздумье стояли под киевскими горами и размышляли над странной и устрашающей полянской данью.

Летописец, рассказав о появлении хазарского войска в земле полян, умолчал здесь о других печальных событиях: хазары подчинили себе часть восточно-славянских племен, и лишь из последующего летописного повествования мы узнаем, что дань хазарам платили, например, радимичи.

Эта запись, которая очень близка к легенде, в то же время вдруг высвечивает один характерный дипломатический аспект. В древности в ходе мирных переговоров весьма часто использовалась вещная символика, происходил обмен оружием, совершались клятвы на священных предметах и т. д. И вот тут-то абсолютная, кажется, легенда вдруг выступает в качестве реального события: хазары подступают к Киеву, не могут взять его укрепления, расположенные на высоких горах, и требуют от полян дани. Те решительно им отказывают и в знак вызова, в знак войны преподносят врагам меч. В дальнейшем мы еще не раз столкнемся с этой символикой, и она перестанет нас удивлять, но в этом месте летописи она упоминается впервые. Любопытно, что и сам летописец

воспринял это издревле дошедшее до него известие как легенду и изложил его в эдакой аллегорической манере. Как он, вероятно, удивился бы, узнав, что за этой аллегорией скрывается обычное ритуальное действие, означающее отказ от мирных переговоров, означающее войну.

Так неожиданно мы узнаем, пусть и в несколько необычной форме, еще об одних переговорах руссов со своими соседями задолго до образования Древнерусского государства. Поляне здесь выступают уже не как племя (да они, согласно летописи, не были таковым уже во времена Кия), а представляют собой какое-то государственное образование. Пожалуй, наряду с записью о Кие это наиболее раннее известие о проявлении полянской государственности, и поразительно, что она отражается, как и в случае путешествия Кия в Царьград, в области дипломатии. Видимо, в сфере внешней политики складывающееся государство заявляло о себе наиболее впечатляюще для потомков, удивленных его первыми деяниями.

Другое такое раннее известие относится уже к Новгороду.

В греческом житии святого Стефана Сурожского, бывшего долгое время архиепископом в византийской колонии в Крыму — городе Суроже (нынешнем Судаке) — и умершего в 787 году, рассказывается о «чудесах», которые творил святой при жизни и после смерти. И вот к его посмертным чудесам авторы жития относят исцеление в Суроже новгородского князя Бравлина. Как он попал туда, чем занемог?

Оказывается, русская рать во главе с Бравлином вторглась в пределы византийских владений в Крыму. Она прошла огнем и мечом по Крымскому побережью. Руссы повоевали византийские владения от Херсонеса до Керчи и «с многою силою» подступили к Сурожу. Русская рать была «велика», а князь «силенъ зело».

Десять дней продолжалась осада этой крупной ви-

зантийской крепости. Наконец, проломив железные ворота городской стены, руссы ворвались в город и начали грабить его. Бравлин попытался захватить богатства местного храма святой Софии, где находилась гробница Стефана Сурожского. Там хранились драгоценная золотая и серебряная церковная утварь, «жемчуг», «злато», «камень драгий», а также «царское одеяло», оправленные в дорогие оклады иконы.

Вот тут-то, у гробницы святого, и начались «чудеса». Бравлина поразил внезапный недуг — «обратися лице его назад». А далее началось самое удивительное. Новгородский князь по просьбе местных христиан приказал прекратить разграбление города, вернуть сурожанам отнятое у них добро и отпустить восвояси пленных, захваченных во время похода. И тут же лицо русского вождя вновь приняло нормальное положение. Это чудесное исцеление князя и его неожиданные действия автор жития отнес на счет влияния святого Стефана Сурожского. Затем он сообщает, что пораженный Бравлин принял крещение и акт крещения совершил над ним не кто иной, как сам архиепископ Филарет, преемник Стефана Сурожского на архиепископской кафедре.

Вся эта история была дружно оспорена западными и отечественными норманистами всех мастей; особенно рьяно выступали против достоверности этих событий бельгийский ученый Анри Грегуар и его ученики и последователи, в том числе современная французская исследовательница Ирэн Сорлен. Они с возмущением писали о том, что в конце VIII — начале IX века, когда происходили описанные события, не могло быть и речи ни о каком новгородском князе, ни о какой русской рати, ни о каком походе. А главное, и в этом был весь гвоздь полемики, — ни о какой древнерусской государственности. Сама мысль о возможности существования на Руси государства, князей до так называемого призвания варягов, до пришествия Рюрика и его братья для

норманистов отечественных и зарубежных была невыносимой. Научные интересы были принесены в жертву интересам идеологическим. Объявлялось, что автор жития просто-напросто перенес историю позднейшего похода великого киевского князя Владимира Святославича (против крымских владений Византии) и его (тоже спорного) крещения в Херсонесе на более раннее время. Вот и все объяснение. Норманисты даже не удосуживались выяснить, почему же в житии речь идет не о Херсонесе, а о Суроже, до которой рать Владимира, как известно, не доходила.

Между тем сторонники достоверности сурожских событий обращали внимание на то, что в тексте, рассказывающем о «чудесах», были поименованы реальные исторические лица — Стефан Сурожский, архиепископ Филарет, о которых было абсолютно точно известно, что жили они в конце VIII — начале IX века, Стефан, как отмечалось, умер в 787 году, а Филарет возглавлял здесь епархию в конце VIII — начале IX века.

Было обращено внимание и на слова жития о том, что нападение Бравлина на Сурож случилось тогда, когда после смерти Стефана Сурожского «мало лет мину», т. е. миновало.

Но главное, в спорах вообще не обращалось внимания на то, что ярче всего в пользу достоверности события говорили условия соглашения, которое Бравлин заключил с сурожанами после того, как его поразил внезапный недуг. Да, да, соглашения, договора! И его следы четко прослеживаются в той просьбе, которую согласился выполнить новгородский князь, благодаря чему и получил чудесное исцеление. Мы никогда не узнаем досконально, что же произошло в Суроже в действительности, почему победители вынуждены были пойти на пятый. Автор жития объяснил это просто — «чудом», совершенным святым Стефаном уже после своей смерти. Оно должно было лишний раз доказать прихожанам

святость их почившего архиепископа, укрепить авторитет христианской церкви. Не в первый и не в последний раз отцы церкви подобными религиозными мотивами объясняли победы в битвах, освобождение от иноземцев, успешную оборону городов, гибель врагов от стихии — штормов, наводнений, землетрясений и т. д. Мы, конечно, не можем принять эту церковную версию. Ясно одно: что-то случилось, и случилось такое, от чего руссы пришли в уныние и должны были обратиться с предложением о переговорах к местным византийским властям, которых в данном случае представлял высший церковный иерарх в здешних краях — архиепископ Филарет. Упоминание о болезни русского вождя может навести на мысль о том, что, возможно, какой-то недуг поразил русское войско и руссы вынуждены были просить о помощи местных эскулапов, в обмен же пообещали мир. Но все это лишь предположения. Что касается условий мира, то они вполне конкретны и отражают весьма ординарные пункты обычных полевых перемирий, когда военные действия прекращаются. На этом война может вообще закончиться, а может и вспыхнуть вновь, но дальнейшие пути развития взаимоотношений сторон определялись иными внешнеполитическими факторами, а пока же начинались переговоры.

Итак, вернемся к тому моменту, когда Бравлин согласился выполнить все, что пожелают сурожане, лишь бы лик его принял прежний вид. О чем же попросили греки? Во-первых, «сии възвратите все елико пограбихом священныя съсоуды и церковныя в Корсуни и в Керчи и везде» — просьба совершенно ясная: греки хотели возвращения церковных ценностей. Такое ли уж это мифическое требование? Отнюдь нет. Бурей проходили «варварские» рати в первом тысячелетии новой эры по византийским владениям, и едва ли не в каждом взятом на щит городе, в многочисленных и богатых монастырях, лежащих на их пути к Константинополю,

ограблению подвергались христианские церкви. Язычники выламывали дорогие оклады икон, уносили золотую и серебряную церковную утварь. Золото, серебро, драгоценные камни представляли для них в христианских храмах главный объект захвата. Это был один из основных видов добычи в далеких походах, и, когда греки потребовали вернуть разграбленные церковные ценности, это отражало весьма обычную ситуацию. Во-вторых, заявили греки руссам: «Выжнете рать из града сего, да не взъметь ничтоже рать и излезе из града». Речь здесь идет о том, что руссы должны не только выйти из захваченного штурмом Суροжа, но и вернуть все взятое у горожан добро. Это условие также было довольно распространенным в войнах того времени. Уход из захваченных городов, крепостей нередко являлся прологом прекращения военных действий. Наконец, в-третьих, сказали сурожане: «Еси взяль пленники мужи и жены и дети, повели възвратити вся». Захват пленников в пору продажи рабов, или, как говорили на Руси в то время — челяди, был распространенным явлением в период существования и рабовладельческих, и раннесредневековых государств. Захваченных в войнах с Русью русских пленников греки продавали на невольничьих рынках по всей своей обширной империи; в свою очередь, руссы гнали челядь на продажу в Константинополь и на невольничьи рынки Херсонеса и Суροжа, торговали челядью и по русским городам. Теперь руссам надлежало лишиться и этой добычи — вернуть пленников — мужчин, женщин, детей. Не исключено, что за этим условием стоит обмен пленными, который являлся во все века одним из условий как временных перемирий, так и долговременных миров. Вспомним, что и первый известный нам славянский посол Мезамир погиб под аварскими мечами, надеясь выменять на аваров русских пленников. В ходе многолетних войн Византии и Персии это условие неоднократно встречалось в многочислен-

ных мирных соглашениях воюющих сторон. Так, в июне 628 года византийский император Ираклий заключил мир с только что взошедшим на престол персидским шахом Шероом. Освобождение персами греческих пленников являлось одним из условий соглашения. Выкуп и обмен пленными Византия неоднократно производила во время мирных соглашений с Арабским халифатом. Так было в 678, 781, 831, 840 годах. Эта практика продолжалась и в X веке. В 924 году византийский император Роман I Лакапин послал в Багдад к халифу Мухтадиру дорогие подарки в благодарность за прекращение арабами военных действий и согласие произвести обмен пленными. Условие об обмене пленными входило в мирные договоры, заключенные Византией с Болгарией — в 814 году с ханом Омортагом и в 893 году — с царем Симеоном. Так же обстояло дело во время противоборства Византийской империи с венграми. Наконец, пункт об обмене пленными включался в позднейшие (X в.) договоры Руси с греками.

Таким образом, просьба греков о возвращении пленных была стереотипной в условиях прекращения военных действий и ухода руссов из захваченного города.

Перед нами, по существу, не что иное, как развернутое перемирие между воюющими сторонами. Причем в данном случае нам известны лишь обязательства русской стороны. И думается, что это не случайно. Греческий автор просто мог не сообщить об обязательствах греков, заменив их религиозной версией о «чуде», но в их существовании не может быть никаких сомнений: ведь не заключались же они действительно в том, что всеильный святой вновь обратил лицо русского князя в нормальное положение? Но где искать их следы? Повторяем, возможно, это была помощь руссам во время их заболеваний. Но возможно, было и что-то иное. И здесь имеет смысл еще раз поискать ответ в источнике: ведь должен же он хоть каким-то образом, но приоткрыть

суть происходивших событий или просто дать шанс к разгадке этого неясного вопроса. И такой шанс, думается, источник предоставляет рассказом о крещении русского князя.

В житии говорится, что сурожский архиепископ Филарет после исцеления знатного русса крестил его, пораженного могучей и чудодейственной силой христианской религии. И факт крещения вполне достоверен, потому что со стороны греков действует лицо хорошо исторически известное. Автор жития представляет акт крещения Бравлина как еще одну победу греков и перечисляет крещение в ряду с другими удовлетворенными просьбами греков. Но такая ли уж это была победа? Кто был более заинтересован в крещении — руссы или греки? Только ответ на этот вопрос может пролить свет на действительную цену этого первого известного нам русского крещения.

Греки издавна использовали крещение как один из способов нейтрализации своих противников, превращения врагов в союзников, а союзников в сателлитов. Поскольку верховная христианская власть в данном регионе сосредоточивалась в руках константинопольского патриарха, византийские императоры использовали силу религии в своих политических целях. Со временем патриархи превратились в послушных исполнителей чисто светских задач Византийского государства. И в большинстве случаев крещение «варварских» вождей, а то и целых народов Византия рассматривала как дарование этим вождям и народам высокой привилегии. Ведь обращение в христианство в тогдашнем восточно-европейском мире, где царили христианские державы во главе с Византийской империей, сразу же повышало престиж того или иного государства или народа, вводило его в сонм «великих». И понятно, что эта привилегия нередко предоставлялась тем, кто одерживал в той или иной войне верх над империей или постоянно тревожил ее

границы, побеждал в ожесточенных и крупных военных кампаниях.

Мы еще не раз позднее вернемся к этому сюжету, который в течение веков неоднократно возникал в отношениях между Византией и Русью, но уже сейчас можно сказать, что почти во всех этих случаях Византия в отношениях с Русью либо испытывала горечь военных поражений, либо остро нуждалась в ее помощи. Аналогично складывалась история крещения и некоторых других народов. И известие о первом русском крещении поразительно напоминает подобные ситуации. Руссы прошли с победой от Херсонеса до Керчи, взяли штурмом Сурож, разграбили город, овладели ценностями храма святой Софии. О чем еще могли мечтать «варвары» во время такого похода? Кажется, все, что они желали, было достигнуто. Но все ли? Русь этого времени была безвестна. Кем был какой-то новгородский вождь для окрестных государств и народов? Между тем бурные социально-экономические и политические процессы, протекавшие в землях восточных славян, настоятельно требовали уже в это время прогресса в системе внешних сношений восточно-славянских племенных конфедераций, «военно-демократических» обществ с соседями. Русские вожди, видимо, уже не только узнали о богатстве византийских владений, христианских храмов и монастырей, но и прочувствовали всю благотворную для укрепления собственной власти силу общения с византийскими светскими и церковными иерархами, значение громких побед над войсками мировой империи и, конечно, могучее влияние обращения в христианство. И нет ничего необычного в том, что мы выскажем предположение о страстном стремлении победителя, честолюбивого и удачливого русского князя, получить крещение из рук видного византийского церковного лица — архиепископа Филарета, наследника самого святого Стефана Сурожского. Заметим, что князь-таки добился своего.

Именно этот акт способствовал появлению его имени на скрижалях истории — пусть и в несколько туманном тексте сказания о «чудесах» греческого церковного деятеля. Но нужно только представить, какой эффект это крещение могло вызвать в среде язычников руссов, для которых с именем наихристианнейшей державы были связаны ее блеск, сила, богатство. Конечно, в языческой среде христианство не сразу и не просто пробивало себе дорогу. Еще во времена Игоря крестилась лишь часть Руси, а его вдове Ольге, склонявшей своего сына Святослава к язычеству, молодой князь резонно заявлял: «Како азъ хочу инъ законъ прияти единъ (один)? А дружина моа сему смеятися начнуть».

И все же, видимо еще в более ранние времена, нежели в период Игоря и Ольги, т. е. в X веке, обозначился этот интерес восточно-славянского языческого общества к христианству, как средству политического укрепления княжеской власти, возвышения внешнеполитического престижа, и, думается, случай с Бравлином — наглядный тому пример.

Итак, крещение, причем из рук самого архиепископа,— вот, вероятно, какова была плата за приостановление набега, возвращение церковных и других ценностей, уход руссов из города. Именно в этом и мог быть смысл того дипломатического соглашения, которое заключил русский вождь со своими противниками.

Это был типичный полевой мир времен «военной демократии». Русская дружина прошла по колониям Византии, не затронула территории самой метрополии, вошла в соприкосновение с местными византийскими гарнизонами и местными властями, и соглашение, которое заключили руссы, было местным, его отзвуки, возможно, и не дошли до Константинополя. Но для неизвестной ранее Руси и это был большой политический успех. Русское «военно-демократическое» общество поднималось вверх по государственной лестнице, и мир, заключенный

в далеком Суроже, уже означал, что из племенного бытия на дорогу раннефеодального государства выходило новое восточно-славянское общество. Ученые датируют события, разыгравшиеся в Суроже, концом VIII — началом IX века, т. е. временем нахождения на архиепископской кафедре в Суроже Филарета.

Прошло всего лишь два-три десятка лет, и вновь мы слышим о руссах, совершивших дерзкий рейд по владениям византийской империи, на сей раз в опасной близости от самого Константинополя. Объектом нападения русской дружины теперь стало не северное, а южное побережье Черного моря. Об этом сообщил греческий автор другого жития — святого Георгия Амастридского.

Амастрида в те давние времена была большим торговым городом-портом на побережье Малой Азии в византийской провинции Пафлагонии. Здесь находились большие базары, пышные постройки, богатый купеческий люд. Со всех концов тогдашнего света приходили сюда, в прекрасную естественную гавань, торговые суда. В городе было немало храмов и монастырей, где десятилетиями накапливались богатства. Сюда-то и направили руссы свой путь.

Поход на Амастриду, как сообщает автор жития, руссы начали с Пропонтиды — так в древности называли вход в пролив Босфор — и двинулись на восток по малоазиатскому побережью Черного моря, на Амастриду. Руссы овладели городом, и неизвестно, какова была бы судьба его жителей и собранных там богатств, если бы не «вмешательство» святого Георгия Амастридского. К этому времени видный деятель византийской церкви был уже мертв. Его гробница находилась в здешнем соборе, став местом паломничества.

Вот этот-то святой и совершил «чудо», внушив руссам мысль о необходимости заключить мир с местными христианами. И нас вновь не интересуют религиозные

сентенции по этому поводу, а привлекает сам факт соглашения между руссами и греками в Амастриде, который проглядывает сквозь церковную притчу. Те же западные ученые, которые сомневались в достоверности известий о походе руссов на Сурож, выразили свое недоверие сведениям об их нападении и на Амастриду, без всяких оснований отождествляя его с русско-византийской войной 941—943 годов при великом киевском князе Игоре.

Как поход на Сурож, так и рейд на Амастриду определили два основных направления русского стратегического движения на юг, которое привело к тому, что в восточных источниках X века Черное море стало со временем называться Русским морем. Первое — это по Днепру, затем по северным берегам Черного моря к византийским колониям в Крыму с их центром в Херсонесе, а позднее — через Северное Причерноморье, Приазовье в низовье Волги на Северный Кавказ и в Закавказье. Второе — все по тому же Днепру, вдоль западного берега Черного моря, через Подунавье к Константинополю и вдоль южного Черноморского побережья. Огромные территории, важные торговые дороги, ключевые стратегические позиции в Северном Причерноморье, Поволжье и Подунавье попадали в сферу внимания складывающейся Руси, что определяло впоследствии основные направления внешней политики Киевского государства на Западе и на Востоке.

Можно пытаться отрицать реальность похода руссов на Сурож и Амастриду, как это делают некоторые западные ученые, можно подвергнуть сомнению и позднейшие русские походы в этих направлениях, но как отрицать систему этих походов, настойчиво пробивающую себе дорогу в течение столетий! Систему опровергнуть невозможно, а в рамках этой системы, чьи контуры, как мы увидим ниже, четко угадываются в IX — X веках, свое определенное место находят два этих первых

известных нам похода, в которых Русь выступает под своим собственным именем.

Как в Суроже, так и в Амастриде руссы заключили договор с местными византийскими властями. Но если, вчитываясь в сообщения о Сурожском походе, мы добываем по крохам сведения об этом договоре, конструируя его основные черты, то в случае с амастридским соглашением дело обстоит несколько иначе. В житии есть прямое указание на то, что в ходе переговоров «устраивается некоторое примирение и сделка их (руссов) с христианами (т. е. с греками)».

Амастридский договор весьма напоминает сурожское соглашение: снова руссы клянутся освободить пленных, «сохранить почтение к храмам», т. е. прекратить разграбление православных церквей и монастырей; «божественные сокровища» остаются в неприкосновенности; даруется «вольность и свобода христианам», что могло означать прекращение насилий на захваченной территории. Снова перед нами пример типичного «полевого» мира с традиционным и древнейшим условием освобождения (или обмена пленными). Уже эта повторяемость говорит больше, пожалуй, чем все остальные аргументы в пользу древности и реальности этих первых дипломатических актов рождающегося государства. Оно еще не оформлено ни территориально, ни в смысле внутренней структуры, и перед внешним миром оно предстает пока дерзкими набегами сильных дружин, которым хотя и по плечу штурмы крупных греческих городов-колоний, но которые еще не осмеливаются ударить в сердце метрополии — по Константинополю, этой вождельной приманке «варварских» государств.

И своеобразным ответом на эту возросшую военную и дипломатическую активность Руси стали усилия союзников — Византии и Хазарии — оградить свои владения от набегов руссов, по-прежнему держать Русь вдалеке

от морского побережья, заступить ей выход на черноморские просторы, в Приазовье по Днепру и Дону.

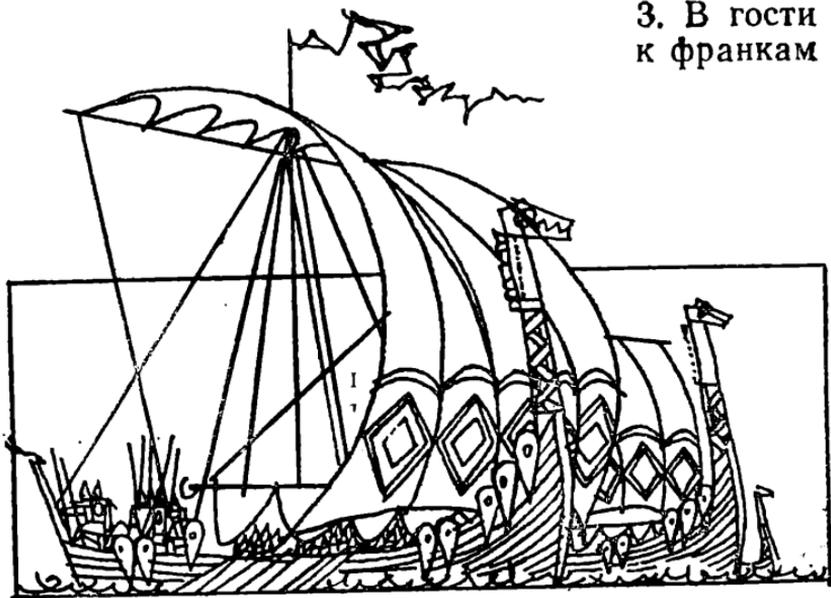
Именно в середине 30-х годов IX века, т. е. чуть позже того времени, когда были совершены оба русских похода вдоль черноморских берегов, хазары обратились к Византии с просьбой оказать помощь в постройке сильной военной крепости на Дону с тем, чтобы воспрепятствовать движению в этих краях кочевых орд и, видимо, опасаясь давления со стороны Руси, которая в конце VIII — начале IX века своими сухопутными и морскими набегами беспокоила границы Византии и Хазарии.

Вскоре на Дон прибыли греческие строители во главе со спафарокандидатом¹ Петроной: началось строительство крепости Саркел, которая возникла на сухопутной дороге, при переправе через Дон, и должна была прикрыть Хазарию, а заодно и крымские владения Византии с северо-запада и запада.

Таким образом, первые дипломатические шаги русов в этом районе приходятся на то время, когда в Причерноморье завязывается сложный международный узел, который надолго определит здесь отношения Руси, Хазарии и Византии. Первая треть IX века — вот хронологическая грань этих событий.

¹ Светский титул.

3. В гости к франкам

838 году первое русское посольство появилось в Константинополе. И это была уже не легенда, не ту-

манное изложение летописцем каких-то полусказочных, дошедших из глубин веков сведений, где лишь намеки указывали на исторические реалии, как это было с сообщением о путешествии Князя в Константинополь. На сей раз факты дошли до нас в их лаконичном изложении западного хрониста.

В Бертинских анналах, принадлежащих перу епископа Пруденция, фиксировавшего погодно все наиболее важные события, связанные с историей Франкского государства и его правящего дома, содержится запись, и

весьма пространная по тогдашним канонам, где упоминается о посольстве руссов.

Епископ рассказывает, как в правление императора франков Людовика Благочестивого (814—841 гг.) в столицу империи город Ингельгейм в 839 году пришло посольство из Византии от тамошнего императора Феофила (829—842 гг.) в составе епископа Феодосия Халкидонского и спафария¹ Феофана. Вместе с византийцами в Ингельгейм прибыли русские послы, которые кружным путем возвращались к себе на родину из Константинополя.

Шел май 839 года.

До так называемого призвания варяжских князей на Русь, с которым норманисты связывают начало государственности на Руси, было еще двадцать три года. Летопись датирует его 862 годом.

Византийские послы привезли Людовику богатые дары и личное послание императора Феофила, в котором тот предлагал франкам подтвердить отношения «мира и любви» между двумя странами.

18 мая 839 года византийское посольство было торжественно принято в тронном зале императорского дворца в Ингельгейме. А далее Пруденций пишет: «Послал он (Феофил) с ними (послами) также неких людей, которые говорили, что их зовут рос, и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан, отправил к нему (Феофилу) ради дружбы». В своем послании к франкскому императору Феофил просил Людовика милостиво предоставить русским послам возможность вернуться на родину и дать им охрану, так как пути, какими они прибыли в Константинополь, «шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен», и он не желал подвергать их опасности. Согласно сообщению западного хрониста, Людовик Благочестивый расспросил послов о

¹ Светский титул.

причинах их появления в землях франков и узнал, что они являются «свеонами». Поскольку лишь за два года до этого, т. е. в 837 году, «свеоны», т. е. шведы, совершили устрашающий набег на владения франков, то послов, естественно, заподозрили в шпионаже, в том, что они являются разведчиками и провозвестниками нового выхода скандинавов в земли франков.

Послов задержали до выяснения их истинных целей появления в Ингельгейме, причем у Пруденция сказано, что «пришли они скорее шпионить, чем искать дружбы». В ответном письме к Феофилу император франков писал: если послы окажутся невиновными, он их либо отпустит на родину, либо вернет обратно в Византию с тем, чтобы византийский император поступил с ними так, как сочтет необходимым. На этом информация хрониста заканчивается, и дальнейшая судьба русского посольства остается неизвестной.

Итак, вскоре после нападения русской рати на Амастриду, которое случилось в 30-х годах IX века, Византия принимает уже первое официальное посольство Руси. И не Новгорода, не Киева, не какого-то другого города, племени или конфедерации племен, а посольство народа, который греки называли «рос». Так впервые в источнике Русь выступает на дипломатическом поприще как государство под своим собственным именем.

Все впервые: первые сведения о полянах в Константинополе, первое появление Руси на черноморских берегах, первое упоминание о договоре, мирной сделке, заключенной в Амастриде, наконец, первое упоминание о русском посольстве. И еще не раз мы, знакомясь с государственной практикой Древней Руси, с зарождением ее дипломатии, будем встречать это слово — «впервые», но уже сейчас можно сказать, что перед нами выстраивается неодолимый ряд признаков складывания древнерусской дипломатической практики, который стремительно

ведет нас вверх, к овладению Русью всеми тогдашними международными дипломатическими стереотипами, и прежде всего теми, которыми уже овладели Византия и империя франков — эти две великие наследницы античной государственности, в том числе дипломатических канонов античного мира.

Запись Пруденция, кажется, не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет о русском посольстве сначала в Византию, а затем и к франкам, но в то же время она порождает и немало вопросов и создает почву для сомнений, особенно, конечно, предоставляет место воображению норманистов, всем, кто изначально исходит из того, что до призвания варягов Русь просто не могла создать ни собственного государства, ни тем более дипломатии в столь ранние времена. Ну, X—XI века, как говорится, куда ни шло, деваться некуда, но в первой трети IX века!..

И действительно, послы заявили, что их царь называет себя каганом, а этот титул, как известно, принимали на себя тюркские владыки — скажем, правители Аварского и Хазарского каганатов. К тому же в Скандинавии существовало имя собственное Хакан (H-äkan), которое окончательно путало все карты. Но самое главное: послы откровенно назвали себя «свеонами», т. е. шведами; представителями народа «рос», но «свеонами».

Вот по этим-то пунктам норманисты снова дали бой нашей отечественной истории. Некоторые из них заявили, что, поскольку упоминается каган, то речь идет о хазарском посольстве, куда руссы вошли как представители племен сателлитов. Французенка Э. Арвайлер, например, писала о нем, как о хазарском посольстве, куда вошли новгородские руссы, т. е. норманны. Шведский историк А. Стендер-Петерсен заметил, что речь идет просто о «торгово-дипломатической делегации шведского племени Русь». И эти-то хазаро-шведо-руссы неужи-

данно открыли для себя Константинополь, да и греки до этого ничего не слыхали ни о какой Руси.

Однако немало отечественных историков, и в первую очередь советские ученые, упорно отстаивали славянский, киевский характер посольства, указывали, что нельзя сводить вопрос, как это делали норманисты, к поискам этнической принадлежности послов. Не в национальной принадлежности их было дело, а в степени государственного развития русских земель, где уже происходил переход от конфедераций племен к единому государству. И если это была русская, славянская, киевская посольская миссия, то ни о каком создании варягами Древнерусского государства конечно уж не может быть и речи.

И вот мы вновь обращаемся к фактам, изложенным Пруденцием, и задаем им вопрос, который прежде не ставили историки. А что собой представляла миссия именно со стороны дипломатической? Ведь мы уже знаем, что руссы давно проявили себя на дипломатическом поприще, и проявили в первую очередь в отношениях с византийскими властями. А тут как раз Византия и выступает своеобразным патроном русского посольства на его пути в землю франков.

Начнем с хронологии. Мы знаем, что в Ингельгейм оба посольства пришли весной и 18 мая греков принял в своем дворце Людовик Благочестивый — император франков. Выходит, что русское посольство выехало из Константинополя также весной 839 года. В то же время мы знаем, что обычно руссы отправлялись по днепровскому пути в Византию обычно в мае — июне. А это значит, что в этом году, т. е. в 839-м, руссы не могли попасть в Византию. Невероятно, чтобы они этой же весной выехали из Киева, откуда до Константинополя был путь неблизкий, и занимал он несколько недель, и в мае же месяце оказались в Ингельгейме, куда от Константинополя также был путь долгий и трудный. Зна-

чит, руссы появились в Константинополе во время навигации не 839 года, а по крайней мере, 838-го, и это приводит к выводу, что русское посольство зимовало в Константинополе и лишь весной следующего, т. е. 839, года задумало возвратиться на родину. Путь для этого был выбран довольно странный. Так руссы оказались в землях франков.

Все это говорит о том, что в Константинополе летом или ранней осенью 838 года оказались не шведские бродяги, не случайные негоцианты, которые открывали для себя Константинополь и сами впервые представляли перед оком греков, а настоящая посольская миссия сильного государства, которая провела в столице Византии осень, зиму и раннюю весну 839 года и уж затем отбыла из Константинополя.

Заметим, что сроки пребывания иностранных посольств в Византии были весьма значительны. Иногда они растягивались на несколько месяцев. Русь не была в этом смысле исключением. У нас есть сведения, что позднее, уже в X веке, посольства Игоря и Ольги в Константинополе вели долгие **многomesячные** переговоры.

В течение всего времени пребывания посольств в империи они находились под покровительством имперских властей, им предоставляли место жительства, содержание, специальный чиновник опекал их, они бесплатно получали средства передвижения вплоть до границ империи. И первое официальное русское посольство в Византии вполне вписывается в эту дипломатическую традицию. Оно находилось в столице империи продолжительное время, и его посольский статус, судя по письму императора Феофила, не вызывал у греков никаких сомнений.

Какова же была цель русского посольства? Что искали руссы в Византии? И на этот вопрос письмо Феофила, которое цитирует Пруденций, дает недвусмыслен-

ный ответ: царь руссов послал свое посольство в Византию «ради дружбы». Дружба — вот та цель, ради которой русское посольство появилось в империи, где это понятие в согласии с тогдашними дипломатическими канонами трактовалось совершенно недвусмысленно — как мирные, дружеские политические и экономические отношения между двумя государствами. Хотели ли руссы лишь завязать такие отношения с могущественной Византией? Пытались ли они восстановить такие отношения, уже существовавшие прежде, но почему-то нарушенные? А может быть, это Византия искала «дружбы» с далекими северными соседями, которые в последние годы стали тревожить ее границы? Ответить на эти вопросы точно весьма трудно. Но одно предположение, могущее объяснить нам смысл русской миссии в Константинополь, сделать все-таки можно. И здесь следует еще раз обратиться к близкому по времени набегу русской рати на Амастриду.

Русская гроза прошла тогда поблизости от столицы империи, весла русских кораблей лишь потревожили воды Босфора, по всему Черноморскому побережью малоазиатских владений Византии, вплоть до Амастриды, прошла русская дружина и взяла на щит этот богатейший город Пафлагонии. А ведь до этого был набег на крымские владения империи — на Херсонес, Керчь, Сурож. И это не могло не вызвать тревогу в Константинополе.

По существу Русь оказалась в состоянии войны с империей. Ее неожиданный набег можно было ожидать каждые весну и лето. Предпринять ответный поход на север Византия была не в состоянии: пути вдоль западного берега Черного моря контролировались могущественной Болгарией, а далее на север и северо-восток шли беспредельные причерноморские степи, могучие реки, которые надо было форсировать, и где-то за днепровскими порогами находилась грозная Русь. И понятно,

что в этих условиях «дружба» с Русью была желанным исходом для Византийской империи. Но Византия не была бы Византией, если бы она полагалась лишь на силу своей дипломатии. В эти же годы, как мы уже знаем, греческие инженеры строят мощную хазарскую крепость Саркел, предназначенную для борьбы против степняков и против Руси. Византия настойчиво готовит Хазарию в качестве противовеса русской угрозе. И все-таки в традициях византийской дипломатии было обезопасить свои владения от нападения «варваров» путем мирных соглашений, откупов, территориальных уступок до той поры, пока империя не находила ресурсы для военного сокрушения или запугивания противника. И вот в Константинополе появляется русская миссия «дружбы». Византия и Русь устанавливают между собой отношения «мира и дружбы». Византия по существу заключает с Русью первый межгосударственный договор, регулирующий политические взаимоотношения между двумя странами.

Это был уже третий по счету договор Руси с греками, если иметь в виду переговоры в Суроже и Амастриде. Русское посольство проводит зиму в Византии, получает в Константинополе почетный прием. Это видно не только из того, что сроки его пребывания в империи весьма продолжительны, но и благодаря факту предоставления императором Феофилом руссам письма, в котором он рекомендует их франкскому императору, а также потому, что византийское посольство к франкам, которое идет в Ингельгейм с целью поддержать с франками отношения «дружбы», сопровождает руссов до самой франкской столицы. Кстати, случаи совместного путешествия двух и даже трех посольств были весьма распространенным явлением в средние века. Это предохраняло от нападений, поскольку все посольства сопровождались военной охраной и их совместная воинская сила порой достигала внушительных размеров. Это и помога-

ло продвигаться по незнакомой территории, так как рядом обычно шло посольство из этой же страны, хорошо знающее обычаи, порядки своей земли и сам путь следования. И впервые с такого рода практикой применительно к Руси мы встретились в 839 году.

Появление русского посольства в земле франков византийский император объяснил в своем послании весьма туманно: руссы-де не могли вернуться на родину обычным путем, так как дороги были переняты свирепыми и жестокими варварами. Что ж, это вполне вероятно. Печенеги в это время обосновывались в Причерноморье, и послы, возможно, действительно опасались их нападения.

Но взглядемся повнимательней в источник. И вновь мы видим понятие «дружба», которое применяет к руссам на этот раз сам Пруденций. Он пишет, что к франкам «пришли они скорее шпионить, чем искать дружбы». А это значит, что в ответ на подозрения франков в том, что руссы являются просто соглядатаями, посольство выдвинуло свою версию: оно и в земли франков, как и в Византию, пришло в поисках «дружбы» между двумя государствами, или, говоря языком современным, для установления дружеских контактов двух государств, не бывших до этого времени в каких-либо отношениях друг с другом. Показательна эта настойчивость Руси: она стремится установить политические отношения с двумя крупнейшими империями Европы, и сам этот факт является свидетельством становления древнерусского государственного самосознания, отражает процесс развития раннефеодального государства.

Но франки не поверили руссам, как не поверили они и письму Феофила в той части, которая касалась русского посольства. Руссов обвинили в шпионаже, видимо, из-за того, что они назвались «свеонами», которые, как уже говорилось, незадолго перед этим совершили нападение на владения франков. На первый взгляд кажется,

что это обвинение смехотворно, несостоятельно: ну, право же, какой шпионаж может быть в IX веке! Однако франки были ближе к реальной жизни, чем мы, кто оценивает те века и опасается в этих оценках модернизации.

И рабовладельческий мир, и мир раннесредневековый дали немало примеров применения государствами системы военного и дипломатического шпионажа для того, чтобы выявить силы предполагаемого или действительного противника, выяснить экономическое и политическое положение того или иного государства, его отношения с другими странами. Шпионские функции выполняли и официальные посольства, и торговцы, и тайные лазутчики. И порой эти сведения использовались весьма искусно. Так что подозрения франков были вполне обиденными. Но в данном случае они переусердствовали. Хотя послы и назвались «свеонами», хотя на этом основании и всю посольскую миссию норманисты позднее назвали шведско-норманским скандинавским посольством и даже толковали о шведском государстве на Днепре, тем не менее никаких шведов, шведского государства они не представляли.

Франки неумышленно, а норманисты вполне преднамеренно отождествили этнический состав послов с этнической принадлежностью государства. Если во главе посольства стояли шведы, значит, и государство было шведским. Но ведь Пруденций совершенно недвусмысленно говорит о народе, т. е. о государстве «росов», об их царе, носящем титул «каган».

Какова же связь между шведами, народом «рос» и каганом? Ответить на этот вопрос не представляет большого труда, если относиться к известиям Пруденция объективно, спокойно и непредвзято. Народ, государство под именем «рос», «Русь» были давно и хорошо известны грекам. Под этим своим именем руссы VIII — IX веков появились в греческих житиях, о которых мы уже

вели речь. И позднее еще не раз мы убедимся, что греки называли восточных поднепровских славян росами и Русью. Но почему же это государство представляли в Константинополе и Ингельгейме «свеоны»? Да потому же, почему и позднее — при Олеге, Игоре — Киевскую Русь в посольских переговорах с греками представляли послы, носившие как славянские, так и иноземные имена, почему и в XV — XVII веках, во времена Ивана III, Ивана IV, при первых Романовых, во главе русских посольских и гонецких миссий нередко вставали преданные России иностранцы. И в раннем средневековье, и позднее бывалые иноземцы, знавшие русский язык, владевшие и иными языками, прошедшие в качестве купцов или воинов весь тогдашний мир и отдавшие в конце концов свой меч, свои способности на службу тому трону, где им хорошо платили, где они пользовались почетом, властью, а также входили в правящую элиту, — эти-то иноземцы нередко и представляли Киевскую Русь, позднее — Московское государство, Русское государство за рубежом, выполняли дипломатические функции, входили в состав посольств, а порой и возглавляли их. Использование иноземцев на дипломатической службе было особенностью не одной лишь Руси. И в других странах варяги нередко выполняли ответственные поручения военного и политического характера. Их услугами пользовались и при византийском дворе.

Поэтому наши «свеоны» представляли совсем иную этническую и государственную среду. Они выступали от имени Руси, которая к этому времени научилась, как и иные государства, использовать бывалых иноземцев в своих целях до тех пор, пока выходцы из русской среды, как это проявилось позднее, не овладеют всем дипломатическим международным арсеналом.

Но как быть с каганом? Вспомним, что еще в XI веке знаменитый киевский писатель и любомудр, первый митрополит-русин Иларион в своем обращении к Ярос-

лаву Мудрому поминал его отца Владимира Святославича и называл его каганом. И не раз еще этот титул употреблялся применительно к великому киевскому князю. Думается, правы те историки, которые считают, что Русь, освободившись от ига аваров, а позднее сбросив власть хазар, воспользовалась титулом «каган» для утверждения своего суверенитета, своего величия и могущества. Ведь позднее титулом царя, т. е. цезаря, именвал себя Ярослав Мудрый, этот же титул принял в XVI веке Иван Грозный, да и титул императора, которым сенат наделил в 1721 году Петра I, был отнюдь не русского происхождения.

Итак, «Русь» — «свеоны» — «каган» сливаются воедино — в истории русской дипломатической миссии 838—839 годов в Константинополь и Ингельгейм, знаменуя собой новый уровень развития древнерусской дипломатии.

Русь этого времени устанавливает мирные отношения с Византией, пытается вступить в дружеские отношения с державой франков. Труден, тернист был этот путь для неизвестных русских дипломатов.

4. «Дипломатическое признание» Руси

860 году в Восточной Европе произошло событие, взбудоражившее современников от Константинополя до

Рима. О нем писали византийские хронисты, говорили в церковных проповедях видные церковные иерархи, его сюжеты звучали в письмах римского папы, отразились позднее они и в «Повести временных лет».

...Ранним утром 18 июня 860 года Константинополь неожиданно подвергся яростной атаке русского войска.

Руссы подошли со стороны моря, высадились у самых стен византийской столицы и осадили город. Со страхом взирали вышедшие на крепостные стены греки, как по глади Босфора проплывали все новые и новые

вражеские суда и новые толпы врагов лавиной шли на город. Они проходили мимо наглухо запертых ворот города, мимо высоких каменных константинопольских стен. Они несли на вытянутых вверх руках своих соплеменников, и те грозно потрясали мечами, повергая в ужас осажденных.

Это была дерзкая демонстрация мощи.

А Константинополь охватывала паника. Прошел слух, что где-то нападавшие уже перевалили через городские стены, часть жителей, спасаясь, бросилась в храмы.

Случилось так, что руссы застали город практически беззащитным. Незадолго перед этим нашествием, весной 860 года, византийский император Михаил III увел из Константинополя в Малую Азию 40-тысячное войско навстречу наступающим арабам. В это же время греческий флот ушел к Криту для борьбы с пиратами. Таким образом, в городе не осталось ни военных судов, ни достаточного количества войска. А незадолго до этого арабы нанесли грекам ряд серьезных поражений в Сицилии и Южной Италии.

В распоряжении оставшихся в городе патрикия¹ Никиты Орифы и патриарха Фотия находилось лишь несколько старых, давно не бывших в употреблении судов и небольшой гарнизон.

Неспокойно было в 860 году и внутри империи. На исходе 50-х годов вновь обострилась борьба с павликианами, еретическим антифеодальным движением. Обосновавшись в Западной Армении, они поддержали в 860 году наступление арабов в Малой Азии, куда отправился с армией император Михаил III. Сторонники павликиан в столице империи с нетерпением ждали исхода военных событий на Востоке.

860 год был отмечен и острыми распрями в среде

¹ Один из высших светских титулов.

господствующего класса Византии в связи с делом патриарха Игнатия. Сторонники провинциальной знати, захватившие власть в эти годы в Константинополе, выступили против старого патриарха — ставленника столичного монашества и чиновничества. Совсем недавно Игнатий был низложен и отправлен в ссылку на Принцевы острова. Его место занял видный дипломат, государственный деятель, ученый, яркий оратор Фотий, который до этого не думал ни о какой духовной карьере.

Но «игнатиане» не сдавались. Они мечтали о реванше, распространяли слухи о том, что Фотий был избран в нарушение канонических норм, отказывались признать его патриархом. Город бурлил. Было ли все это лишь совпадением? Весьма сомнительно. Слишком уж удобен оказался момент для нападения, слишком неожиданным было оно для греков, чьи аванпосты со всех сторон, казалось, надежно охраняли покой империи. Да и в Северном Причерноморье, в дельте Днепра, откуда руссы двинулись к берегам Византии, постоянно обретались греческие колонисты, рыбаки, небольшие отряды, задача которых состояла в том, чтобы вовремя дать знать в Херсонес и в метрополию о начинающемся нашествии.

Совершенно очевидно, что руссы хорошо знали состояние дел в империи, имели четкие сведения о ее военных делах. Все это вместе взятое указывает, что не может быть и речи о случайном совпадении. Перед нами точно рассчитанный, тщательно продуманный по месту и времени, хорошо законспирированный удар. Являлось ли все это исключением в тогдашней военной практике? Отнюдь нет. Обычай политической, в том числе дипломатической разведки хорошо был известен и в античном мире, и в период раннего средневековья. Эту практику широко использовала против своих противников Византия, а те в свою очередь настойчиво старались проникнуть в политические и военные кулисы великой империи. Так, византийский дипломат и историк V века Приск

Панийский, направленный в качестве посла к знаменитому гуннскому вождю Атилле, в своем труде «Византийская история и деяния Атиллы в восьми книгах» подробно рассказал о системе политического шпионажа и дипломатической разведки, которую с успехом применяли друг против друга как Византия, так и держава гуннов. Атилла через своих шпионов при константинопольском дворе получал информацию о секретных поручениях византийского императора послам, направляемым в его стан. Обе стороны широко использовали для добывания необходимых сведений подкуп должностных лиц.

Можно думать, что и внезапные для Византии рейды антов к ее границам не проходили без участия их соплеменников, служивших в византийской армии. Можно вспомнить и случай с русским посольством в столице франков, которое обвинили в шпионаже, что само по себе было, видимо, обычным делом.

Имеет право на жизнь и гипотеза, высказанная некоторыми учеными, о том, что нашествию руссов на Византию способствовали и арабы, которые сами вели наступление на владения империи. Нельзя исключать и помощь со стороны болгар, давних и упорных соперников Византии.

По существу перед нами первый известный нам в применении к Руси случай политической и военной разведки, которая могла осуществляться через купцов, через живших или служивших при константинопольском дворе руссов или варягов. Как бы там ни было, эффект неожиданного появления русской рати под Константинополем был поразителен.

Но мощные константинопольские стены, выдержавшие столько тяжелых осад, по-прежнему стояли неприступно. На их высоту и крепость надеялись осажденные.

К императору со страшной вестью поскакали гонцы. Орифа и Фотий умоляли Михаила III вернуться и взять на себя руководство обороной города.

Именно в эти критические дни в Софийском соборе, главном храме империи, патриарх Фотий произнес свою первую проповедь, которая так и называлась: «На нашествие россов». «Что это? Что за удар и гнев столь тяжелый и поразительный? Откуда нашла на нас эта северная и страшная гроза? — вопрошал Фотий. — Какие сгущенные облака страстей и каких судеб мощные столкновения воспламенили против нас эту невыносимую молнию?.. Где теперь император христоролюбивый? Где воинство? Где оружие, машины, военные советы и припасы? Не других ли варваров нашествие удалило их и привлекло к себе все это?.. Народ вышел от страны северной, устремляясь как бы на другой Иерусалим, и племена поднялись от краев земли, держа лук и копье,— говорил Фотий удрученным мирянам,— они жестоки и немилосердны; голос их шумит как море; мы услышали весть о них или, лучше, увидели грозный вид их, и руки у нас опустились... Неожданное нашествие варваров не дало времени молве возвестить о нем, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности. Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч со всех сторон».

Константинополь молился. Огромный город, погрязший в дни правления Михаила III в разврате, кутежах, безудержном веселье, на что с таким укором во время этой проповеди указал Фотий, вдруг затих, оцепенел.

А осада продолжалась. Уже несколько дней прошло с тех пор, как руссы обложили город; они разграбили близлежащие монастыри и селения, добрались до острова Теревинфа в Мраморном море, где томился в ссылке в одном из здешних монастырей бывший патриарх Игнатий. Двадцать два его служителя пали под русскими мечами.

Бросив свое войско в Малой Азии на Черной речке, император Михаил III с большим трудом пробрался в

осажденный город и возглавил совместно с патриархом Фотием его оборону.

Первую свою ночь в осажденном городе, как сообщает греческий писатель хартофилакс¹ Софийского собора Георгий, император провел в молениях. Переодевшись в одежду простолюдина, он отправился в храм Богоматери во Влахерне, районе Константинополя, и распростерся ниц на каменных плитах храма. Всю ночь продолжалась молитва. Не случайно император появился именно в этой церкви. Богоматерь во Влахерне почиталась как заступница Византии от внешних врагов; к ее «чудодейственной» помощи греки прибегали в наиболее отчаянные дни иноземных нашествий. Она «спасала» их от нападений аваров, арабов и вот теперь должна была спасти от руссов.

День и ночь шли моления во Влахернском храме, но богоматерь не помогала.

Опасность нарастала с каждым часом. В своей второй проповеди, произнесенной сразу же после ухода руссов в том же Софийском соборе, патриарх Фотий вспоминал: «Город... едва не был поднят на копьё». В этих условиях духовные иерархи решили спасти церковные ценности и святыни и, в частности, так называемую ризу богоматери, которая хранилась в раке Влахернского храма. Весь золотой и серебряный наряд раки рассекли топорами и секирами и перенесли в центр города, за вторую линию стен. После ночной молитвы при огромном стечении народа ризу вынули из вскрытой раки, развернули и показали собравшимся. Люди падали ниц с возгласами: «Господи, помилуй!» Затем ризу перенесли в храм святой Софии, а моления продолжались. «Ясно покажи,— зывали греки к богоматери,— что град укрепляется твоею силою; сколько душ и градов взято уже варварами,— воззови их и выкупи,— даруй же и мир крепкий жителям града твоего»,

¹ Церковный чин.

Это тяжкое положение Константинополя нашло отражение и в «Повести временных лет». Ее автор записал: «Цесарь же едва въ градъ вниде, и спатреярхомъ съ Фотьемъ къ сущей церкви святей богородице Влахерне всю ночь молитву створиша, та же божественую святы богородица ризу с песними изнесъше в мори skut (полу) омочивше».

В самый критический момент, как об этом повествуют византийские источники, свершилось чудо. 25 июня, т. е. ровно через неделю после начала осады, руссы внезапно стали отходить от города. Вскоре они были уже около своих судов. И вот пораженные греки увидели, как грозные враги отплывают восвояси.

Ликование в Константинополе было полное. Сразу после отхода русской рати патриарх Фотий выступил перед паствою в том же Софийском соборе со второй проповедью, которая, как и первая, была посвящена русскому нашествию. «Нечаянно было нашествие врагов,— говорил Фотий,— неожиданно свершилось и удаление их». А далее константинопольский патриарх предложил как своим современникам, так и последующим поколениям исключительно религиозную интерпретацию событий: руссы принялись снимать осаду города, как только ризу обнесли вокруг городских стен.

Так родилась версия о возмездии, которое понесли руссы, о проявленном всесии христианской религии. Но мы об этой версии сегодня можем говорить лишь с улыбкой.

Так что же действительно произошло под стенами Константинополя? Почему русская рать удалась столь быстро и организованно, не встретив какого-либо сопротивления?

Ответ на эти вопросы мы найдем все в тех же греческих источниках, которые, упирая на религиозное объяснение событий, тем не менее не могут скрыть истинный смысл происходившего. Обращает на себя внима-

ние упоминание в проповеди Фотия о неожиданном отступлении руссов. Имеются сведения и об определенном конечном успехе руссов. Так, тот же Фотий говорил следующее: «Народ неименитый, народ несчитаемый ни за что, народ, поставляемый наравне с рабами¹, неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, уничтоженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства — о, какое бедствие, ниспосланное нам от бога!» В одном из писем римского папы Николая I к византийскому императору Михаилу III говорится о том, что враги ушли неотомщенными. Венецианский хронист XI века Иоанн Дьякон сообщил, что нападавшие вернулись на родину с триумфом.

Теперь сопоставим эти сведения друг с другом. С одной стороны, мы видим версию о «чуде», которое якобы уже в который раз сотворила богоматерь, а с другой — известие о том, что руссы ушли, торжествуя победу, неотомщенными, захватившими огромные богатства. Так в чем же все-таки причина отхода победителей от стен византийской столицы?

Ключ к разгадке тайны, сокрытой византийскими церковными и политическими «пропагандистами», заключается в тех же свидетельствах очевидцев. Тот же Фотий, например, говорил, что город не взят по милости руссов. В источнике того времени — «Слове на положении ризы богоматери во Влахернах» — упоминается, что «начальник стольких тех народов для утверждения мирных договоров лично желал его (императора) увидеть». Интересно подчеркнуть, что о самом мире автор «Слова» говорит как о деле уже состоявшемся.

Наконец, вспомним, что Фотий отметил уход руссов от стен Константинополя с огромным богатством. Во

¹ Так греки вообще нередко характеризовали «варварские народы».

второй проповеди он также заявил, что благодаря нападению на Византию руссы достигли «блистательной высоты и несметного богатства», т. е. константинопольский патриарх по существу коснулся вопроса о материальных результатах русского похода, который мог, согласно тогдашним обычаям, сложиться как из захваченных товаров, церковных ценностей, личного имущества греков, так и из огромного выкупа, военной контрибуции, которую греки, как правило, платили врагам за прекращение военных действий и уход от города.

Не можем мы не упомянуть и о предмете молитв греков во Влахернском храме: они просили небо о мире. Все это приводит к мысли о том, что прекращение военных действий, уход руссов восвояси объяснялся отнюдь не вмешательством божественных сил, как на этом настаивали церковники, а вполне земными, прозаическими вещами. Как они нередко делали в случае тяжких военных невзгод, особенно неожиданных выходов «варварских» армий вглубь византийской территории, греки предложили врагу мирные переговоры и выкуп. И то и другое было вполне почетно, а выкуп, состоявший из золота, серебра, драгоценных камней, дорогих тканей, был той вожаделенной целью, ради которой нередко предпринимались дальние и рискованные «варварские» рейды.

Такие переговоры, прекращавшие военные действия и восстанавливавшие статус-кво¹, давно уже стали прочной дипломатической традицией. Неоднократно прибегали к ней и византийцы во время войн с персами, арабами, болгарами, аварами, хазарами и другими народами. Теперь настала очередь Руси. Для самой же Руси эти переговоры пока были еще внове, но теперь Русь впервые добилась в ходе победоносного похода права на проведение переговоров с Византийской империей на

¹ Существовавшее положение.

межгосударственном уровне. Так была перевернута еще одна дипломатическая страница истории Древней Руси.

Возникшая, во всяком случае для Византии, из политического небытия, молодая держава этим договором утверждала свою силу, свой престиж перед лицом великой империи, одним из сильнейших государств тогдашнего мира. Позади остались пограничные периферийные нападения, посольские полевые миры с провинциальными византийскими властями; новый договор на этот раз был заключен у стен Константинополя. Гордые и надменные греки были вынуждены признать «неизвестный» ранее в международном плане народ и вступить с ним в политические взаимоотношения.

Каковы же были условия этого первого межгосударственного соглашения Руси и Византии? Это мы можем с большой долей вероятности лишь предположить: во-первых, прекращение военных действий и уход руссов в свои пределы; во-вторых, уплата греками Руси выкупа, военной контрибуции; в-третьих, договоренность о проведении между Русью и империей посольских переговоров в ближайшем будущем для окончательного урегулирования отношений.

Так закончилась эпопея 860 года, послужившая прологом межгосударственных отношений двух государств.

Только что мы высказали мысль о том, что третьим пунктом соглашения мог быть вопрос о последующих переговорах. Для этого предположения есть весьма веские основания. Существуют свидетельства, говорящие, что по истечении небольшого срока после ухода русской рати из-под Константинополя в столицу Византийской империи прибыло русское посольство. Об этом идет речь в так называемом «Окружном послании» патриарха Фотия восточным архиепископам. Патриарх, недавно переживший ужасы осады, вспоминает о тех днях и информирует архиепископов о позднейших отношениях с Русью. Он пишет: «Поработив соседние наро-

ды и чрез то чрезмерно возгордившись, они (руссы) подняли руку на Ромейскую (Византийскую) империю. Но теперь и они променяли эллинскую и безбожную веру, в которой прежде сего содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число подданных (или преданных) и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость, и в них возгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды».

Византийский хронист Феофан также записал: «Немного времени спустя посольство их (руссов) прибыло в Константинополь с просьбой сделать их участниками в святом крещении, что и было исполнено». Наконец, есть на этот счет и еще одно сообщение. Сто лет спустя византийский император Константин Багрянородный, известный писатель своего времени, создавая биографию своего деда Василия I Македонянина, который, будучи любимцем Михаила III и его соправителем, в 867 году организовал убийство своего покровителя и занял единолично императорский трон, отметил: «И народ руссов, воинственный и безбожный, посредством щедрых подарков, золота и серебра, и шелковых одежд император Василий привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил их сделаться участниками божественного крещения и устроил так, что они приняли архиепископа».

Одна из позднейших русских летописей — Никоновская, которая, как полагают, восприняла некоторые древнейшие летописные тексты, не отраженные в иных летописных сводах, также упомянула о русско-византийском договоре тех времен: Василий Македонянин «сътвори же и мирное устроение съ прежреченными русы, и приложи ихъ на христианство».

Все эти сообщения убеждают, во-первых, в том, что вскоре после снятия осады и ухода руссов на родину в

Византии появилось их посольство, которое заключило с империей какое-то мирное устроение, какой-то договор; во-вторых, в принятии руссами христианства. Но каким было это соглашение, при чем тут упоминание о крещении,— этого источники не раскрыли, что породило в исторической науке весьма противоречивые мнения. Но в одном ученые оказались единодушными: никто из них не объединял эти сообщения: сам по себе рассматривался факт заключения русско-византийского договора и сам по себе факт крещения.

Между тем, чтобы проникнуть в суть происходящих событий, правильно подойти к смыслу дипломатических событий того периода, необходимо как раз объединить оба эти сообщения, как, впрочем, это и сделано в сочинениях древних авторов. К этой необходимости приводит не досужее пожелание, не поверхностный домысел, а обращение к аналогичным отношениям Византии с другими окрестными странами и народами. И самое неверное здесь — считать, что Русь представляла собой в отношениях с Византией какое-то уникальное явление. Ничего подобного! За свою долгую и богатую внешнеполитическую историю Византия повидала врагов разных рангов и мощи. И в течение столетий выработала в отношениях с ними определенные стереотипы. Одним из этих стереотипов являлось заключение с «варварами» договоров «мира и любви». Точку отсчета положил первый известный нам договор такого типа — между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем, и относился он к 1296 году до новой эры, т. е. был заключен за две тысячи лет до описываемых событий. Обе державы договорились о «мире и братстве на все времена», обещали помогать друг другу против общих врагов, выдавать взаимно политических перебежчиков; в заключение на голову тех, кто из ныне царствующих персон или последующих поколений правителей нарушит договор, насылались проклятия богов.

После этого прошли века, мир познакомился с дипломатией Древнего Рима и греческих полисов, Персии и других великих держав, но договоры «мира и любви» или «мира и дружбы», устанавливающие между государствами либо просто мирные, либо мирно-союзные отношения, хотя и отличались известными модификациями, тем не менее в основной своей сути дошли и до времен раннего средневековья, были взяты на вооружение византийской дипломатией. Причем во многих случаях сам факт заключения Византией впервые с каким-либо из «варварских» государств мира означал по существу политическое признание империей этого государства, вступление с ним в постоянные дипломатические, а позднее и экономические контакты, и дальнейшие отношения с ним строились уже на почве этого существующего основного соглашения, которое нарушалось военными конфликтами, вновь подтверждалось, развивалось и дополнялось конкретными соглашениями торгового характера, союзными статьями, династическими браками, церковными отношениями и т. д.

Так, в 558 году Византия заключила подобный мир с аvarами, которые впервые подошли к границам империи и появились на Дунае. В тот год в Константинополе решили, что лучше с аvarами договориться миром, согласиться уплачивать каганату ежегодную дань, но снять с себя тем самым бремя внешней опасности. В столице империи торжественно приняли посольство аварского кагана Баяна, мир был заключен, Византия тем самым признала державу аваров и добилась, чтобы в обмен на уплату дани авары охраняли дунайскую границу империи от постоянных набегов славян.

Потом на византийском горизонте появился новый опасный противник — Арабский халифат, и в 641 году империя заключила с арабами первый договор, открывший с ними дипломатические отношения. Так же было признано позднее, в 678 году, государство лангобардов,

а в 681 году — Болгарское государство во главе с ханом Аспарухом. В X веке подобное же признание вырвали у Византии венгры.

Теперь наступило время Руси. От набегов и «мирных устроений» на границах империи дело пришло к грандиозному походу, осаде Константинополя; русское посольство после этого появилось в столице империи как посольство победоносного государства. Все данные говорят за то, что перед нами не просто регулирование пограничного конфликта, как произошло в Суроже, и даже не заключение мира с «варварами» после их военного набега на византийские владения, как это было во время первого известного нам русского посольства в Константинополь в 838 году. Нет. На этот раз речь шла о долговременных отношениях между государствами.

Мы вчитываемся в скупые строки источников и узнаем знакомые черты стереотипного межгосударственного договора «мира и любви».

О том, что руссы стали «друзьями», пишет Фотий. О щедрых подарках золотом, серебром, шелковыми одеждами, преподнесенных руссам с надеждой на переговоры и заключение «мирного договора», что, как правило, являлось широко применяемым греками способом склонить противника к миру, предотвратить будущие нападения, сообщает Константин Багрянородный; о «мирном устроении» говорит и Никоновская летопись.

Перенесемся теперь на 50 лет вперед и обратимся к знаменитому договору Руси с греками 911 года. Там есть такой текст. Посольство от имени русского князя Олега извещает византийских императоров Льва, Александра и Константина, что оно явилось в Константинополь «на удержание и на извещение от многих лет меж христианы (т. е. греками) и Русью бывшую любовь». И здесь слово «любовь» означает не красивую словесную безделицу, а вполне четко, в соответствии с тогдашними канонами отражает суть некогда заключен-

ного Русью с греками договора «мира и любви». Эта фраза ведет нас к 60-м годам IX века.

Договор «мира и любви» по существу был первым межгосударственным договором Руси и Византии, означал политическое, дипломатическое признание складывающегося Древнерусского государства великой империей.

Запомним: 60-е годы IX века. Но почему не 860 год, и где точная дата появления русского посольства в Византии? Увы, ее нет. «Окружное послание» Фотия было написано в 867 году, а в нем о факте посольства уже сообщается как о состоявшемся. Кроме того, в этом послании Фотий пишет о том, что руссы подняли руку на империю ромеев незадолго перед тем, как стали ее друзьями. А это значит, что события следовали одно за другим. Руссы ушли из-под Константинополя после предварительного мирного соглашения, а договор «мира и любви», первый дипломатический межгосударственный равноправный договор Руси и Византии, был заключен позднее, в период пребывания русского посольства в Константинополе.

Мы уже обратили внимание на то, что во всех сообщениях византийцев и в русской летописи упоминаются в одном ряду с заключением договора о «мире и любви» сведения о крещении руссов. Заметим, что и в Суроже, и в Амастриде мирные переговоры между руссами и греками неизменно заканчивались склонением руссов к христианству. Что это, совпадение или отражение какой-то системы, какого-то скрытого от нас упорства либо руссов, либо греков, а может быть, и тех и других, неизменно объединяющих крещение с дипломатическими шагами, с «мирными устройствами»?

И снова мы не можем оценивать этот знаменательный факт изолированно от византийской практики того времени. Греки, как уже отмечалось, настойчиво использовали церковь в своих внешнеполитических целях, а

поскольку константинопольский патриарх являлся высшей православной властью в регионе, то вновь обращенные в христианство государства и народы Византия рассматривала как соподчиненные ей в церковном отношении. Опираясь на эту основу, византийские политики упорно стремились перевести эту зависимость в область политическую и выступать по отношению к христианским неопитам в качестве политического суверена. Это стремление зиждилось, кроме всего прочего, на том, что византийский император считался не только главой светской, но и духовной власти, патроном церкви, в его лице соединялась высшая светская и духовная власть.

Соседи Византии прекрасно усвоили эту практику Константинополя и, приняв христианство, свято старались соблюсти свой политический суверенитет. И тут все зависело от соотношения сил. Когда в начале 60-х годов IX века болгарские феодалы приняли решение сделать христианство официальной религией в стране, вокруг этого вопроса завязались острые внешнеполитические осложнения. Царь Борис начал переговоры о принятии болгарами христианства с римским папой Николаем I и немецким королем Людовиком. Византия же стремилась подчинить Болгарию своему церковному влиянию, от которого было рукой подать до влияния политического. К границам Болгарии были двинуты византийские войска. Болгары не решились начинать войну и приняли христианство из рук Византии. Царь Борис взял себе христианское имя Михаила в честь своего крестного отца — византийского императора Михаила III, того самого, который отбивался от Руси в 860 году. Произошло это в 864 году, т. е. в те же годы, когда русское посольство вело переговоры о мире и крещении Руси в Константинополе.

Так Византия боролась за свой церковный приоритет. Но вновь обращенные в христианство видели в новой религии, конечно, свою цель — усиление власти гос-

подставяющего класса, возвышение государственного престижа страны, ее руководителя; и порой безвестные ранее язычники, «варвары» даже стремились путем принятия христианства подняться на несколько ступеней выше в иерархии окружающих Византию государств. И чем выше был ранг крещения, чем выше духовный сан и политический вес крестного отца «варварского вождя», тем более весомым становился сам акт крещения, его чисто политический резонанс.

Все это мы уже видели на примере крещения руссов в Амастриде.

Таким образом, христианизация византийскими иерархами государств, народов, их правителей, вождей была пронизана многими противоречиями. Она была желательна обеим сторонам, но каждая из них видела в крещении лишь то, что было выгодно ей. И каждая старалась отбросить прочь то, что ущемляло ее интересы, путало политические карты. И даже когда Византия навязала стремящейся к христианизации Болгарии православие по греческому образцу, болгарский двор, во-первых, сумел добиться учреждения в Болгарии архиепископства и, во-вторых, оговорил его автономные от константинопольского патриархата права.

В случае с руссами эта византийская практика не претерпела изменения. Стоит только посмотреть, как в источниках оценивается инициатива сторон, чтобы представить все противоречие ситуации.

В хронике Феофана говорится о том, что русское посольство само просило греков крестить Русь. Константин Багрянородный сообщает, что греки во время переговоров убедили руссов принять крещение. Патриарх Фотий пишет, что руссы сами сменили язычество на православие. Кто же прав? Истина, видимо, в том, что вопрос об этом первом крещении Руси на государственном уровне стал предметом упорных посольских переговоров и пункт о нем вошел в состав общего договора

«мира и любви», который заключили руссы в Константинополе.

После этого на Русь был отправлен, согласно сообщениям византийцев, архиепископ. Какова его дальнейшая судьба, каковы были условия взаимоотношений вновь образуемой русской епархии и константинопольской церкви — это остается неизвестным. Во всяком случае, в византийских источниках начала X века есть упоминание о русской православной епархии. Но ведь хорошо известен и тот факт, что и после этого крещения, казалось, ничто не могло поколебать русскую вековую языческую толщу, и на смену принявшим крещение русским вождям, штурмовавшим Константинополь, пришел князь Олег, язычник и поклонник волхвов, — минуло еще сто с лишним лет, прежде чем христианство стало официальной государственной религией Руси.

Можно и предположить, что греки добились у русского посольства согласия на допуск в Киев миссионера с целью обращения в христианство желающих.

Но как бы там ни было, первый шаг в этом направлении (а точнее, третий по счету) был сделан, и он нашел отражение в русско-византийском дипломатическом соглашении в начале 60-х годов IX века.

Вновь и вновь обращаемся мы к скучным записям о русско-византийских отношениях того времени, и кажется, сквозь лаконичные строки проступают и иные пункты заключенного договора. Вот, скажем, есть сообщение, что руссов склоняли к переговорам «щедрыми подарками» — золотом, серебром, шелковыми тканями. Что это — подкуп иностранного посольства с целью добиться наиболее выгодного условия соглашения? А может быть, за этими словами скрыта мысль о выплате греками дани Руси, ежегодной дани за сохранение «мира и любви», какую обычно выплачивали греки могущественным и опасным для них сопредельным «варварским» государствам? Ответить на этот вопрос опреде-

ленно применительно к тому времени трудно, но обратить на него внимание в преддверии новых соглашений, где данный пункт проступит более явно, просто необходимо.

И еще два любопытных факта. Спустя пятьдесят лет в русско-византийском договоре, который в 911 году заключил с греками князь Олег, есть такая фраза: «Егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу», что означает: «Когда ходим в греки с торговыми целями или в качестве послов». Это значит, что в начале X века регулярный обмен посольствами между Русью и Византией стал систематическим, как регулярным стал и обмен торговыми караванами. Когда была эта регулярность узаконена? Не по договору ли 60-х годов IX века? И второй факт. По данным арабского автора Ибн-Исфендияра, русское войско между 60-ми и 80-ми годами IX века совершило поход на город Абесгун, расположенный на юго-восточном побережье Каспийского моря во владениях местного правителя Хасана Ибн-Зайда, сателлита Арабского халифата.

Руссы прошли вдоль Каспийского побережья, «произвели опустошения и грабежи», напали на Абесгун, потом были отбиты местными войсками.

Заметим, что это было время, когда Византийская империя вела отчаянную борьбу с арабами за свои малоазиатские владения. Вспомним, что именно там находилась греческая армия во главе с императором во время осады руссами Константинополя в 860 году.

Теперь же руссы наносят по владениям халифата удар с северо-запада, подкрепляя тем самым усилия греческой армии, сдерживающей арабов на востоке Малой Азии.

Что это, вновь случайное совпадение? Но почему такая быстрая смена политических и военных декораций? Хотя арабский автор и позволяет определить время похода на Абесгун между 60-ми и 80-ми годами, когда

правил упомянутый Хасан Ибн-Зайд, но мы можем сами попытаться обозначить время похода более точно. 70—80-е годы? Вряд ли. Именно в это время начинается на Руси борьба за власть, проходит смена династии, престол в Киеве захватывает Олег, начавший тут же борьбу за соби́рание русских земель под властью Киева, выступивший против Хазарии. Неподходящее это было время для далекого каспийского похода. 60-е годы остаются более предпочтительной датой. И еще вот почему. Именно в это время византийцы дорожили любой возможностью приобрести союзников в борьбе со своим смертельным врагом — арабами. Это были не хазары, не Русь и даже не Болгария. Арабский халифат навис страшной тучей над восточными и южными владениями империи, грозил со стороны Сицилии. Многие области уже были потеряны безвозвратно. Арабские войска уже хозяйничали в Малой Азии. И понятно, что Византия всю мощь своих союзников направляла против арабов. Такая роль была отведена союзной ныне Хазарии. И уж не связали ли греки и Русь военно-союзным договором в обмен на ежегодную дань, торговые и иные льготы?

Надежных ответов на эти вопросы нет. Есть лишь смутные догадки, полезные аналогии, четкая перспектива,— в будущем все эти неопределенности действительно отлились в пункты военно-союзного договора.

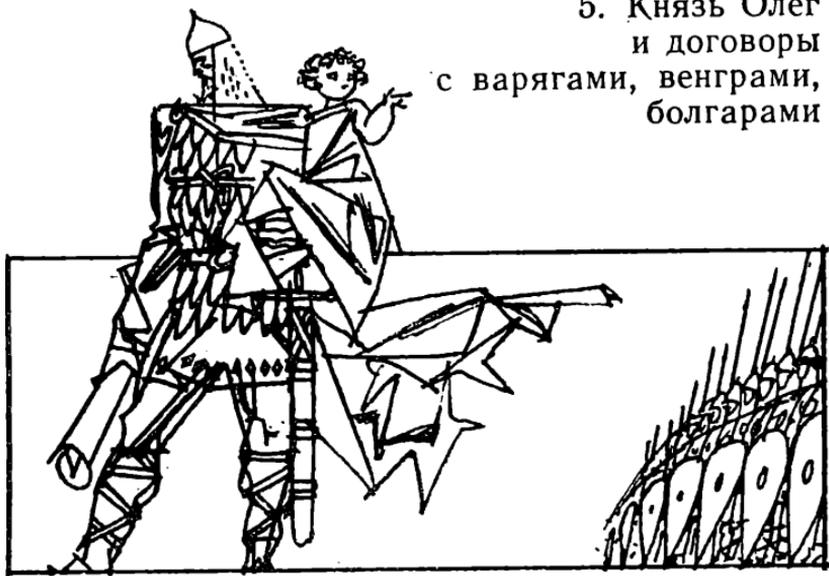
Но ведь где-то было начало? Не в 60-х ли годах IX века? Право, слишком уж недвусмысленно оказалось это совпадение (если это было оно) совместной борьбы Византии и Руси против Арабского халифата и его сателлитов.

А теперь с большей или меньшей долей вероятия попытаемся реконструировать это первое (снова первое!) межгосударственное долговременное соглашение «мира и любви», которое включало в себя не только определение политических взаимоотношений двух государств, но и дополнялось другими важными конкретными пункта-

ми: о крещении Руси (его можно рассматривать и как привилегию, данную Руси, уступку со стороны Византии, и как уступку со стороны Руси, в зависимости от сути дела, сокрытого для нас историей), о выплате руссам ежегодной дани за поддержание отношений мира и союзную помощь в борьбе против Арабского халифата, наконец, о регулярном обмене посольствами и о допущении русских купцов на византийский рынок. И даже если некоторые из этих пунктов гипотетические (впрочем, все они получают, как мы увидим ниже, свое развитие в самом ближайшем будущем), все равно и минимума их — статей о «мире и любви» и о крещении — вполне достаточно, чтобы оценить это соглашение как дипломатическое государственное признание Византийской империей Руси, заключение с ней масштабного, равноправного, важного для политики и экономики обоих государств соглашения.

Русь встала в своих отношениях с Византией вровень с другими «варварскими» государствами, ее внешнеполитический престиж заметно возвысился, тогдашний мир заметил ее, услышал ее крепнувший государственный голос.

5. Князь Олег
и договоры
с варягами, венграми,
болгарами

закончилась эпопея
860 года, закончилась
блистательным успе-
хом молодой Руси, а
далее сведения о раз-

вивающемся Древнерусском государстве, и так не очень пространные и ясные, становятся сбивчивыми и противоречивыми.

Согласно летописи, после изгнания варягов за море руссы начали «володети» собой сами, перессорились и «вста родъ на родъ», возникла междоусобица. Вот тут-то русские племена и решили пригласить князя со стороны, который должен был обеспечить на Руси «наряд», т. е. систему управления, по типу властительства позднейших новгородских князей, которых Новгород при-

глашал к себе княжить на определенных условиях: так Рюрик появился в Новгороде, а два его боярина — Аскольд и Дир — в Киеве.

Далее летопись сообщает о том, что Аскольд и Дир ходили походом на Константинополь. При этом летописец описывает поход 860 года, но ошибочно относит его к 866 году. Затем он сообщает о кончине Рюрика и о том, что тот передал перед смертью свое княжение Олегу, «от рода ему суца», и отдал ему на руки своего сына Игоря, так как тот был еще слишком мал — «бе бо детскъ вельми».

С этим-то младенцем на руках Олег явился на Днепр, овладел Смоленском, потом Любечем и подступил к киевским горам. Аскольд и Дир были обманом вызваны за крепостные стены и убиты, а Олег, посадив по днепровским крепостям своих наместников, остался править в Киеве, сказав: «Се буди мати градомъ русьскимъ».

Мы не будем здесь отвлекаться на выяснение сути «варяжского вопроса» (вернее, вопроса о том, кто такие варяги, так как отечественные, и в первую очередь советские, историки давно доказали полную несостоятельность концепции о создании варягами Русского государства), по которому долгими десятилетиями идет незатихающая дискуссия и который надлежит, возможно, еще не одному поколению историков рассматривать в научном плане, привлекая к аргументации все новые и новые исторические материалы, создавая новые гипотезы.

Нас интересует другой вопрос: как же происходило дальнейшее становление русской дипломатии, каковы были ее следы после 860 года и какое влияние оказали на ее развитие перемены, совершившиеся на Руси в конце IX — начале X века.

Летописный Рюрик умер в 879 году, Олег появился в Киеве в 882 году, и уже от этого года до нас доходит следующая летописная запись: «Се же Олегъ нача горо-

ды ставити, и устави дани словеном, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новгорода гривень 300 на лето, мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягомъ».

Можно спорить о том, кто такие были варяги, подвергать сомнению существование Рюрика, даже сомневаться по поводу историчности Олега, считая все это мифами русской летописи. Но как быть с фактом обложения киевским правителем данью русских племен и с сообщением об уплате Олегом дани варягам? Конечно, можно и эти сведения объявить вымыслом, как это ухитряются делать некоторые западные русисты, но защищать эти рассуждения о вымысле невероятно тяжело, потому что сведения, о которых только что шла речь, говорят не о фантазиях летописца, а об обычной, в том числе дипломатической, практике развивающегося раннефеодального государства: они не уникальны, а стереотипны.

Действительно, факт подчинения Киеву в конце IX века ряда племен не вызывает сомнения, так как позднее они уже оказываются в составе сводного Киевского государства. А дань, как известно, являлась в те времена одной из основных форм зависимости славяно-русских племен от Киева.

В 883 году Олег «примучил» древлян и возложил на них дань по «черной куне», т. е. куннице с дыма. Год спустя он подчинил северян, потом радимичей, воевал уличей и тиверцев. Дальнейшие многочисленные свидетельства русской истории указывают, что эти племена были включены в орбиту складывавшегося Древнерусского государства, а потому не приходится ставить под сомнение взаимоотношения Киева и славянских племенных конфедераций.

Второй факт — относящийся к варягам. Конечно, сама по себе запись о призвании варягов выглядит весьма мифической, но посмотрим, все ли тут сказочно. Оказы-

вается, что этой записью в летописи не открывается, а заканчивается история взаимоотношений восточно-славянских племен с варягами.

Сначала летопись сообщает, что варяги «изъ заморья» брали дань на словенах, чуди, мери, кривичах. В это же время хазары брали дань с полян, северян, вятичей. Русь оказалась разорванной иноземными находниками: хазары тиранили южно-русские племена, а северные вместе с чудью и мерей попали в зависимость от варягов. Руссы вели против иноземного закабаления упорную борьбу. Уже в начале IX века хазары опасались их быстрых и мощных нападений; через несколько лет поляне окончательно скинули их власть, а Олег вырвал радимичей и северян из-под их зависимости.

Аналогично события разворачивались и на севере. 862 год. Варягов изгнали за море. Выплата им дани прекращена. Вассальная зависимость от них порвана, свобода завоевана. И вдруг уже при Олеге, когда к 882 году Русь северная, новгородская и южная, киевская объединились в одно целое, положив начало существованию Древнерусского государства, вновь появляются сведения об уплате Олегом дани варягам «мира деля», дани, которую руссы, победившие хазар, прибывшие свой щит на воротах Царьграда, сокрушившие волжских болгар, зашедшие в своих походах до Семендера на Кавказе, захватившие Фракию на Балканах при Святославе, оторвавшие от Польши червенские города при Владимире,— эти самые руссы сто пятьдесят лет уплачивали дань варягам! И дань эту обязан был уплачивать от имени Руси Новгород. На новгородских словен была возложена эта нелегкая обязанность — ежегодно отдавать варягам триста гривен.

Эта летописная запись породила немалое смущение среди специалистов. Существовали различные точки зрения. Среди них наиболее распространенной была та, которая говорила, что эта дань являлась платой за во-

енную службу варягам Руси; начиная с времен Олега. Мы же рискнем подойти к вопросу с другой, так сказать, историко-дипломатической точки зрения.

В свое время известный советский историк М. Н. Покровский по этому поводу высказал, на наш взгляд, интересную догадку. «Новгородские славяне,— писал он,— просто-напросто откупились от грабежей норманнов Рюрикава племени, пообещав им платить ежегодно определенную сумму, которую дальше летопись и называет. До смерти Ярослава новгородцы платили варягам 300 гривен в год «ради мира». С целью купить мир и был заключен ряд с Рюриком и братьями».

Здесь многое перепутано и многое неверно. Договор с варягами заключили не новгородцы, а Олег от имени Русского государства. Рюрика к тому времени, если верить летописи, уже не было в живых, а его место занял Олег с малолетним Игорем на руках. Но историк очень верно увидел суть соглашения — откуп ради сохранения мира. Как всякая догадка, она была высказана без детальной аргументации, без соответствующего анализа и аналогий, да и материала в распоряжении М. Н. Покровского для этого было немного. Сегодня мы можем для разгадки таинственного русско-варяжского договора мобилизовать известные сведения о договорах подобного рода между европейскими и другими сопредельными с Русью странами и народами, между Византией и окружающим ее «варварским миром». Вскользь мы коснулись этого сюжета, когда разбирали русско-византийский договор 860-х годов. Вопрос о дани там стоял для нас лишь предположительно. Ничего точного, ничего определенного — туманные упоминания об отданных руссам золоте, серебре, дорогих тканях.

Но вернемся опять к нашим аналогиям. Ежегодная уплата дани являлась одним из основных условий договоров «мира» или «мира и любви», которые заключали

между собой страны того времени. Все было очень просто: платил тот, кто либо больше был заинтересован в мирных отношениях, либо проиграл войну и к уплате дани его обязала победившая сторона.

Как мы уже знаем, Византия платила антам за мир долгими десятилетиями. Брал с нее дань за обязательство не нападать на владения империи и страшный владыка гуннов Атилла. С 558 года авары стали получать ежегодную дань из Константинополя за мир и охрану дунайской границы Византии от набегов славян. Персидский шах Хосров I в знаменитом сохранившемся в записи византийско-персидском мирном договоре 562 года согласился прекратить войну при условии ежегодной уплаты греками денежной дани. Потом военные действия возобновились, и Византия вновь добивалась мира. Любопытен был ответ Хосрова византийскому послу: «Тот, кто просит мира, должен платить дань».

Регулярные денежные платежи взимали за обязательства соблюдать мир с Византией и арабские племена еще до создания Арабского халифата. И лишь только Юстиниан II отказал им в платежах, как набеги арабов на владения империи возобновились. В VI и VII веках греки продолжали платить дань аварам, потом Арабскому халифату. Платили они и болгарам, хазарам, венграм. В 927 году затяжные болгаро-византийские войны закончились заключением мирного договора, по которому Византия вновь обязывалась выплачивать Болгарии ежегодную дань. В начале 30-х годов X века венгры после опустошительного набега на Германию обязались в течение девяти лет не нарушать мира, если среди прочих условий соглашения будет фигурировать уплата им германским королем Генрихом I ежегодной денежной дани. Последовали отказ и новый набег венгров в 933 году на германские земли.

В это же русло так удобно укладывается русско-византийский договор 860-х годов, но не будем торопить

события, скажем, что по всем тогдашним канонам Русь должна была бы, как и авары, хазары, болгары, взять с империи не только откуп за уход из-под стен Константинополя, но и получить согласие на уплату в течение долгих лет (30? 50? — ведь именно на такой срок Византия заключала с «варварами» так называемые «глубокие миры») ежегодной денежной дани. Но, повторяем, точных данных на этот счет нет, а вот в отношении варягов факт, как говорится, налицо — факт, который не надо даже комментировать. По аналогии с другими такими же сведениями, обычными и широко распространенными, он говорит сам за себя. Догадка историка ставится на прочный фундамент историко-дипломатической практики, и дискуссию на этом, видимо, можно прекратить.

Что же получается? Русь в отношениях с варягами сама выступила в роли сильного государства, которому надоели эти бесконечные варяжские уколы. Как и Византия предпочитала не гонять свои дорогостоящие армии за быстрым и неуловимым противником, который стремительно передвигался на ладьях (руссy), лошадях (гунны, авары, арабы), прекрасно использовал преимущества знакомой территории (болгары, умело дравшиеся в горных теснинах и на перевалах Балкан), так и Киевская Русь решила откупиться от набегов варягов ежегодной денежной данью. Но это был не просто откуп, но договор, включавший условие о долговременном мире сторон.

Можно предположить, что эти 300 гривен были и платежом за союзную помощь варягов. Ведь не случайно впоследствии, на протяжении десятков лет, мы не только не встречаем более сведений о разорениях варягами славянских и соседних с ними земель, но, напротив, варяги систематически помогали киевским князьям в их борьбе с противниками. Они шли на Константинополь с Олегом в 907 году и были в его войске во время осады города; они входили в армию Игоря, когда он

также вел союзную армаду, состоявшую из руссов, печенегов, варягов, на столицу империи. Союзная помощь продолжалась и далее.

Так приоткрывается завеса над одним из любопытнейших и самых ранних дипломатических соглашений Древней Руси с бывшими врагами, находниками, насильниками, но будущими друзьями, союзниками, как бы мы сказали сегодня — товарищами по оружию, — варягами.

Но самое удивительное во всей этой истории не то, что Русь заключила с варягами договор «мира и любви» и, возможно, военного союза, а то, как выглядели в этой дипломатической сделке Русь и варяги. Именно к Руси можно отнести формулу, которую высказал по близкому поводу персидский шах Хосров I: «Тот, кто просит мира, должен платить дань». Просила мира Русь. Перед ней стояли великие задачи объединения славянских племен, создания единого государства, что вскоре и сделал Олег, связав воедино Киев и Новгород, подчинив древлян, радимичей, северян, а позднее — Святослав, взяв дань с вятичей. Грезилась и осуществлялись далекие походы на Балканы, мечом добывалось равенство в отношениях с Хазарией, делались первые пробы в организации дальних походов в Прикаспий; приходящие в Киев купеческие и посольские караваны доносили до русской столицы вести со всех концов тогдашнего мира — от Багдада до Барселоны. И в этих вестях армии арабов двигались со всех сторон на Византию, распадалась на части великая империя франков, и уже на ее развалинах пышным цветом расцветали новые королевства Германии, Франции, Италии; в болгаро-арабских тисках отчаянно боролась за жизнь Византийская империя, медленно, но верно угасала старая хищница, вековой недруг Хазария.

И в этих условиях отвлекать силы, средства на постоянную ежегодную борьбу с варягами было трудно,

бесперспективно и обременительно. Да и где искать варягов? За каким морем? На всем южном Балтийском побережье? На островах? Набег мог зародиться в любое лето, а рядом стоял богатый Новгород, набирали силу другие города и городки. Проще было развязать себе руки на севере и северо-западе и обратить взоры на юг, юго-запад, юго-восток: там ковалась тогдашняя мировая политика. Константинополь, Балканы, Черное море, устье Дуная, торговый путь на Запад — вот где была большая уже государственная цель, которую, судя по позднейшим шагам Руси, ясно представляли себе русские вожди и стоявшие за ними феодалы, купцы.

Договор с варягами решал одну из задач — развязывал руки на севере. А сумма? Пусть ее уплачивает богатый, торговый и людный Новгород. Северо-запад — это его прямые интересы, его прибалтийские пути, его доходы.

Русь, еще недавно, всего двадцать три года назад, выступавшая перед Константинополем как алчущая, ищущая признания и престижа, золота и тканей «варварская» держава, сегодня здесь, на своем Севере, демонстрировала горделивый государственный расчет складывавшейся империи. Непобежденная, она протягивала руку мира и союза беспокойным соседям и в этой руке держала дань — эту вековую, традиционную плату за покой, мир, за верные мечи.

Но знала в этот период Русь и другие дни, знала и другой вид уплаты той же дани после грозного вражеского набега и тяжкого поражения. Нет, мы имеем в виду не прежние дани аварам или хазарам. Речь идет о том времени, когда Русь уже вышла на самостоятельную государственную дорогу. И снова дипломатическая история беспристрастно отразила новое нелегкое испытание древних русских, позволила прочитать нечто скрытое в их судьбе.

Под 898 годом в «Повести временных лет» говорится: «Идоша угри мимо Киевъ гороу, еже ся зоветь ныне Угорьское, пришедъше къ Днепру и стаща вежами; беша бо ходяще аки се половци». Дальнейшей истории пребывания венгров под Киевом летописец не дает, зато довольно подробно описывает, как они двинулись на запад «чересь горы великия», начали воевать сидящих там славян, волохов, нападать на греков, теснить моравов и чехов.

Совершенно очевидно: если иноземная рать появляется под стенами большого и богатого города, становящегося уже «матерью русских городов», то не прогулки ради совершается это путешествие на север — в сторону от намеченного движения на запад через Северное Причерноморье. Но русские авторы либо не знали событий, разыгравшихся под киевскими стенами, либо, зная их, сокрыли для последующих поколений. Однако одного не мог скрыть летописец: над русской столицей нависла смертельная опасность. Враги окружили город, стали вежами, т. е. повели себя так, как и другие кочевники — половцы, заклятые враги Руси уже в XI — XII веках. Их манеру осады русских городов прекрасно знал древний автор и живо воспроизвел ее, описывая венгерский выход из степей.

Ключ к разгадке этой маленькой, по масштабам истории, тайны, может быть, находится в одной из венгерских рукописей, которой отечественные авторы не очень-то доверяли, упрекая ее в возвеличивании венгерской истории, фальсификации событий и т. д., как будто в средневековой истории вообще существовали официальные повествования, свободные от классово-феодальной, лично-монархической, религиозной, националистической и прочей тенденциозности.

Перед нами хроника неизвестного венгерского автора XII — XIII веков, восходящая к оригиналу еще более

раннему — XI века, в которой рассказана история венгеро-русской войны на исходе IX века.

Венгерский хронист повествует, как, двигаясь на запад, кочевья венгров дошли до киевских земель и «захотели подчинить себе королевство руссов». А это значит, что венгры действительно отвлеклись от первоначального пути и передвинули свои шатры на север, намереваясь захватить богатую русскую столицу.

Киевский князь, имени которого венгерский автор не называет, решил дать врагу бой и выступил навстречу венграм, но был разбит войском венгерского вождя Альмоша. Воины Альмоша преследовали руссов вплоть до стен Киева, за которыми те и укрылись. А далее хронист рисует обычную в таких случаях картину поведения завоевателя в чужой стране: венгры пошли по округе, забирали «имения», т. е. собственность руссов, грабили городки и села, пытались штурмовать киевскую крепость.

Все здесь выглядит вполне логичным, кроме одной фразы, которая, конечно же, означает дань позднейшего автора националистическим интересам венгерской знати и которая говорит о том, что венгры «подчинили себе землю руссов», хотя речь совершенно очевидно идет о военном набеге, а не о длительном завоевании.

В этих условиях руссы запросили мира, и их посольство появилось в лагере Альмоша.

В ходе переговоров венгры потребовали прислать к ним в лагерь заложников, предоставить им на дорогу продовольствие, одежду и другие необходимые припасы, а также выплачивать, начиная с этого года и далее, ежегодную дань в 10 тысяч марок. В свою очередь и руссы выдвинули свое требование: венгры должны немедленно покинуть киевские земли.

Хронист пишет, что Альмош посоветовался со своими вельможами и венгры «исполнили просьбу князя руссов и заключили с ним мир». А ниже, возвращаясь к этому

же сюжету, хронист подчеркнул, что Альмош и его вельможи, приняв советы руссов, заключили с ними «крепчайший мир».

Так закончилась эта грустная для руссов история.

Как когда-то греки с радостью смотрели на уходящие в море однодревки руссов, так теперь руссы, наверное, в молчании и радостном смущении взирали со стен киевской крепости на свертывавших свои шатры венгров, на этот огромный кочевой табор, удалявшийся навсегда из этих мест в сторону Угорских гор, т. е. Карпат, за которыми через несколько десятков лет венгры создадут свое объединенное государство.

Так еще один ранний дипломатический договор отложился в истории нашего народа, нашего отечества. И снова это был типичный для того времени договор «мира и любви», венчающий военные действия.

На этот раз Русь, Олег были проигравшей стороной. Не поэтому ли летописец обошел всю эту историю, скрыв от последующих поколений первый внешнеполитический позор Рюриковичей? Кто знает. Но вовсе исключить такой подход к делу не приходится.

И снова мир, снова дань, ежегодная денежная дань, о которой упоминалось много раз и до этого применительно к разным странам и разным хронологическим периодам. Теперь ее выплачивала Русь, выплачивала вынужденно и неизвестно сколько лет.

Впрочем, здесь можно сделать одно любопытное отступление. И суть его заключается в том, что, начиная с этого времени, Русь и Венгрию связали какие-то особые отношения, которые ясно прослеживаются на протяжении столетий, и, судя по всему, инициаторами этих отношений выступили руссы. Венгерский хронист откровенно записал, что венгры согласились на мир «по совету» руссов. Что стоит за этими словами? Попробуем немного пофантазировать. С одной стороны, в шатре Альмоша сидели уже умудренные большим дипломатическим

опытом послы Олега. За ними стояли десятилетия отношений с Византией, Хазарией, варягами, Болгарией. За ними стоял договор с греками «мира и любви» 60-х годов IX века, опыты первых крещений, первых религиозных связей с империей. Сколько не дошедших до нас переговоров, клятвенных соглашений, миров, союзов таится за теми крохами сведений (но сведений уже прочных, безапелляционных), что знаем мы о Руси IX века. И весь этот груз знаний несомненно выложили в венгерском шатре русские послы.

Наивно было бы думать, что кочевники венгры были абсолютно далеки от дипломатической практики своего времени. Но думается, что они были не столь искушенными в этой сфере, как Русь, которая сама еще несколько десятилетий назад плутала в политических потемках тогдашнего мира и год за годом настойчиво и цепко впитывала в себя дипломатический опыт веков... «По совету руссов...» — что ж, возможно, этот примечательный мир, выгодный венграм, предложила им Русь, но какую выгоду искала в нем она сама? «Крепчайший мир», — записал хронист. Но что он означает, каковы его черты, в чем он был желателен для Руси и почему венгерский автор применил в этом случае столь необычное определение — «крепчайший»?

Ответить на эти вопросы, лишь обращаясь к русской летописи и венгерской хронике, рисуя отношения этого периода, практически невозможно. Данных для этого нет никаких. Поэтому перенесем хронологически вперед и там, в развитии отношений между двумя государствами, попробуем найти ответы.

Венгры в конце IX — начале X века перешли Карпаты и появились в Среднем Подунавье, в Паннонии, начался их переход к оседлости, освоение новых земель, «обретение родины», как говорилось в древних венгерских документах.

Процесс этот был непростым, в него были вовлечены местное население, ассимилированное венграми, сопредельные страны и народы, миры с которыми перемежались военными действиями. И тут обращают на себя внимание факты почти синхронных выступлений Руси и Венгрии против Византийской империи в течение нескольких десятилетий X века.

В середине 30-х годов X века дружественные отношения между Русью и Византией, сложившиеся после победоносного похода Олега на Константинополь и заключения им договоров с Византией, нарушились. Русь к этому времени все более упорно утверждалась в Северном Причерноморье, грозя здесь византийским колониям. Первое обострение отношений между двумя странами приходится на середину 30-х годов X века. На это же время приходится натиск венгров на земли империи.

И греческие хронисты, и русская летопись сообщили, что в 934 году венгры захватили всю Фракию и осадили Константинополь. Но предположим, что это случайное совпадение событий. Однако в 941 году, когда киевский князь Игорь начал военные действия против Византии, вновь происходит нападение венгров на границы империи. В то время, как, потерпев поражение в первом походе на Константинополь, Игорь собирал войско для второго похода и двинулся в сторону Дуная, венгры осуществили дерзкий рейд по территории Византии.

Выслав им навстречу посольство, греки заключили с венграми мир, и тут же послы были направлены навстречу Игорю. Дань явилась платой и венграм и Руси за установление мира.

Таким образом, венгры ударили по Византии в критический для нее момент, когда над ней нависла опасность нового русского нашествия. И лишь активные дипломатические усилия греков предотвратили очередную военную угрозу — одновременное нападение на Константинополь русского и венгерского войска.

Любопытно, что позднее, уже в 50-е годы, византийский император Константин Багрянородный, говоря о венграх и руссах в своем труде «Об управлении империей», труде, который предназначался в виде своеобразного политического учебника его сыну, будущему императору Роману II, объединил в своих характеристиках оба народа. Он писал: «Когда император ромейский (византийский) живет в мире с печенегами, то ни руссы, ни турки (венгры) не могут совершать враждебные нападения на ромейскую державу». И еще не раз царственный автор ставит рядом врагов империи — венгров и руссов.

Прошло два десятка лет, и Русь вместе с Венгрией оказалась к середине 60-х годов X века вновь в состоянии войны с Византийской империей.

Русь уже при князе Святославе продолжала оказывать давление на крымские владения Византии, а венгры одновременно совершали рейды по византийским землям на Балканах. В 965 году Русь и Византия находились во враждебных отношениях в связи с попыткой Руси овладеть Северным Крымом, и в этом же году венгры, пройдя по болгарской территории с ведома болгарских властей, вновь нанесли удар по Византии.

Прошло еще два года, и опять «совпадение» повторилось.

В 967 году Святослав двинулся на Дунай с тем, чтобы утвердиться здесь, сокрушить провизантийскую, враждебную Руси правящую группировку Болгарии, оторвать ее от антирусского союза с Византией. Поначалу Святослав особенно не торопился и двинулся не сразу к дунайскому устью, а направился вверх по Днестру, где ему «помощь от венгров приспела». Эту запись сделал в своей «Истории российской» осведомленный наш первый историк В. Н. Татищев, располагавший рядом утерянных впоследствии летописных текстов.

Далее он записал многозначительную фразу: «С угры же (с венграми) имел любовь и согласие твердое».

Объединенное русско-венгерское войско разгромило болгар и их союзников хазар, ясов (алан) и касогов (адыгов), и Святослав утвердился на Дунае. Но греки, верные своей «денежной» дипломатии, в который уже раз подкупили кочевников — на этот раз печенегов — против Киева, и большая печенежская орда подступила в 968 году к русской столице, вынудив Святослава бросить свои дунайские владения и возвратиться на родину.

Мы не будем здесь рассказывать о всех перипетиях этой борьбы, об этом речь впереди, но один ее поразительный факт все-таки приведем.

Когда летом 968 года Святослав во главе конной дружины скакал в Киев, венгры нанесли удар по греческому городу Фессалонике и увели в плен пятьсот греков. Об этом сообщил в своих записках итальянец — кременский епископ Лиутпранд, прибывший в этом же 968 году в Константинополь в качестве посла германского императора Оттона I. И снова удивительное совпадение: венгры объективно помогают Святославу, сковывая военные силы греков.

Наступил 970 год. К этому времени Святослав, отгнав печенегов от Киева и заключив с ними мир, вернулся на Дунай. Вскоре началась его открытая борьба с Византийской империей. В этой войне летом 970 года Святослав, по свидетельству греческих хронистов, вел на византийскую столицу объединенные силы венгров, болгар, дружественных Руси печенегов. Описывая битву между византийским войском и союзниками, греческий автор Иоанн Скилица отметил: «Варвары были разделены на три части. Болгары и руссы составляли первую часть, турки (венгры) — другую, а печенеги — третью».

Теперь о «совпадении» событий говорить уже не приходится. Перед нами четкий факт военного союза двух

государств, направленного против общего врага. Когда возникли эти отношения? Все ведет нас к тем дням, когда в шатре Альмоша под Киевом шли переговоры между венгерскими вождями и русскими «вельможами». Именно тогда между руссами и венграми был заключен «крепчайший» мир, смысл которого раскрывается в последующих отношениях двух государств. Эти особые отношения венгров и Руси прослеживаются в течение последующих семидесяти лет. Да и позднее, на протяжении XI — XII веков, дружественные отношения между Киевом и Будой поражают воображение историков. Но это уже иные времена, иные сюжеты.

И еще один дипломатический договор, по всей видимости, заключил Олег либо в конце IX, либо в начале X века — с Болгарией царя Симеона Великого.

Когда в 907 году русский князь организовал грандиозный поход на Константинополь, то руссы двигались к византийской столице, как сказано в летописи, «на конех и на кораблех». А это значит, что часть войска прошла по западному берегу Черного моря, форсировала Южный Буг, Днестр, Дунай и вышла к Константинополю через болгарскую территорию. Как это могло случиться, когда Болгария в период правления царя Симеона достигла большого могущества, обладала сильной армией, вела нескончаемые войны с Византией, тесня ее со всех сторон, прочно контролировала Подунавье, пути, ведущие к Константинополю по ее территории?

К началу похода Олега на греков Болгария и Византия находились в состоянии мира. Но что это был за мир! Он был заключен лишь три года назад, после долгой, кровопролитной войны, начавшейся в 893 году, когда, едва вступив на болгарский престол, Симеон направил свои войска к границам империи в ответ на притеснения болгарских купцов на византийском рынке. В конце концов болгары осадили Константинополь. Греки запросили мира. Но, договариваясь с Симеоном, они

тут же попытались направить на Болгарию появившихся в этих краях венгров. Отбившись от венгров, Симеон снова обрушился на Византию. И тогда мир был окончательно заключен. Болгаро-византийская граница была передвинута далеко к югу, интересы болгарского кулечества защищены.

В то время, когда Симеон настойчиво пытался вернуть Болгарии утраченные торговые позиции на территории Византии, Олег еще собирал воедино Русь. Когда же он, подчинив власти Киева основные славянские племена, утвердил мир с варягами, заключил «крепчайший» мир с венграми и обратил свои взоры на Византию, которая, как мы об этом скажем подробнее ниже, стремилась ликвидировать выгодные Руси условия договора 60-х годов IX века,— Симеон уже успел заключить с империей мир 904 года. В своей борьбе с Византией оба государства разошлись буквально на два-три года.

Но означало ли, что с заключением мира противоречия между Болгарией и империей были устранены полностью? Отнюдь нет. Едва закончилась для Руси военная страда и с Византией заключен мир 907 года, в дальнейшем подкрепленный развернутым письменным русско-византийским договором 911 года, как вновь обостряются отношения Византии и Болгарии. После последнего болгаро-византийского договора 904 года прошло лишь несколько лет, и новый император Византии Александр, занявший престол после смерти Льва VI, воина, философа и писателя, отказался выплачивать болгарам установленную дань. Шел 913 год. Началась новая тяжелая болгаро-византийская война. Военные действия продолжались с перерывами почти полтора десятка лет и закончились лишь со смертью Симеона Великого, когда Болгария, истощенная, уставшая от длительной войны, предложила империи новый мир.

Таким образом, оказалось, что поход Руси на Константинополь по времени приходился на период между двумя болгаро-византийскими войнами.

А теперь об отношениях Руси и Болгарии в IX — начале X века. Сам ход их противоборства делал два раннефеодальных славянских государства естественными союзниками. Болгария, как и Русь, мечом утверждала на византийских границах свои политические, территориальные и торговые притязания, вырывала у империи право на получение ежегодной дани. Эти сюжеты во взаимоотношениях Болгарии и Византии стали едва ли не основными со времен хана Аспаруха (конец VII в.) до царя Симеона.

Таким же путем шла и Русь. С давних времен Болгария и Русь имели политические, культурные связи, прочные дружественные контакты. Через Болгарию Русь получила кириллическую азбуку. Оба государства примерно в одно и то же время — в 60-е годы IX века — сделали первые шаги к христианству. Но если Болгария уже в 864 году крестилась под давлением Византии, то языческой Руси потребовалось еще сто с лишним лет, чтобы сделать христианство государственной религией, и все эти сто лет были годами колебаний, сомнений, попыток христианизации и отступления от подобных замыслов, допуска миссионеров и их изгнания. И не только Византия, но и Болгария оказывала в распространении христианства мощное влияние на Русь.

Изучавший историю древних болгаро-русских литературных связей известный болгарский историк В. Н. Златарский обратил внимание на поразительный факт: даты, относящиеся к истории Болгарии X века и содержащиеся в нашей знаменитой летописи «Повесть временных лет», в основном приведены по болгарскому летосчислению. Истинную хронологию событий они отражают лишь в том случае, если иметь в виду древнюю болгарскую хронологию. А это значит, что в руках рус-

ского книжника находилась древняя болгарская летопись, откуда он и взял события, относящиеся к истории Болгарии. Знаменательный факт культурных связей двух народов! А академик Б. А. Рыбаков заметил, что одна треть всех сообщений «Повести временных лет», касающихся X века, говорит об отношениях Болгарии с Византией, венграми, печенегами и обрывается этот ряд сведений на смерти царя Симеона, т. е. на 927 году. Кажется, это еще более укрепляет версию В. Н. Златарского.

И еще один любопытный факт, замеченный учеными: все сведения о Болгарии и болгарях, попавшие в «Повесть временных лет» из греческой хроники Георгия Амартола, которой пользовался в основном русский автор, оказались тщательно отредактированными: все тексты, в какой-то мере унижающие болгар, показывающие неприязнь к ним древнего византийского хрониста, русская летопись видоизменила, проставила иные, дружеские акценты.

В одном из позднейших русских летописных сводов, «Еллинском летописце», его автор без обвиняков говорит о существовании русско-болгарского боевого союза. Он даже полагает, что поход Олега на Византию в 907 году был вызван тем, что русский князь мстил грекам за обиды своего давнего друга — царя Симеона.

Конечно, этих фактов явно недостаточно для того, чтобы сделать какой-то абсолютно бесспорный вывод, но они составляют тот общий исторический фон, на котором разворачивались взаимоотношения Руси и Болгарии, а совместная почти синхронная борьба обоих государств против Византии во второй половине IX — начале X века наводит на мысль о существовании в это время тайного военно-союзного договора между Русью и Болгарией. Только в рамках этого договора был возможен проход русского войска к стенам Константинополя по болгарской территории. Кстати, этим правом про-

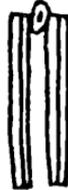
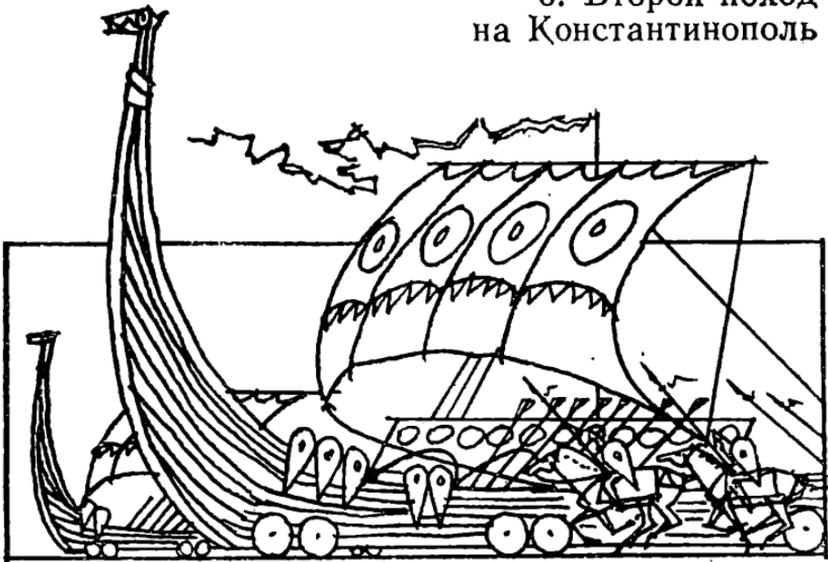
пуска противников Византии к Константинополю болгары пользовались и позднее. Известен случай, когда в 60-е годы X века болгары заключили с венграми в тайне от Византии договор, разрешающий венграм проход по территории Болгарии к границам Византии при условии мирного отношения к болгарскому населению. Венгры в 965 году совершили свой рейд; разъяренная Византия ответила Болгарии войной.

Появление русского войска было весьма желательным для болгар. С одной стороны, они соблюдали с Византией только что заключенный договор, с другой — руками своего союзника наносили удар давнему и исконному противнику.

Выгоден был такой договор и Руси: она получала поддержку со стороны Болгарии, разрешавшей руссам свободно, при благоприятном отношении населения, пройти к Константинополю. Возможно, болгары помогали руссам продовольствием, фуражом, подводами.

Естественно, что такого рода соглашения хранились в тайне. Заключали их тайные гонцы, и кто знает, сколько их, рискуя жизнью, покрыло в те годы далекие расстояния между Киевом и болгарской столицей Преславой. Все это, конечно, осталось неведомым русскому летописцу, который записал то, что знал: руссы шли на Константинополь «на конех и на кораблех».

6. Второй поход на Константинополь

од 907 годом «Повесть временных лет» сообщила, что киевский князь Олег предпринял поход на Константинополь. Оставив молодого князя Игоря в Киеве, Олег собрал варягов, новгородских словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев, а также чудь и мерю — «си вси звахуться... Великая скуфь» — и повел их на Византию. Олег шел на двух тысячах кораблей; конница, как мы знаем, двигалась берегом.

Греки, узнав заранее о приближении русской рати, замкнули гавань цепью и заперлись в Константинополе, а руссы, выйдя на берег, принялись «воевать» городскую округу, жгли церкви, грабили «палаты», захваты-

вали людей в плен, творили грекам «много зла», «елико же ратнии творять». А потом Олег приказал своим воям сделать колеса и поставить на них лады. При попутном ветре, развернув паруса, русские лады двинулись на колесах к константинопольским стенам. Греки ужаснулись и запросили мира. Их послы, появившись в стане Олега, умоляли: «Не погубляй града, имемь ся по дань, яко же хощеша». Военные действия были приостановлены, и начались мирные переговоры, закончившиеся новым русско-византийским договором 907 года.

Собственно, на этом историю второго похода русской рати на Константинополь можно было бы и закончить, если бы не одно существенное обстоятельство. Последовавший за ним договор был настолько масштабен, настолько не укладывался в представление о «варварской» Руси, которое долгими десятилетиями культивировали норманисты, отечественные и западные, что тень фальсификации сразу же легла и на эту крупнейшую военную внешнеполитическую и дипломатическую акцию древних руссов. И совершенно справедливо заметила француженка И. Сорлен: «Достоверность договоров (имеется в виду и последовавший за этим русско-византийский договор 911 г.— А. С.) может быть взята под сомнение, если сам поход, который им предшествовал, является только легендой».

...Легенда, выдумка, компиляция летописца — вот какими словами оценивались известия о походе Олега на греков в 907 году. А раз поход является легендой, фольклором, то о каких реальных договорах может быть речь? Вопрос о них следует закрыть раз и навсегда и тем самым отнять у Древней Руси право на важную страницу своей внешнеполитической истории.

Особенно не давали покоя историкам-нигилистам летописные факты о цепи, замкнувшей бухту Золотой Рог, о парусах на колесах, о мобилизации Олегом огромной

рати, состоявшей из русских и нерусских племен. «Выдумка»,— писал А. Л. Шлецер; «Легенда»,— говорил украинский историк М. С. Грушевский; фантастика, Олег никогда не существовал, заявлял бельгиец А. Грегуар; поход Олега — это изобретение русского летописца, вторил ему русский эмигрант Н. Брянчинов; «Фальшивка»,— вещал другой эмигрант, Н. Баумгартен; «мифическим» назвал поход Олега английский историк Р. Доллей. Этот ряд можно продолжить. На чем же основывали эти противники достоверности летописных сведений свои взгляды? На тысячах «невозможно». Невозможно, чтобы византийский император Лев VI повторил ошибку Михаила III и оставил, как и тот в 860 году, город беззащитным перед лицом русского нашествия. Невозможно, чтобы, как и прежде, греки замкнули бухту цепью. Невозможен был проход русской рати по территории Болгарии, которая только-только, в 904 году, подписала мир с Византией. Невозможно, чтобы через некоторое время после похода руссы, враги Византии, сражались уже в составе греческих войск против критских арабов. Невозможно, чтобы суда двигались посуху на колесах. Невозможно, ибо для похода Олега на Византию не было никаких причин. Невозможно, чтобы поход состоялся, потому что о нем молчат византийские авторы. Влияние болгарского фольклора, « мозаичность текста », « эхо походов Симеона » — и чего еще не писали по этому поводу те, кто сомневался или вовсе отрицал достоверность летописных сведений! Но были голоса и в защиту этой достоверности. И отечественные, в том числе советские, и некоторые зарубежные ученые считали, что если летописец что-то и домыслил, что-то и взял из фольклора, то основная канва событий вполне доброкачественна и ей можно доверять. Так, русский историк Д. Я. Самоквасов писал о том, что передвижение судов на колесах — это распространенный в древности способ штурма вражеских крепостей, это ти-

пичный случай «подвижной крепости», тем более что руссы испокон веков использовали катки для перетаскивания судов волоком через пороги и из рек в реки на долгом речном и озерном пути «из варяг в греки». Такие укрытия защищали осаждающих от града стрел с крепостных стен.

Американский историк Р. Дженкинс нашел в одной из греческих хроник упоминание об этом походе. Советские историки считают, что сведения летописи правомерны, хотя и допускают легендарность некоторых из них.

И все же основные данные «за» или «против» похода находятся в самой летописи. И нельзя, думается, вырывать из ее текста то самое сообщение, которое мы упоминали выше. К нему можно поставить несколько вопросов. Как оно логически вытекает из самого повествования, как связано со всем летописным изложением? И как последующие события соответствуют сведениям о походе? Именно с этими вопросами мы и обращаемся к летописи и приглашаем читателя совершить небольшую научную прогулку по ее страницам.

Начнем с состава русского войска, со всей этой «Великой скуфи», упомянутой летописцем. Эту фразу некоторые историки считали позднейшей вставкой из другой части летописи, а если это так, то, значит, летописец выдумал состав русского войска и тогда говорить о каком-то походе, о каком-то мире с Византией вовсе не приходится. Но так ли это?

Действительно, несколькими страницами выше в летописи, в том месте, где говорится о расселении славянских племен, идет речь о месторасположении полян, древлян, радимичей, северян и других русских племен и кончаются эти сведения словами: «да то ся зваху от Грекъ Великая скуфь». Вспомним, что и после описания состава русского войска тоже летописец поминает «Великую скуфь». А вот и вывод: он перенес первую фразу ниже и получил состав русского войска.

Формально, конечно, это не исключено. Мог это сделать летописец. Но вот посмотрим, нужно ли это было ему делать, нуждался ли он в таком переносе. Оказывается, вовсе нет. Оказывается, еще четырежды в разных местах начальных страниц летописи ее автор перечисляет по разным поводам состав русских племен. Любое из этих перечислений он мог бы использовать для искусственного реконструирования состава русского войска. Но самое главное: к сведениям о составе Олеговой рати летописец подошел уже после того, как он весьма подробно рассказал о собирании Олегом русских земель под властью Киева. Все, кого он привлек под свои стяги, неоднократно упоминаются в летописи до событий 907 года. Первыми в этом списке стоят варяги. А мы уже знаем, что именно они явились боевыми помощниками Олега в его победоносном движении вниз по Днепру. Они помогли ему овладеть Смоленском, Любечем, Киевом, с ним же шли новгородские словене, кривичи, а также уже зависимые от Руси чюдь, меря, весь. Все они, кроме веси, упоминаются под 907 годом. Именно варягам уставил Олег платить от Новгорода по триста гривен в год. К 907 году они стали его постоянными союзниками, возможно, основной организованной силой его войска, и понятно, что киевский князь вел их с собой на Константинополь.

Что касается русских племен — древлян, радимичей, кривичей, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев, словен, полян, то о них в летописи и до 907 года приводятся неоднократные сведения — о местах расселения, обычаях, языке. А о некоторых сообщается, когда, при каких обстоятельствах они были подчинены Киеву. О древлянах: «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по черне куне». О северянах: «Иде Олегъ на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легьку...» О радимичах: «Посла къ радимичемъ, рка: „Кому дань даете?“» Они же реша (сказали):

„Козаромъ”. И рече имъ Олегъ: „Не дайте козаромъ, но мне дайте...”». Об улицах и тиверцах: «А съуличи и тиверци имяше рать». Поистине всех своих вассалов, данников, союзников собирал Олег в далекий поход, и это отражено в летописной записи под 907 годом.

Не выдерживает критики и мысль о том, что у Руси не было причин к походу против Византии. Со времени 860 года прошло свыше сорока лет. Много воды утекло с тех пор. Ушли из жизни Михаил III, патриарх Фотий, соправитель Михаила, а потом император-автократор Василий Македонянин, захвативший (после убийства Михаила III) власть в Византии; ушли из жизни и русские вожди — предположительно Аскольд и Дир, заключившие с империей выгодный для Руси договор. Русь с тех пор была ввергнута в династическую борьбу, Аскольд и Дир были убиты, власть перешла к Олегу, начавшему длительную и, надо думать, тяжелую борьбу за подчинение русских племен Киеву, а для этого надо было разорвать их зависимость от Хазарии, преодолеть сопротивление старого недруга Руси. К тому же Русь в это время испытала нашествие венгров и вынуждена была заключить с ними нелегкий для себя мир. Все это не могли не знать в Константинополе, и наверняка на каком-то историческом отрезке Византия сочла возможным прекратить выплату Руси ежегодной дани. Возможно, греки так же стеснили права русского купечества на византийских рынках, как и права болгарских купцов. Во всяком случае, вопрос о дани и о привилегиях русским купцам сразу же возник, едва руссы и греки вступили в переговоры в 907 году. Просто так подобные сюжеты в дипломатических соглашениях не появляются; они отражают глубокие противоречия в отношениях между странами, и переговоры, договоры венчают разрешение этих противоречий военным путем. С большой долей вероятности можно предположить, что Олег, создав сильное единое государство, объединив север и юг Руси,

оправившись от венгерского нашествия, попытался восстановить, а может быть, и упрочить завоевания, которые были достигнуты после победоносного похода 860 года. Военная, внешнеполитическая активность в данном случае завершала внутривосточные процессы. Окрепнувшее Древнерусское государство вновь вырывалось на европейский простор.

Следы недавнего похода буквально рассыпаны по статьям мирных устроений руссов с греками в 907 и 911 годах. Они полны духом недавнего противоборства.

«Да умиримся с вами греки»,— говорится от имени Руси в основной части русско-византийского договора 911 года. Эта фраза как бы подводит итог недавней войне и возвещает о мире.

А вот и еще следы.

Вспомним, как красочно летопись рассказывала о победном шествии руссов по константинопольским пригородам, о захвате пленников. В договоре же 911 года все это нашло отражение в статьях о полоняниках. Одна из них говорит о взаимном выпуске русских и греческих пленников и возвращении их в свои страны, а вторая посвящена другим случаям появления пленников на Руси из разных стран. В ней прямо говорится о пленниках-христианах, т. е. греках, попавших на Русь и возвращаемых в Византию. В первой из упомянутых статей есть фраза, которая непосредственно говорит о боевых действиях сторон. Когда? По всей вероятности, в недавнем прошлом, так как от известного нам предыдущего похода ее отделяет ни много ни мало пятьдесят лет, и все пленники, захваченные во время похода 860 года, вряд ли уже были живы. Вот эта фраза: «Тако же аще от рати ять будет от тех грекъ, тако же да возратится въ свою страну». Речь идет о захвате руссами греков «от рати», т. е. во время военных действий. Кажется, что летописный рассказ о том, как руссы «имаху пленники», перенесен в текст договора.

Иной след мы можем увидеть в сочинении византийского императора Льва VI, который занимал престол в Византии в начале X века, т. е. во время похода русской рати на Константинополь. В своем трактате «Тактика» он упоминает о способах нападения «северных скифов», как называли руссов в Византии, и сообщает, что они обычно используют небольшие весельные суда, так как на больших кораблях не в состоянии выйти по рекам в Черное море. Где и когда мог видеть или узнать Лев VI о способах передвижения русского войска? Конечно, до него могли прийти и сведения об их прошлых походах, в том числе о походе 860 года. И все-таки больше оснований считать, что царственный автор сам наблюдал с городских стен за появлением «северных скифов» на морских подступах к городу, сам видел их ладьи, идущие к крепостным стенам при попутном ветре.

В заключение летописного рассказа приводится факт, который вызвал особый восторг тех, кто сомневался в достоверности летописных сообщений: там говорится, как после утверждения мира, о котором речь еще впереди, Олег в знак победы повесил свой щит на воротах города и лишь тогда ушел на родину: «И повеси щит свой въ вратах показуа победу, и поиде от Царяграда».

Немало потешались по этому поводу историки-нигилисты, считая это сообщение самым легендарным во всем рассказе, наряду с движением ладей посуху под парусами. Но потешаться-то, в общем, было не над чем. Многие историки отмечали, что сообщения о подобного рода символических актах неоднократно доходят до нас из древности и не представляют никакой легенды. Так, болгарский хан Тервел в начале VIII века, после войны с Византией и заключения с ней мира, повесил свой щит на воротах одной из византийских крепостей. А несколько десятилетий спустя другой болгарский владыка — хан Крум — домогался в знак победы над византийцами воткнуть копьё в ворота Константинополя.

Обычай вешать свой щит на ворота города в знак мира был широко распространен у древних норманнов. Таким образом, «легенда» приобретает реальные черты и может явиться еще одним подтверждением достоверности похода Олега на Константинополь в 907 году.

Наконец, и картина нашествия, нарисованная летописцем и повторяющая как будто картины других подобных же «варварских» нашествий на Византию тех же руссов, болгар, венгров, настолько обычна (руссы вели себя так, как «ратнии творять»), что не доверять в этой части летописи также не приходится. В этой повторяемости событий во время подобных нашествий заключается еще один аргумент в пользу достоверности похода.

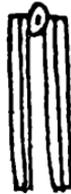
Вот так приходится осуществлять подход, возможно, к главному событию в истории русской дипломатии X века — к русско-византийскому договору 907 года.

И вновь удивляет, насколько удачно, как и в 860 году, был выбран момент для нападения.

Начало X века ознаменовалось в Византии внутренними распрями. В начале 907 года, когда византийские войска двинулись против заседающих арабов, поднял мятеж глава провинциальной византийской знати Андроник Дука. Он вступил в сношения с арабами. Честолюбивого полководца тайно поддерживал и патриарх Николай Мистик. Непокойны были и отношения с Болгарией. Мир с ней был заключен, но обе стороны готовились к продолжению борьбы (в самый разгар всех этих трудностей руссы и атаковали Константинополь).

Случайностью это не назовешь. И снова приходится говорить о хорошо поставленной разведке, о доскональном знании в Киеве внутри- и внешнеполитического положения в Византии. Именно неожиданность нападения, неподготовленность греков к войне летом 907 года и обеспечили русской рати быстрый успех. Не имея возможности сопротивляться, греки запросили мира.

7. Подделка или «договор века»?

росто и ясно древний автор излагает последовавшие за приостановлением военных действий переговоры

между Олегом и греками. Осажденные направили в русский стан посольство, и послы, как мы уже говорили, сразу же заявили Олегу: «Не погубляй града, имемь ся по дань, яко же хочещи». И тут же Олег остановил своих воинов.

Греки попытались скрепить перемирие по обычаю угощением; они предложили Олегу «брашно» (пищу) и «вино», но тот не принял подношений, «бе бо устроено со отравою». Обычай убирать своих соперников за трапезой также был давнишним и широко распространен-

ным в тогдашнем мире. Византийцы пользовались этой практикой весьма искусно. Не одного вождя враждебных армий убрали они таким способом с политической арены. На этот раз, если этот факт действительно состоялся, «вещий» Олег не принял отравленной пищи, чем поверг греков в великое изумление, и те, по словам летописца, «убояшася, и реша: „Несть се Олегъ, но святыи Дмитрей, посланъ на ны от бога”».

Во время этих первых переговоров Олег потребовал уплатить «дань» на 2000 кораблей, по 12 гривен на человека; в каждом же корабле насчитывалось по 40 воинов.

Греки согласились. Олег отвел войско от города и «нача миръ творити со царьма грецкима» — с Львом VI и его соправителем и братом Александром.

В Константинополь было послано русское посольство в составе пяти человек — Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, которое вновь потребовало от греков уплаты дани, и вновь греки подтвердили свое обещание заплатить дань, какую потребуют руссы.

На этот раз условия уплаты дани были иные. Олег потребовал, чтобы греки выплатили дань на те же 2000 кораблей, но по 12 гривен не на каждого воина, а «на ключь», что, по мнению одних историков, означало уключину, по мнению других — лодочный руль. Но как бы там ни было, а это было меньше, чем прежде. Но вместе с тем руссы выставили новое требование: чтобы империя отныне выплачивала «уклады» на русские города — Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и «на прочаа городы», где сидели князья, подчинившиеся Олегу («под Олегом суще»). Кстати, здесь мы еще раз можем упомянуть о той «Великой скуфи», которую вел на Константинополь Олег: ведь каждый из упомянутых в этом списке городов представлял какое-то племя, или федерацию племен, из числа вошедших в состав единой Руси. Здесь есть поляне с Киевом, северя-

не с Черниговом, кривичи с Полоцком; здесь есть и вятичи с Ростовом, которые хотя и не вошли еще в состав Киевской Руси, но двинулись на юг вместе с Олегом, став, видимо, в это время его союзниками.

Но и этого оказалось мало для победоносной Руси. Посольство выставило ряд дополнительных требований: уплаты «слебного» для послов, т. е. посольского содержания, а для купцов — предоставления «месячины» в течение шести месяцев, т. е. помесячного корма, состоявшего из хлеба, вина, мяса, рыбы, овощей и фруктов. Но и этого было еще недостаточно: руссы попросили предоставления им права мыться в греческих банях, сколько им заблагорассудится («да творят им мовь, елико хотят»); на обратную же дорогу для послов и для купцов греки должны были предоставить пищу и корабельные снасти — паруса, якоря и т. п., «елико имь надобе».

Такова была та грандиозная программа требований, с которой явилась пятерка русских послов к византийским властям.

Но что же греки? Они, как сказано в летописи, «яшася», т. е. согласились. Но, в свою очередь, выдвинули ряд встречных требований. Первое из них: если руссы придут «без купли», т. е. не в качестве торговых гостей, то месячный корм им предоставляться не будет. Кроме того, они просили, чтобы киевский князь запретил приходящим в Византию руссам «творить пакости в селех», т. е. бесчинствовать по пути следования по греческой территории к Константинополю. Оговаривали они и место расположения руссов в византийской столице: это должно быть подворье близ монастыря святого Маманта. Причем, когда руссы придут в город и остановятся в отведенном им месте, их имена должны быть переписаны греческими чиновниками, и лишь после этого они получают право на предоставление «месячины».

Регламентировался и вход руссов в город: они должны были проходить через одни ворота в сопровожде-

нии императорского чиновника — «царева мужа», без оружия и партиями не более пятидесяти человек каждая.

Но самое главное требование, на которое согласились греки, находилось в конце договора: русские купцы освобождались на византийском рынке от уплаты «мыта», т. е. торговых пошлин, получали право беспошлинной торговли, бывшей мечтой всех торговцев во все времена. Кстати, взимание с болгарских купцов торговых пошлин, стеснение их торговых привилегий стало одной из важных причин войны Болгарии против Византии при царе Симеоне.

До похода 907 года русские купцы уплачивали такие пошлины. Об этом есть свидетельство осведомленного арабского автора второй половины IX века Ибн-Хордадбега, который упомянул, что русские купцы обязаны были уплачивать Византии пошлину в виде «десятины», т. е. десятой части от проданных товаров. Теперь это правило рухнуло: русские купцы получали права беспошлинной торговли.

Таковы были основные условия договора, согласованного в Константинополе русским посольством.

Далее летопись сообщает, что императоры Лев VI и Александр заключили с Олегом мир и стороны дали друг другу клятвы: греки по христианскому обычаю целовали крест, а Олег по русской, языческой традиции вместе со своими «мужами» клялся на оружии, обращаясь к именам бога Перуна, «скотьего бога» Волоса.

Вернулся Олег на родину, по данным летописи, «неся золото, и паволоки (дорогие ткани), и овощи (фрукты), и вина, и всякое узорочье».

Норманисты не поверили во всей этой истории ни единому летописному слову. Они, начиная с немца Шлецера, писали, что договор отрывочен, не имеет ни начала, ни конца, что он является вольным переложением летописца. Но особенно основательный удар по досто-

верности русско-византийского договора нанес известный русский знаток летописей А. А. Шахматов, который в 1915 году выступил с небольшой статьей, где не оставил от только что приведенного сообщения летописи камня на камне. Вымысел летописца, подделка, фальсификация древнего книжника — так А. А. Шахматов оценил летописную запись.

Что же дало ему повод для подобных характеристик? Прежде всего — ознакомление со следующим русско-византийским договором, подписанным через четыре года после этого, в 911 году. Там сказано, что он, этот второй договор, был заключен в соответствии с другим соглашением, «свещанием», состоявшимся при тех же царях Льве и Александре: «Равно другаго свещания, бывшаго при тех же царьхъ Лва и Александра». Отсюда летописец, которому А. А. Шахматов приписал именно такое понимание этих слов (как увидим, в общем-то правильное), и вывел, что первый мир относился ко времени похода Олега на Царьград, ко времени правления обоих императоров. Летописец высчитал и дату этого первого договора — 907 год. Каким образом? Да здесь же, в летописи, чуть ниже, говорится о смерти Олега в 912 году от укуса змеи, на пятый год после его похода на Византию. Летописец вычел из 912 пять и получилась дата — 907 год. Вот и все, просто и ясно. Но вот загвоздка. В первых строках договора 911 года упоминаются два императора, а несколькими строками ниже говорится о том, что посольство Олега, направленное в Константинополь в 911 году, шло к трем императорам, тем же Льву, Александру и малолетнему Константину, который был венчан на царство шести лет от роду и взошел на престол рядом со своим отцом Львом VI в июне 911 года. Так вот, по мысли А. А. Шахматова, летописец, чтобы у него сошлись концы с концами, взял и выкинул из первой фразы договора 911 года, которую мы только что приводили, имя малолетнего Константи-

на, и тогда все сходилось, можно было смело создавать заново договор 907 года на основе того, что именно он был упомянут в словах «равно другого свещания». Сами же эти последние слова А. А. Шахматов понимал вовсе не так, как древний летописец. И переводить их, согласно его мысли, следовало иначе: «список с другой договорной грамоты», т. е. ни о каком прежнем соглашении здесь нет и речи, просто в начале нового договора говорится, что это копия с оригинала. А вот и итог: летописец не ограничивается подделками договора 911 года, вычеркивая оттуда имя Константина, но продолжает свою фальсификацию: он изобретает сам ранний договор 907 года, переносит в него статьи поздних соглашений, компилирует.

Точка зрения А. А. Шахматова в дальнейшем была принята большинством специалистов, и по существу на договор 907 года перестали обращать серьезное внимание; а тут еще и сам поход попахивал легендой. В результате дата «907 год» прочно исчезла из научного обихода, из школьных и институтских учебников. Правда, слышались и возражения; некоторые ученые не согласились с трактовкой А. А. Шахматова, признали достоверным сообщение летописца о договоре 907 года, но считали его прелиминарным, предварительным. И наконец, нашлось лишь три человека, которые не только признали достоверность сообщения летописи, но определили мир 907 года как всеобъемлющий, основной, главный в отношениях между Русью и Византией в течение всего X века, а остальные соглашения лишь основывались на этом договоре, вырастали из него. Об этом написал в небольшой, изрядно забытой статье киевский историк Сокольский в 1870 году; самостоятельно к такому же выводу в своих книгах пришли дореволюционные ученые А. В. Лонгинов и Д. Я. Самоквасов.

Однако авторитет академика А. А. Шахматова, выдающегося знатока летописей, был настолько велик, а

поддержка его установок (другого слова здесь, пожалуй, и не найдешь) настолько активна, что голос этой троицы не только не был услышан, но совсем затерялся в пустынях нигилизма.

И лишь в последнее время, когда ученые все чаще и чаще начали обращаться к сравнению отношений с Византией Руси и других сопредельных стран — Болгарии, Венгрии, Арабского халифата и Арабских эмиратов, Хазарии, империи франков, Аварского каганата, Персии, — стало ясно, что действительно русско-византийский договор 907 года был краеугольным камнем в отношениях между двумя государствами.

А. А. Шахматов несомненно ошибался, и ошибался в главном: встав на путь чисто формальных рассуждений, домыслив за летописца его редакторские и фальсификаторские ухищрения, он забыл об истории, о том, что мог представлять собой этот договор, чем он мог быть для Руси и для Византии и нужно ли было его выдумывать.

Скажем так: вот если бы русская летопись не сохранила нам этот древний «мир», то нам все равно пришлось бы его воссоздавать примерно в тех же параметрах, что и в летописи.

Есть ли для этого основания? Несомненно. И самое главное заключается в том, что Русь в своем государственном развитии, в становлении своей внешней политики, пестовании дипломатической системы проходила сходные с другими раннефеодальными государствами стадии.

Договоры «мира и любви» давно уже связывали многие страны с Византией; Болгария в свое время добилась от надменной империи получения ежегодных денежных даней и больших торговых привилегий. Дань, как основа миров с Византией, направлялась в столицы Персии и Арабского халифата, Хазарии и Болгарии.

Первую и удачную попытку вырвать у Византии политическое признание сделала и Русь в 860 году. Но тот

мир, как мы уже говорили, канул в вечность, и Русь остро нуждалась в новом признании, возобновлении политических взаимоотношений с Византией, расширении своих торговых льгот на рынках империи и уплате дани. Взимала ли Русь с Византии дань после 860 года, как победившая сторона и союзница, или это условие не возникало в то время,— мы точно не знаем, но можем предположить, что возникало, а если так, то к началу X века оно было, конечно же, ликвидировано и первым же словом Олега императорским послам оказалось требование об уплате дани. Заново? Повторно? Можем предполагать, что повторно.

Русь шла вновь к договору с Византией, который бы восстановил ее растерянный за истекшие после 860-го годы престиж, укрепил ее экономические позиции в империи. Именно для этого в первую очередь, а не только для грабежа константинопольских пригородов собирал Олег огромную рать всей «Великой скуфи». По данным летописи, он привел с собой около 80 тысяч человек. Противник должен был быть поставлен на колени; он должен был признать за Русью все, к чему она стремилась вслед за своими соседями, которые на различных этапах своей истории также добивались от Византии (потом теряли, потом снова добивались) выгодных основополагающих мирных устроений. Можно выстроить длинный ряд таких соглашений, в котором Руси отведено свое место. И признаем мы достоверность договора или не признаем,— это не меняет сути дела. Такой договор Русь по всем законам развития тогдашней государственности должна была вырвать у Византии. И она его вырвала.

Поэтому мы подходим к спору сторон не с позиций формальной логики, как это сделал А. А. Шахматов, или блестящей догадки, как это совершили три историка прошлого, а с позиций скучнейшего исторического стереотипа. Все страны прошли эту стадию отношений с

Византией (а многие и между собой,— вспомним договоры Руси с варягами, венграми). Теперь, после 860 года, вновь пришло время Руси, создавшей в конце IX — начале X века единое раннефеодальное государство.

Вчитываемся еще и еще раз в те «легенды», в те «компиляции», которые сохранил для нас древний летописец, и обнаруживаем удивительные вещи.

Оказывается, если он и создавал что-то по своим собственным образцам, то сделал это настолько искусно, что описание событий абсолютно соответствует мировой дипломатической практике того времени во всех ее тонкостях.

Так, военные действия были остановлены, и послы, высланные из Константинополя, начали переговоры в русском стане. Именно эти переговоры и послужили основой для полного окончания военных действий и отхода русской рати от стен города.

Всмотримся в условия этих первых — подчеркиваем, первых — предварительных переговоров, потому что были еще и вторые, в ходе которых оказались согласованными окончательные условия мира.

Дань выходит здесь на первый план. Но какая? Олег потребовал уплаты фантастической суммы — по 12 гривен на человека, что означало общую сумму в 960 000 гривен. Была ли это та ежегодная денежная дань, которую соседние государства временами получали с Византии за сохранение мира и за союзную помощь против имперских врагов? Нет, не об этом поначалу шла речь. А о требовании уплатить единовременную военную контрибуцию, которая и определяла прекращение войны и начало мирных переговоров. И греки согласились на выплату этой огромной суммы, лишь бы снять осаду города многотысячным русским войском.

Так закончился первый этап переговоров. Нужно ли было его конструировать заново летописцу? Вряд ли, поскольку практика такого рода была широко распрост-

ранена в раннем средневековье: военные действия на какое-то время прекращались, и заключалось перемирие, которое затем либо прерывалось, если стороны не находили общего языка об условиях мира, либо переводилось в переговоры о заключении длительного мира.

После военных столкновений Византии с персами, арабами, болгарами, тоже вслед за перемириями, как правило, проводились переговоры по поводу заключения нового мирного договора.

А вскоре в Константинополь из русского стана отправилось посольство Олега, состоявшее из пяти человек. Начался второй этап мирного устроения — переговоры относительно выработки долговременного мирного договора, который бы определил отношения между обеими странами на последующие годы.

Летописцу, как видим, не было нужды выдумывать столь сложную двуступенчатую процедуру переговоров: она была заложена в тогдашней дипломатической практике, и руссы времен Олега прекрасно этой практикой овладевали. В летописи просто нашли отражение оба этапа проходивших, стереотипных для того времени, переговоров.

Не надо было бедному автору вычеркивать и имени Константина из последующего договора, чтобы оправдать отсылку к 907 году. Когда в 911 году посольство Олега направилось в Константинополь, а было это весной, в начале навигации по Днепру, то Константин еще не был венчан на царство и послы действительно опирались на прежнее соглашение, бывшее при тех же царях — Льве и Александре. Но сам договор 911 года заключался уже после 9 июня, когда Константин был объявлен императором-соправителем; в грамоте это и нашло отражение в виде официального упоминания имен всех трех императоров во главе с правящим императором — Львом VI.

Но вернемся к 907 году и посмотрим, к кому же направлял Олег пятерку своих послов. К тем же двум императорам, которые тогда официально занимали престол,— Льву VI и его брату Александру! Так что летописец прекрасно был осведомлен о хронологии правления всех трех «царей» и был точен во всех отношениях.

Какой же договор заключили послы Олега в Константинополе? Это был типичный долговременный мир, восстанавливающий добрососедские отношения между двумя государствами. Его следы мы видим в словах летописи о том, что греки начали «мира просити», в словах о том, что императоры «мир сотвориста со Олгомъ», в клятвенном утверждении обеими сторонами «мира». Наконец, в последней фразе — «и утвердиша мирь».

Традиционные, давние, существовавшие, возможно, с 860 года мирные отношения между государствами были восстановлены. Последующая война Руси с греками случилась лишь в 941 году, а отношения между ними расстроились в середине 30-х годов X века. Значит, договор «мира и любви» действовал по меньшей мере около тридцати лет. И это не случайно, потому что все условия Олегова первого мира действительно соответствовали такому долговременному и масштабному соглашению.

Борьба за условия этого мира началась с первых же шагов переговоров, и летописец не только информирует читателя о статьях договора, но очень живо отражает противоречия сторон, их желание выторговать для себя наиболее выгодные условия соглашения.

Не успели русские послы появиться в Константинополе, как договоренность о дани была уже изменена.

Пятерка русских послов вновь, как и во время перемирия, во главу угла поставила вопрос о дани. «Имите ми ся по дань»,— заявили послы от имени князя Олега. И греки, как и раньше, ответили: «Чего хочещи, дамы ти». Кажется, все обстоит по-прежнему. Но нет, сумму

единовременной контрибуции Олег уменьшает; она снижается по меньшей мере в десять с лишним раз. Но зато появляется новое требование — выдать «уклады» на русские города. Причем сказано не «дать» уклады, а «даяти» их, а это значит, что их выплата приобретает продолжительный, долговременный характер. Вот эти-то «уклады» и являлись той ежегодной денежной данью, которая впервые, как говорится, вслух, без всяких домыслов, умолчаний и предположений на сей счет и прозвучала в источнике.

Руссы уступили в сумме контрибуции, но зато выставили, как и другие победители Византии, условие выплаты ежегодной денежной дани. Что же тут необычного? Что тут надо было выдумывать, создавать заново, изобретать, конструировать из поздних соглашений?

Заметим, что в позднейших русско-византийских договорах не раз еще встречается это основополагающее для Руси условие — взимание ежегодной дани с Византии, и случается это всякий раз, когда греки, пользуясь благоприятной для себя возможностью, прекращали тяжкую для них обязанность.

Прошло три с лишним десятка лет, между странами возгорелась новая война, дважды водил свою рать на греков князь Игорь, и во время второго похода, в 944 году, когда, казалось, ничто не могло спасти Константинополь от новой осады его огромным войском Игоря и его союзников, греческие послы встретили русского князя на Дунае и предложили мир, заявив от имени императора: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олег, придамъ и еще к той дани». А еще через двадцать лет сын Игоря Святослав, овладев дунайским устьем, сидел, княжил в Переяславце на Дунае, «емля дань на грѣцех».

Когда же греки перестали выплачивать Руси эту ежегодную дань, снова вспыхнула война, и Святослав вновь вырвал у Византии обязательство уплачивать

дань. И даже во время тяжелой осады греками малочисленного войска Святослава в крепости Доростол, когда руссам пришлось пойти на заключение невыгодного мира, греки все же согласились продолжать выплату дани, и Святослав размышлял со своими воинами: «Аще ли почнуть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивши вои множайша, поидемъ Царюгороду».

Вот что означала выплата дани, которой Олег добился от Византии в 907 году.

Если мы согласимся с тем, что летописец «подделал» это условие договора 907 года, то вынуждены будем признать, что он и во все последующие тексты вставил вопрос о дани, а до такого чудовищного обвинения вряд ли додумаются даже самые отъявленные фальсификаторы русской истории.

Так, контрибуция и ежегодная дань — вот те два важнейших условия, которые легли в основу русско-византийского договора «мира и любви».

Контрибуция была обычным делом. Она, например, входила составной частью в договоры с Византией, заключенные в VIII—IX веках болгарскими ханами Тервелом и Крумом. Ее, видимо, взяли руссы в 860 году. Во время побед брали такие контрибуции и греки со своих противников — арабов, персов.

Следы этой контрибуции мы видим в словах летописи о возвращении Олега на родину, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье». Было, конечно, среди всего этого великолепия немало награбленного «имения», но была и дань на «ключь» — как договорились послы Олега в Константинополе.

Обычным делом являлась и денежная ежегодная дань. Так что Русь шла по стопам иных европейских и азиатских стран в их отношениях между собой, в их отношениях с Византией и осваивала добытые в результате победоносных походов дипломатические договорные стереотипы,

На таком же международном уровне находились и другие условия договора Руси с греками 907 года.

Испокон веков византийцы, согласно своей разработанной дипломатической системе, предоставляли иностранным посольствам обеспечение с момента появления в Константинополе и до пересечения византийской границы на возвратном пути. Но это правило действовало лишь в отношении посольств тех государств, с которыми Византию связывали давние и традиционные отношения и где, соответственно, принимали греческих послов. Русь, судя по всему, таким правом не пользовалась, что ущемляло престиж киевского владыки, низводило его на уровень третьестепенный в греческой иерархии правителей окрестных стран.

И вот теперь Олег силой добивается права на эту привилегию. Отныне Византия обязуется предоставлять «слебное», т. е. посольское содержание, русским посольским миссиям. А заодно руссы выговаривают право получения корма для своих купцов.

Допуск русских посольских и торговых караванов в Византию, который официально был, видимо, оформлен еще в 860-е годы, теперь получает новое подкрепление в виде права на содержание и тех и других за счет византийской стороны. Так Русь шаг за шагом добивалась признания перед лицом великой империи. Пункт за пунктом согласовывался во время переговоров русских послов в Константинополе. Но не надо думать, что Русь безоговорочно диктовала свои условия, а греки безропотно их выполняли. Нет.

Упорно и настойчиво византийские политики проводили в переговорах свою линию.

Конечно, они добились снижения баснословно высокой суммы единовременной контрибуции, согласившись, однако, на выплату укладов-дани.

Здесь сказался обычный политический прагматизм византийцев: контрибуцию надо было выплачивать сра-

зу, набирая эту огромную сумму драгоценного металла, а дань... как повернется дело, там будет видно; в случае благоприятной возможности можно будет и прекратить ее уплату,— все решит дальнейшее соотношение сил, дальнейшее развитие событий.

Упорно оговаривали греки и другие условия соглашения. Русские войска стояли еще у стен Константинополя, и потому византийские дипломаты согласились с основными требованиями Олега, но в свою очередь «сказали» по всем этим пунктам. Они постарались поставить приход русских послов и купцов под строгий контроль греческой администрации, ограничить русскую караванную стихию на территории Византии. Большое, видимо, беспокойство эта стихия доставляла грекам. Многочисленные, хорошо вооруженные караваны, проходя от Мессемврии, расположенной на границе с Болгарией, до Константинополя, совершали немалые бесчинства. Недаром греки упомянули в своих встречных требованиях, чтобы руссы не творили «пакости» в селах, т. е. в сельской местности, по которой пролегал их путь к византийской столице.

И в самом городе греки поставили руссов под неусыпный контроль: теперь их сосредоточивали в одном месте, переписывали, впускали в одни ворота небольшими группами, без оружия, в сопровождении императорского чиновника. В данном случае предосторожность, проявленная греками, являлась не лишней, потому что хорошо вооруженный отряд, тайно проникший в Константинополь, мог если не захватить его, то хотя бы создать условия для захвата, удержав, скажем, до подхода основного войска какие-нибудь из городских ворот. Византийский автор XI века Кекавмен в своем сочинении «Стратегикон» не раз упоминает о том, как именно в IX — X веках болгары, франки, турецкие пираты захватывали весьма крупные города при помощи военной хитрости. А уж древние славяне испокон веков

были большие мастера всякого рода военных проделок.

И не всем руссам греки обязывались выдавать месячный корм, а лишь тем, кто придет с «куплей», т. е. непосредственно купцам. Тем же искателям приключений, которые могли бы появиться в Византии вне торговых целей, такой корм не предоставлялся.

Мы можем представить себе картину этих напряженных переговоров. Русские послы во главе с Карлом шаг за шагом добивались льгот, преимуществ для русских посольств, для русской торговли на византийском рынке, и самого главного из них — отмены пошлин, а греки так же упорно, не имея сил воспротивиться в главных пунктах, обставляли договор рядом ограничений, регламентаций для Руси. В ходе этих переговоров и вырисовывалось, наконец, то соглашение, которое доходит до нас со страниц летописи.

Но что примечательно, все требования русской стороны дошли через летописное изложение как посольские речи, «заповеди» Олега, которые от имени великого киевского князя послы передавали грекам, а встречные требования греков оформлены в летописи как цитирование какого-то документа.

В первом случае мы видим свободную и вольную устную речь, во втором — речь книжную, сдобренную канцелярскими оборотами, — типичный образчик бюрократического документа. Если летописец и изобрел все это сам, по собственному разумению, то как же он усложнил свою задачу, цитируя в одном случае речи послов, в другом записывая в летопись выдержки из документа! Невероятные сложности! Но это в том случае, если приписывать древнему автору грандиозную фальсификацию. Если же не ставить перед собой такой задачи, то все выглядит не так уж сложно.

«Посольские речи» были широко известны и в древнем мире, и в мире средневековом. Посол во время при-

ема передавал иноземному владыке речи своего государя, передавал их устно. В дальнейшем, по мере развития, усложнения дипломатической практики, послы стали привозить с собой такие речи в записанном виде, передавали их текст после произнесения другой стороне, но первоначально, в пору складывания дипломатической системы, посольские устные речи являлись тем средством, при помощи которого молодые раннесредневековые государства вели переговоры за рубежом.

Что касается Византии, то там давно уже наряду с устными переговорами практиковалось их протоколирование, запись на «харатье», на хартии, т. е. их оформление в виде письменного документа, а все договоры с иностранными государствами оформлялись в виде так называемых хрисовулов — специальных грамот пожалований, предоставляемых от имени византийского императора. В этом акте отражалось все высокомерие, вся претенциозность византийских властей, «богоизбранного» императора по сравнению с окружающими Византию «варварами». Даже во время тяжких поражений, вынужденное заключать невыгодный для себя мирный договор, византийское правительство облакало его в форму пожалования от имени «василевса», императора.

И когда мы вчитываемся в летописное изложение переговоров, то воочию обнаруживаем следы этой дипломатической практики двух государств.

Основные условия договора 907 года сформулированы от имени Руси — это мир, контрибуция, дань. И в этой части договор выглядит как типичный клятвенный мир «варварской» державы с империей. Такие клятвенные устные миры заключали с империей болгары, арабы, авары, хазары, позднее — венгры, другие народы и государства, такой же устный клятвенный мир заключила в свое время, в 860 году, Русь. Теперь был новый поход, новая победа, новый клятвенный мир, отраженный в летописи в виде речей Олеговых послов.

Подобного рода условия — мир, контрибуция, дань — были общими политическими условиями, и грекам не было нужды оформлять их в виде хрисовулов. Другое дело — детальные статьи о привилегиях русских послов и купцов. И как только об этом в летописи заходит речь, то текст сразу же приобретает «письменный» характер, устная речь уступает место документу, грамоте — пожалованию.

Но самый веский аргумент в пользу того, что перед нами следы письменного документа, является его почти полное повторение несколько десятилетий спустя, когда был заключен новый русско-византийский договор, уже при князе Игоре, а также слова этого позднего документа по поводу данных Византией Руси посольских и торговых привилегий: «...яко же имъ (руссам) уставлено есть». Когда уставлено? Между 907 и 944 годами, годами нового договора, иных русско-византийских соглашений неизвестно. И значит, в 907 году греки «установили» Руси в виде хрисовула все эти льготы.

Но может быть, ловкий фальсификатор просто перенес статьи позднего договора под 907 год и повторил их? Нет. Повтора нет. Из договора 944 года после жестокого поражения Игоря от византийского флота, расстрелявшего русские ладьи «греческим огнем», исчезло право Руси на беспошлинную торговлю. Ну не мог же летописец фальсифицировать всю историю русско-византийских отношений с начала до конца, а именно к этому ведет нас схема А. А. Шахматова, если принять ее за истину.

Но истина заключается в том, что после победоносного похода Русь заключила с Византийской империей договор «мира и любви», который определял все основные экономические и политические отношения между странами. Он состоял из клятвенного устного мира, заключенного по всем канонам еще «варварской» дипломатии руссов, и хрисовула, торжественно врученного по-

сольству Олега от имени византийского императора. В клятвенном мире Русь брала верх над Византией, в хрисовуле, несмотря на уступки, брала верх Византия, потому что Русь согласилась с унижающей ее достоинство формой договора, согласилась с пониманием первенствующей роли Византии в тогдашнем политическом мире.

Наверняка стороны разошлись, недовольные друг другом. Византия — дожидаясь подходящей ситуации, чтобы ликвидировать обременительную для нее дань и право беспошлинной торговли для русского купечества. Русь — уязвленная тем неравноправием, в которое поставили ее императорские канцеляристы. Договор «мира и любви» был полон противоречий, которые неизбежно должны были привести к новым трениям, к новым обострениям, к новым войнам.

И все-таки это был «договор века», т. е. такое соглашение, которое определило на десятилетия отношения Византии и Руси. Следы этого договора, смысл которого скорее почувствовали, чем объяснили три дореволюционных историка, виден на протяжении всей последующей истории взаимоотношений двух государств.

Уже через четыре года в новом договоре оба государства подчеркнули, что они настроены на «удержание» и «извещение» бывшей любви. И еще раз здесь вспомнят договор 907 года, когда стороны поклялись в заключительных словах утвердить «бывший мир».

На «ветхий мир», «первый мир» ссылаются и позднейшие русско-византийские соглашения 911, 944 и 971 годов. И во время русско-византийских войн в 40-е годы X века, и в 970—971 годах мирное устроение вновь начиналось с возврата к основным политическим нормам, выработанным в 907 году, — мир, контрибуция, дань.

Византийский историк X века Лев Дьякон, передавая в своей «Истории» речи императора Иоанна Цимис-

хия, упрекающего Святослава за нарушение мира, цитирует: «Я думаю, что ты, Святослав, еще не забыл поражения отца своего Игоря, который, презревши клятву, с великим ополчением на десяти тысячах судах подступил к царствующему граду Византии...» «Презревши клятву»... До Игоря нам известна лишь одна клятва, утверждающая мир, которую дал русский князь Византии: это был клятвенный мир Олега в 907 году. Как видим, его помнят и греки, и руссы шестьдесят с лишним лет спустя.

Решив принять мир, предложенный греками, осажденный в Доростоле Святослав обещал по новому договору соблюдать «правая съвещанья», т. е. прежние, или первые, договоры. Конечно, здесь имеются в виду все предшествующие договоры Руси с греками и первый из них, определяющий уплату греками дани. Именно это условие, как мы уже видели, заботило воинственного русского князя прежде всего. А уж остальные условия — экономические, политические, военно-союзные — вытекали из этих основных положений, к которым Русь неуклонно возвращала Византию в течение всего X века, в период становления своей внешней политики, своей дипломатии.

Можно предположить, что договор 907 года, кроме условий, лежащих, так сказать, на поверхности, включал и какую-то тайную договоренность Олега с греческими императорами. Возможно, что греки, согласившись на уплату дани, попросили руссов о военно-союзных услугах. Во всяком случае, прошло лишь два года, и русское войско в 909—910 годах нанесло удар по владениям наместника багдадского калифа в южном и юго-западном Прикаспии Юсуфа Ибн-Абу с-Саджа, а также против владетелей Мавераннахра, Хорасана и Табаристана, вассалов калифа. В 912—913 годах последовал новый удар руссов по Закавказью, и снова он был направлен против врагов Византии. Русские отряды по-

явились также в составе императорских войск, направленных против противников империи как в районе Средиземноморья, так и на Ближнем Востоке.

Такого рода действия не могут быть случайными. Вспомним, что и после русско-византийского договора 860-х годов русское войско выступило в Закавказье против тамошних недругов Византии.

Все это наводит на размышления. Конечно, ни руссы, ни греки не могли афишировать свои военно-союзные договоренности. Это вызвало бы немедленно противодействие вассалов халифата, и они встретили бы русскую рать во всеоружии. Но, судя по всему, судя, наконец, по синхронным действиям венгров и Руси против Византии, болгар и Руси против той же Византии, можно почти определенно говорить о том, что в Киеве к этому времени прекрасно освоили практику тайных военно-союзных соглашений, которые затем воплощались в дерзкие, неожиданные военные экспедиции в помощь своим тайным союзникам.

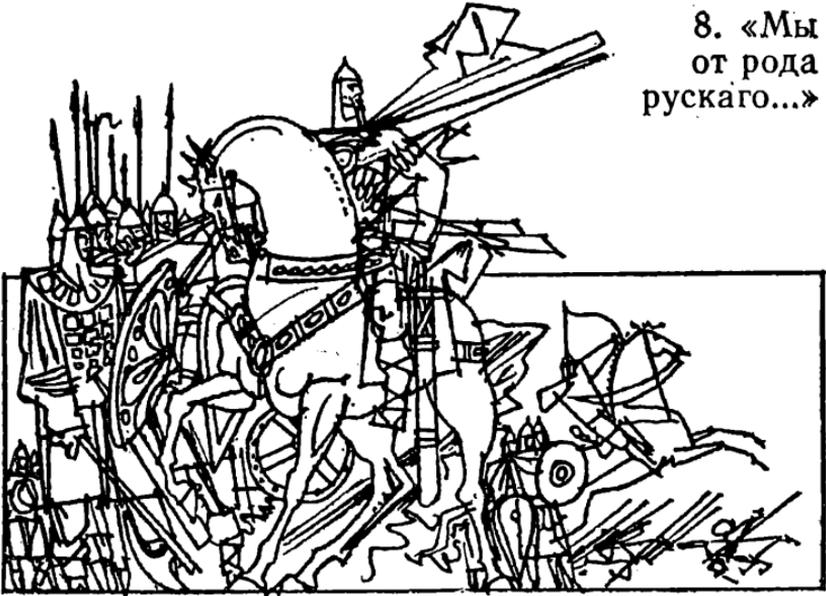
Завершилась новая русская военная, политическая и дипломатическая эпопея, начатая еще в первые годы века с создания огромного войска «Великой скуфи». Договор между Русью и Византией был после немалых дебатов окончательно согласован, пятерка русских послов во главе с Карлом вернулась в русский стан, и наступил торжественный день утверждения заключенного договора.

Византийские императоры — Лев VI, правящий император, и его брат, соправитель Александр, — встретились с русским вождем — киевским князем Олегом. Мы можем предположить, что такая встреча состоялась в открытом поле, перед константинопольскими воротами, на которые через некоторое время в знак своей победы, как живописует летописец, а точнее, видимо, в знак мира, повесил Олег свой щит. Был вынесен крест. Одетые в торжественные багряные одежды Лев VI и его сопра-

витель вышли из городских ворот навстречу Олегу в блистающем золотой отделкой парадном оружии; в сверкающих шлемах и бронях приближались руссы. Остановившись, глядели теперь с удивлением и любопытством недавние враги друг на друга; потом свою работу начали выполнять толмачи. Еще раз были провозглашены условия мира между Русью и Византией, и Лев VI подошел к кресту, преклонил колено, поцеловал его в знак утверждения договора, в знак верности ему. Руссы сняли с себя дорогое оружие и также клялись на нем в верности миру, взывая к своим богам — Перуну, главному богу, и к Волосу.

Потом руссы отправились к своим ладьям, и вскоре Олег приказал поднимать паруса,

8. «Мы
от рода
рускаго...»

аконец-то прозвучали эти слова, прозвучали в письменном русско-византийском договоре 911 года, отрицать

который не решаются самые убежденные скептики. Они, эти слова, как мощный прожектор высветили весь предшествующий путь русской дипломатии, пробивающей себе дорогу из туманной глубины веков, связали воедино прежние неясные факты, проложили дорогу к пониманию последующих факторов внешнеполитической истории Руси, ее дипломатии, ее места в международном сообществе того времени. . .

Под 912 годом «Повесть временных лет» сообщает: «Посла мужи свои Олегъ построить мира и положити

ряд межю Русью и Греки, и посла глаголя...», а далее следует полный текст русско-византийского договора, в конце которого говорится, что он утвержден 2 сентября «в лето создания мира 6420», — это соответствует 2 сентября 911 года. Но после слова «глаголя», т. е. «говоря», записана фраза, о которой мы уже упоминали выше: «Равно другаго свещания, бывшаго при тех же царяхъ Лва и Александра». А это значит, что, когда Олег послал своих мужей в Константинополь, между византийским императором Львом VI и великим киевским князем Олегом уже состоялась договоренность, «свещание» относительно заключения этого нового русско-византийского соглашения.

После похода Руси на Константинополь в 907 году и заключения «договора века» между Русью и Византией, казалось, ничто не предвещало в ближайшее время новых русско-византийских переговоров, и все же между 907 и 911 годами представители обоих государств вновь встретились и договорились о необходимости дополнить «договор века» новым соглашением. Это было вызвано требованием четкой регламентации оформленных в 907 году взаимоотношений между двумя странами. Мир? Да. Торговля, обмен посольскими миссиями, порядок расселения руссов в Константинополе? Да... Но этого было так мало, чтобы учесть все те многообразные случаи, с которыми уже сталкивались и могли еще столкнуться впредь и руссы, и греки в отношениях друг с другом. Не случайно после общеполитической преамбулы в договоре 911 года говорится: «А о главах, аже ся ключит проказа, урядимъ ся сице», т. е. «а о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так». «Проказы», конфликты, злодеяния, нарушения установленных договором 907 года отношений между подданными двух стран — вот чем были озабочены власти и Руси, и Византии, вот для чего потребовался новый русско-византийский договор.

Он развивал, детализировал, углублял, обогащал взаимоотношения двух государств, и именно для этого послы Олега отправились вновь в Константинополь.

При тех же царях — императорах Льве VI и Александре — они договорились о том, что в ближайшее время в Константинополь придет новое русское посольство.

И вот они в византийской столице — пятнадцать человек: Карл, Инегелд, Фарлоф, Вельмуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид. Пятнадцать человек в основном с варяжскими именами, которые, как когда-то «свеоны» в Ингельгейме, выступают от посланного их Русского государства. «Мы от рода русаго,— заявили послы в Константинополе,— ...иже послани от Олга, великого князя русаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь, к вам, Лвови и Александру и Костянтину, великим о бозе самодержцем, царемъ греческим...»

Наступило лето 911 года. 9 июня в Константинополе шестилетний Константин был коронован в качестве византийского императора своим отцом, Львом VI. Теперь официально трон занимали три соправителя, но правящим императором, императором-автократом по-прежнему оставался Лев VI.

В Киеве внимательно следили за событиями в византийской столице, и когда послы отплыли на юг от почайновской гавани¹, они уже везли наказ Олега, в котором он адресовался ко всем трем византийским императорам.

Где состоялись предварительные переговоры? На этот счет нет никаких сомнений. Конечно в Константинополе. При «тех же» царях проходили они, как и пере-

¹ В устье реки Почайны, впадающей в Днепр около Киева, находились городские пристани.

говору 907 года. Об этом прямо говорится в начале договора 911 года. Кроме того, необходимо помнить о некоторых канонах византийской дипломатии. С большой неохотой и то под давлением тяжких обстоятельств или откровенной заинтересованности Византии в добрых отношениях с тем или иным государством появлялись императорские послы в столицах сопредельных стран. И как бы ни знаменателен был поход Олега на Константинополь для Руси, какой бы горделивый восторг он ни вызвал у русского летописца, это вовсе не означало, что такого же значения он был исполнен для Византийской империи. Возможно, что для греков он виделся еще одной, очередной, опасной, но быстрой военной кампанией варваров, которые такими приступами добивались для себя у великой империи политических и торговых привилегий. Бросить им подачку было одно, но вступить с ними в равноправные отношения, возвысить их до своего политического уровня — это было совсем другое. И за свой политический престиж империя держалась упорно и постоянно. Мы уже видели, как послы победоносной русской рати в 907 году отправились на основные переговоры в Константинополь, как в 911 году Олег вновь направил в Византию свою посольскую миссию. Там же побывало и предварительное посольство, которое согласовало с греками смысл предстоящих переговоров, а возможно, и принципиальные положения договора 911 года. Кстати, такого рода предварительные посольства широко практиковались государствами того времени, и многие договоры Византии с Персией, Венецией, Пизой, Болгарией заключались лишь после таких же предварительных договоренностей. Трудно себе представить, чтобы такой обстоятельный документ хотя бы в основных чертах не был бы согласован в Киеве и послы подписали его в Константинополе на свой страх и риск — без предварительного уведомления о нем князя Олега, подчиненных ему князей и бояр.

Для Византии Русь являлась пока еще временным внешнеполитическим фактором и не наступила пора для того, чтобы императорские послы направились в Киев.

Но вот, наконец, обе стороны обменялись предварительными соображениями о будущем договоре, вероятно, и византийские императоры, и киевский князь внесли свои коррективы в проект будущего договора, разработали свои, встречные предложения, и лишь после этого русское посольство — 15 послов, прислуга, охрана, корабельщики — двинулось в путь.

В Константинополе договор также не был заключен так сразу. Русским представителям пришлось не раз встречаться с императорскими чиновниками прежде, чем договор был окончательно выработан. В самом его тексте мы находим следы посольских переговоров, посольской конференции. «Урядим ся сиче», — говорится в договоре, а это означает: «договоримся так». В этой фразе прослеживается факт обсуждения статей, их редакции во время посольского совещания. Далее идет речь об «установленных» «главах», т. е. снова о выработанных статьях.

Мы немало знаем о ходе аналогичных переговоров византийских дипломатов с посольствами других стран во второй половине I тысячелетия новой эры, и многие из них сопровождались весьма долгими и острыми прениями.

Но вот что удивительно. От того времени дошел всего один полный текст договора Византии с другим государством (кроме Руси) и всего один в деталях известный нам ход выработки такого соглашения. Это был знаменитый договор Византии с Персией 562 года. Другими такими уникальными памятниками стали русско-византийские договоры 911 и 944 годов, которые заключили с империей великие киевские князья Олег и Игорь.

Поэтому весьма любопытно сравнить переговоры византийских послов с персами и тех же византийцев с

руссами, тем более что византийская дипломатия была весьма консервативным, рутинным инструментом государственной политики; ее каноны, отработанные в течение столетий, затем мало менялись. Новые партнеры империи вынуждены были вписываться в эти каноны, принимать эту рутину.

К тому же византийско-персидские переговоры и договор 562 года были блестяще доведены до последующих поколений греческим историком Менаандром Протиктором, который сохранил в своем труде и текст договора, и ход переговоров.

Он рассказал, что в 562 году, после того как было заключено перемирие в длительной греко-персидской войне и после того как стороны провели предварительные (как и руссы с греками) посольские переговоры, в один из пограничных городков Персии прибыло посольство византийского императора во главе с видным греческим дипломатом того времени — магистром Петром.

До этого Петр возглавлял императорское посольство в Персию в 550 году, затем, через два года, вел от имени Византии переговоры с папой римским Виргилием. Вторым послом был некий Евсевий. Для переговоров на греко-персидскую границу вместе с ними явилось также шесть переводчиков.

И начались длительные, упорные переговоры. Слово брал то магистр Петр, то его оппонент — посол персидского шаха Хосрова I постельничий (Зих) Иесдегусн. Переводчики, представленные с обеих сторон, переводили посольские речи.

В основном Петр и Зих выступали по принципиальным вопросам, а в это время, как бы мы сегодня сказали, аппарат посольств разрабатывал постатейный договор, который и согласовывался с послами в «рабочем порядке», прежде чем лечь на стол для окончательного обсуждения. «Были споры об этом и о других предметах», — писал о ходе переговоров Менаандр.

Судя по описаниям древних хронистов, не передававших, однако, как Менандр, весь ход переговоров и полный текст договора, подобным же образом проходили переговоры Византии, например, с Венецией.

Теперь свой «уряд» творили русские послы во главе с Карлом, день за днем, заседание за заседанием.

Договор, как мы знаем, был подписан 2 сентября 911 года. Время шло к окончанию навигации, и русскому посольству надлежало возвращаться на родину. Появление его в Константинополе можно датировать серединой лета — скажем, июлем, т. е. после того, как в Киеве стало известно, что малолетний Константин был венчан на царство. Таким образом, на выработку первого письменного русско-византийского договора ушло, по самым скромным подсчетам, от полутора до двух месяцев. Много это или мало? Думается, что темпы были по тем временам вполне хорошими. Греки не любили торопиться с дипломатическими переговорами, «выдерживали» послов на подворьях, прежде чем приступали к переговорам с ними, но в этом случае престиж, видимо, продемонстрировать было некогда: подступала осень, послы должны были к концу навигации поспеть в Киев. К тому же, судя по договору, греки были в нем заинтересованы не менее руссов, а потому 2 сентября дело было завершено.

...Мы можем себе представить, как в жаркий июльский день русское посольство на многих ладьях появилось в виду Константинополя. Карл и его товарищи вновь увидели могучие крепостные стены византийской столицы, купола расположенного неподалеку Влахернского храма. Четыре года назад здесь, перед городскими воротами, стояло русское войско, а потом Карл вместе с другими послами вошел в город, и они вели долгие беседы с императорскими дипломатами. И вот теперь русским послам снова надлежало встретиться с византийскими дипломатами,

У причала русские ладьи уже встречали императорские «мужи» во главе с легатарием — чиновником, в повседневное ведение которого поступало посольство. Тут же все члены посольства были переписаны, и стало ясно, на скольких человек полагалось выплачивать императорское жалованье и сколько кому причиталось. К причалу были поданы повозки, и в сопровождении легатария русский караван через одни указанные ворота въехал в город.

А на подворье близ монастыря святого Маманта царило оживление. Жившие здесь купцы, которые прибыли со своими товарами еще по первой воде, весной, вышли встречать именитых русских гостей; сзади толпилась челядь. Все с нетерпением ждали вестей с родины.

Карл и другие послы вошли в подворье, приветствуя здешних руссов, а те со всех сторон окружили их, и разом заговорила, загалдела оживленная русская толпа...

Вскоре послы расположились на отдых. Помещения им были отведены в соответствии с рангами; лучшее из них было предоставлено главному послу — Карлу.

По существу, это был первый известный нам руководитель посольской миссии Древней Руси. Сегодня мы сказали бы, что Карл являлся одним из первых русских кадровых дипломатов. Он стоял во главе посольства в 907 году, видимо, он же вел предварительные переговоры с греками между 907 и 911 годами о проекте нового договора, и теперь он возглавлял новое русское посольство.

Другие члены посольства также не были новичками в своем деле. В составе прежнего посольства упоминались Фарлоф, Вельмуд, Рулав. Лишь новое лицо Ингельд вторгся в пятерку послов, которая вела переговоры еще в 907 году. Затем в составе посольства появляются новые лица, а пятнадцатым по счету стоит знакомый нам еще по 907 году Стемид.

Что касается Карла, то здесь все, как говорится, ясно: испытанный дипломат, неоднократно первый посол, он вновь встал во главе посольской миссии. Так Русь восприняла древний обычай назначать руководителями посольств опытных, бывалых людей, владевших, как правило, одним или несколькими иностранными языками. В этом смысле Карл очень напоминает нам магистра Петра, неоднократно греческого посла в разных странах. Да и позднее в Византии, других государствах во главе посольских миссий вставали люди, умудренные дипломатическим опытом, хорошо знающие тогдашний мир. Так, известен греческий дипломат протовестиарий Феофан, который неоднократно вел переговоры с венграми, тот же патриарх Фотий, позднее епископ Евхаитский, который был послан в 60-е годы IX века к болгарскому правительству, а потом к киевскому князю Святославу, а позднее появился в стане печенегов, направив их против возвращавшегося с «малой дружиной» Святослава. Русь выдвигала своих дипломатических лидеров, и Карл был одним из них. Нас не должен смущать тот факт, что имя у него было варяжское. В 838—839 годах в Византии и Франкском государстве Русь также представляли варяги. И что из того, что при Александре I и Николае I немец Нессельроде стоял в течение сорока лет во главе русского внешнеполитического ведомства.

Несколько слов по поводу самого скромного из этой первой русской посольской когорты — Стемида. Это тоже лицо не случайное в дипломатии того времени. Он входил в состав и посольства 907 года, и посольства 911 года. Но что удивительно — и там и здесь он значится на последнем месте. В первом случае Стемид замыкает пятерку послов, а во втором случае, пропустив вперед в списке своих товарищей по 907 году, оказывается вообще на пятнадцатом месте.

Учитывая строгую иерархию посольского представительства, которую Русь, как видим, уже знала в это время, определив на первые роли бывалых и, наверное, знатных по тем временам лиц, можно с уверенностью утверждать, что Стемид являлся одним из второстепенных, но весьма необходимых членов обоих посольств. Возможно, что это был человек, осуществлявший секретарские функции или ведавший переводчиками. Но как бы там ни было, иерархия, функции первого и последующего послов, выделение в составе посольства «работников аппарата» уже четко прослеживается в это время. И все они вместе представляли Русь — единое государство, Киевскую державу, Русскую землю — и гордо заявляли: «Мы от рода рускаго...»

Едва родившееся раннефеодальное государство в этой посольской миссии осознает себя представителем всей Русской земли. Здесь же в договоре дается и расшифровка этого представительства. «Русский род» в понимании киевского князя — это сам Олег, великий князь и все, кто находится «под рукою его», — «светлые» и «великие» князья и «великие бояре». Адресуясь к византийским императорам от «рода рускаго», верхушка Киевской Руси отождествила себя со всей Русью, со всем государством. В этом видна еще неразработанность русского феодального представительства, его некоторая наивность, неискушенность киевских правителей в вопросах политической демагогии. Они писали о том, что было в действительности, потому что именно великий князь, другие князья, бояре составляли основу вновь создаваемой феодальной государственной машины.

В то же время уже в этом первом письменном документе древнерусские дипломаты утверждают те принципы государственности, которые смутно угадывались прежде, когда киевские послы выступали просто от имени Руси, и в этом виден рост уровня государственного самосознания древнерусского общества.

Важно, что здесь одновременно подчеркивается единство Руси, соподчиненное положение иных князей и «великих бояр» власти киевского князя Олега. Сказано, что они «суть под рукою его».

Вся «Великая скуфь», собранная Олегом под власть Киева, получила свое представительство в договоре 911 года.

Любопытно, что и греки примерно так же рекомендовались русским представителям. О переговорах 907 года говорилось: «И яшася греци, и реста царя и боярьство все». И в договоре 911 года неоднократно упоминается, что он заключен между Русью и «христианы», т. е. всеми греками. Как видим, византийские политики тонко маскировали господство феодального класса фразами, говорящими, что власть представляет весь народ. В этом они дали наглядный урок руссам, которым те не замедлили воспользоваться и уже в следующем русско-византийском договоре также пошли по пути этого политического камуфляжа.

И начались переговоры. Карл и его товарищи, представлявшие Русь, беседовали с императорскими чиновниками, говорившими от имени императоров и «всех греков».

В многократных встречах, прениях вырисовывался, наконец, тот договор, который донесла до нас летопись.

Он делится на три четкие части — политическое введение, или протокол, конкретные статьи и заключение, которое носит, так же как и введение, общий, политический характер. По существу, в такой структуре мы видим дипломатическую классику, которая затем столетиями незыблемо определяла форму дипломатических соглашений. И эта классика на Руси проявилась уже в начале X века. Не случайно, видимо, удивленный историк XIX века воскликнул, что этот договор — «величайшая достопамятность» всего средневековья.

Олег послал своих мужей «построити мира и положить ряд» между Русью и Византией, и в ходе посольской конференции эта задача была блестяще выполнена: и «мир» и «ряд» были построены. «Мир» — это подтверждение мирных, добрососедских отношений между странами, открытый договором 907 года, а «ряд» — это те конкретные статьи, которые составили сердцевину, основную часть договора 911 года.

Действительно, и во введении, и в конце документа звучит идея мира, заключенного, однако, не заново, а в подтверждение прежней договоренности. «Да умиримся с вами, греки, да любим друг друга от всеа души и изволения», — говорится в начале договора; далее стороны клянутся сохранить «любовь непревратну и непостыжну» «во вся лета». И в заключении Русь и Византия клянутся «не преступити» «установленных главъ мира и любви».

Для чего же потребовалось и Руси, и Византии через четыре года после заключения договора «мира и любви» 907 года вновь возвращаться к идее мира? Ответ на этот вопрос содержится здесь же, в строках договора.

Там говорится, что послы направлены в Константинополь лишь «на удержание и на извещение» «мира и любви», т. е. на закрепление уже достигнутого. Здесь же указывается, и каким способом достигается это «удержание»: «не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою», т. е. не только на словах, но и в письменном виде. А это значит, что и Русь, и Византия решили прежний клятвенный «варварский» мир 907 года, дополненный императорской привилегией — хрисовулом, закрепить письменным двусторонним договором.

Прошло лишь несколько лет, и в Киеве поняли всю неравноправность выданного им хрисовула, в котором, несмотря на победу русского оружия, греки оказали Руси милость и выдали ей привилегию согласно своим представлениям о непререкаемом мировом авторитете

великой империи. Руссам навязали это снисхождение в Константинополе и объяснили, что только в такой форме византийцы и могут выполнить те условия, на которых настаивала Русь.

И вот через четыре года киевский князь решил исправить это неловкое для Руси положение. Послы явились в столицу империи не просто за подтверждением прежнего договора,— они пришли возвысить внешнеполитический престиж победившей Руси и перечеркнуть императорский хрисовул.

Теперь и «мир», и «ряд» выглядели как равноправные обязательства сторон, оформленные в письменном документе.

Кажется, что все это мелочи, пустые формальности, но в действительности Русь таким путем боролась за утверждение своего внешнеполитического суверенитета, настойчиво добивалась политического равноправия с надменными греками и преуспела в этом.

Но ярче всего говорит о равноправии, конечно, основная часть договора, его «ряд», который вновь и вновь заставляет нас вспомнить единственную в этом смысле аналогию — греко-персидский договор 562 года, который тоже был заключен двумя равноправными партнерами.

Когда окидываешь мысленным взором недолгую известную нам историю развития русской дипломатии, то нельзя не удивиться ее стремительности. Еще пятьдесят лет назад Русь с большим трудом вырвала у империи первый клятвенный мир, и вот теперь перед нами развернутый письменный договор, сочиненный по всем законам тогдашней дипломатии.

Перед нами «ряд» — тринадцать конкретных статей, обнимающих широкий круг проблем, интересов, противоречий, касающихся обоих государств.

Вот первая статья. Она формулирует общие принципы наказаний за те «проказы», которые могут допустить

подданные обоих государств. Отмечается, что подлинным злодеянием считается лишь то, которое будет «яве», т. е. явно удостоверено свидетелями. Но если точных доказательств его нет, то все решает так называемая очистительная клятва, которая произносится обвиняемой стороной.

Следующая статья — об ответственности за убийство русса или грека, которая ярче всего выражает стремление обоих государств прекратить стихию беспорядков, насилий, драк, которые, видимо, нередко сопровождали появление и греков на Руси, и руссов в Византии. Договор предписывает сурово карать убийц: «...аще кто убьеть... да умрет, иде же аще сотворить убийство». Смерть наступала убийцу на месте преступления. Но есть и оговорка на случай бегства убийцы. В том случае, если убийца является имущим человеком, то его собственность передается родственникам убитого (за вычетом лишь части, причитающейся жене убийцы), но если убийство совершит бедный человек, то он подлежит непременно сыску, пока не будет схвачен. А уж после этого он «да умреть». Статья весьма лаконична, но нельзя не обратить внимание на то, что после выдачи имущества родственникам убитого богатый человек может чувствовать себя в безопасности. О его смерти за убийство более не говорится. Бедняку же один конец — казнь. Так сурово уже в те непросвещенные времена власти Византии и Руси карали неимущих и находили лазейки для богатых людей.

Третья статья говорит о наказании за побои. Если кто кого ударит, либо мечом, либо каким-нибудь другим предметом, то пострадавший должен получить «по закону русскому» пять литр серебра. Но если ответчик был бедняком, то он должен отдать все, что имеет, вплоть до одежды, в которой ходит.

Так же жестоко карали обе стороны и за воровство. Уличенного вора или человека, лишь собирающегося со-

вершить кражу, надлежало убить на месте преступления. Причем убийство проходит безнаказанно, и, кроме того, пострадавший может забрать то, что он потерял. Если же вор добровольно отдается в руки правосудия, то его оставляли в живых, но взыскивали украденное в тройном размере.

Пятая статья наказывает за грабеж, за насильственное изъятие имущества. За это полагается взимание в пользу потерпевшего имущества в тройном размере.

Шестая статья направлена на облегчение торговых связей между двумя странами, и сама она говорит о регулярности этих связей и тех трудностях, которые ждут торговцев на долгом и рискованном пути «из варяг в греки». Там идет речь о всяческой помощи мореходам, потерпевшим кораблекрушение, проявляется забота о товаре. В переводе эта статья звучит так: «Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и (хозяин) соберется снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта от бури или противного ветра задерживается и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с куплею их поздорову».

Подобные же обязательства берут на себя и греки: «Если же случится около Греческой земли такое же зло русской ладье, то проводим ее в Русскую землю...»

Далее идут статьи седьмая и девятая — о взаимном выкупе пленных, которая напоминает о недавней атаке русским войском Константинополя.

А вот статья восьмая говорит уже о начале мирных, дружественных и даже союзных отношений между недавними противниками. В ней идет речь о разрешении руссам, «сколько бы их ни пришло в какое время», слу-

жить в армии византийского императора доброй волей после того, как они отбудут там службу по велению великого киевского князя.

Как известно по данным византийских хроник, в начале X века русские отряды нередко входили в состав греческих войск, отправляемых против разных неприятелей. И эти руссы теперь могли уже «своею волею» после выполнения союзнических обязательств остаться на службе у византийского императора. Яркая демонстрация союзнических отношений, которые могут быть возведены к 907 году, а может быть и к 860 году, когда русское войско, как помним, ударило по Закавказью в поддержку борьбы Византии против арабов.

Десятая статья посвящалась порядку возвращения бежавшей из обеих стран челяди.

Законники и дипломаты и Руси, и Византии свято блюли право собственности господ на рабов-челядь и сурово карали за их укрывательство. Беглецов надлежало немедленно возвращать хозяевам. Дознание и суд призывались в помощь потерпевшим господам. Так обе стороны поддерживали классовые интересы господ, стремились удержать в узде бунтующую и бегущую за море челядь.

Одиннадцатая статья подробно регламентировала практику наследования имущества умерших в Византии руссов; двенадцатая говорила о порядке русской торговли в Византии. Она так и называлась: «О взимающих куплю Руси». Но текст ее не сохранился в договоре, и, обозначив ее, летописец не смог дать ее расшифровку. И, наконец, последняя, тринадцатая статья посвящалась наказанию должников, не выплативших свой долг заимодавцам. «Если злодей не возвратится на Русь,— говорится в этой статье,— то пусть жалуются русские греческому царству, и будет схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают русские грекам, если случится такое же».

И здесь оба раннефеодальных государства проявляют обоюдную заинтересованность в охране собственности своих подданных и сурово карают несостоятельных или злостных должников.

Любопытно, что греко-персидский договор 562 года — единственный из сохранившихся полностью договоров Византии с другим государством, на этот раз с древней и могучей Персидской державой, — в своей конкретной части тоже имеет тринадцать статей. Что это, совпадение или традиция? Но как бы там ни было, а содержание греко-персидского «ряда» очень напоминает нам договор 911 года.

В первой статье греки и персы договорились не использовать Дербентский проход в военных целях; во второй согласились запретить своим союзникам вести войны против обеих сторон; в третьей договорились вести торговлю «по существующему обычаю через определенные таможи»; в четвертой — способствовать посольским обменам и предоставлять послам «должное обеспечение»; в пятой — соблюдать установленный порядок торговли и со стороны купцов зависимых «варварских народов»; в шестой — разрешить переход подданных из одной страны в другую лишь в военное время, а в мирные дни выдавать друг другу перебежчиков; в седьмой — определить порядок рассмотрения жалоб подданных обоих государств друг на друга; в восьмой — не строить пограничных укреплений и не давать тем самым повода к новой войне; в девятой — не нападать на территории другого государства; в десятой — не держать грекам в пограничной крепости Дары военных сил сверх необходимых для ее охраны и не использовать ее для нападения на персидские владения; в одиннадцатой — определить практику судебных разборов спорных имущественных вопросов, разного рода обид, возникавших между подданными обоих государств. В двенадцатой статье содержится обращение к богу, который дол-

жен поддерживать «хранящих мир», а в последней статье записано, что мир заключается на 50 лет; там же определяется порядок утверждения государями документа, согласованного послами.

Если вычесть из договора сюжеты, связанные с недавней греко-персидской войной, которые — что вполне естественно — доминируют в соглашении, то мы увидим знакомую картину: те же вопросы торговли, посылских обменов, установление порядка разбора имущественных споров и т. д. И в этом смысле Русь четко восприняла международные нормы, хотя рассмотренные соглашения были отделены друг от друга долгими столетиями. За эти века Русь поднялась в своем развитии до высот, на каких уже прежде стояли крупные государства прошлого, и договор 911 года закономерно отразил ее достижения в области экономики, развития социальных отношений, формирования «закона русского» в других сферах социально-экономической, политической, культурной, военной жизни. И в этом смысле значение первого письменного для Руси договора трудно переоценить.

Но руссы не остановились на уровне греко-персидского договора. Они пошли дальше. Договор стал поистине вершиной тогдашней дипломатии. Кто определил эту его вершинность? Греки, руссы? Трудно сказать. Конечно, мы не должны забывать об огромном международном опыте византийцев, об их невероятной искушенности в дипломатических делах, и все же мы чувствуем, как Русь вливала свое дипломатическое вино в старые мехи великой империи — привносила в статьи договора свой расчет, свои государственные интересы, свой масштаб.

Если мы даже бегло сравним два этих договора, то сразу же заметим, что они разнятся по своей структуре. Греки и персы по существу отделили конкретные статьи от соглашения о мире, которое было оформлено особым

документом. Утвердительная часть договора вошла в состав конкретных статей.

По-иному выглядит русско-византийский договор: здесь есть введение, в котором названы послы, заключившие договор, лицо и государство, интересы которых они представляют, а также государство и лица, с которыми заключено соглашение. Здесь же сформулирована общеполитическая цель договора — мир, добрососедские отношения между двумя странами. Затем идет непосредственное содержание самого договора, его статьи, а также порядок его утверждения и клятвы сторон. Третья часть договора заключительная; она содержит дату подписания документа. Эта «классика» на долгие столетия сохраняется как неотъемлемая часть дипломатических соглашений, и договор 911 года, вобрав в себя предшествующий опыт веков, одновременно явился в этом смысле предтечей позднейших дипломатических документов.

Мы помним, что в 907 году греки еще великодушно даровали Руси хрисовул — льготы, где помечены лишь обязательства Византии.

Прошло лишь четыре года, но как разительно изменились отношения между странами: здесь нет ничего похожего на односторонне дарованные льготы. Напротив, договор проникнут идеями равноправия, Русь пытается встать вровень с великой империей.

Еще раз всматриваемся в статьи договора: два государства представлены во введении договора — «Русь» и «Греки». Русь обязуется поддерживать мир, и, хотя текст договора идет от русской стороны, поскольку это русский вариант, в нем говорится: «Тако же и вы, греки, да храните тако же любовь ко княземъ нашим светлым рускым».

Главы о «проказах» также пронизаны обязательствами каждой из сторон. В первой же главе, посвященной наказаниям за преступления, идет речь о том, что в

случае его недоказанности обе стороны должны клясться по своей вере. Убийство карается смертью и для русса, и для грека. И в ответственности за воровство, грабеж и побои вновь предстают две стороны — руссы и «христиане», т. е. греки («аще украдетъ что любо русин у хрестьянина, или паки хрестьянинъ у русина...»). В случае кораблекрушений обязанность помогать потерпевшим возлагается на обе стороны. Мы могли бы этот список продолжить: Русь и Византия выступают равноправными партнерами в статьях об ответственности за взятый долг, о выкупе пленных («аще полоняникъ обою страны держим есть или от Руси, или от грекъ...») и в других. Некоторые статьи содержат лишь обязательства греков, но это связано с их содержанием. Так, Византия разрешает руссам служить в императорской армии после оказания союзной помощи. В другом случае видим обязательства лишь Руси — в статье, которая касается возвращения руссами захваченных в плен греков за выкуп по установленной цене в 20 золотников.

И в конце договора мы снова видим обе договаривающиеся стороны. Там говорится, что «мир» записан «на двою харатью», т. е. оформлен в виде двух грамот. Одна из них удостоверена византийским императором и передана русским послам. На другой же клялись русские послы, и она была передана византийцам. Любопытно, что и в случае с греко-персидским договором, абсолютно равноправным для обоих государств документом, и греки, и персы также изготовили два варианта договора — на греческом и персидском языках. С этих двух оригиналов были сделаны копии; затем каждый передал другой стороне заверенный оригинал на своем языке. Но для памяти каждый взял себе и копию этого экземпляра.

То же и здесь: вырабатываются два варианта — на русском и греческом языках. Византийский император Лев VI подписывает греческий оригинал и передает его

Карлу и его товарищам, а те, в свою очередь, подписав русский вариант договора, передают его грекам, но оставляют себе копию этого документа. Эта копия, видимо, и была взята летописцем из княжеского архива и вписана в текст «Повести временных лет».

Теперь нам становится понятным начало грамоты — «Мы от рода рускаго...»; проясняются и другие подобиные же пассажи, идущие от русской стороны: «да умиримся с вами, греки...», «мы же кляхомся (клянемся) ко царю вашему...» и т. д.

Мы никогда не видели и, наверное, никогда не увидим самого оригинала этой грамоты, как и оригинала византийского документа, но можем предположить, что греческий вариант договора шел от имени трех византийских императоров, «мы» — там были греки, и подписан он был правящим императором Львом VI Философом. Наверняка этот греческий оригинал находился в русском великокняжеском архиве и безвозвратно погиб в пламени пожара вместе с русской копией, драгоценный текст которой сохранил для нас великий Нестор и другие летописцы, работавшие над «Повестью временных лет» вслед за ним.

А теперь хочется вернуться к статье договора, которая говорит о разрешении русским воинам «своею волею» оставаться на службе в Византии после того, как они отбудут там службу государственную, службу Руси.

Здесь совершенно очевидно сохранились следы военно-союзного русско-византийского договора. Когда он был заключен? Видимо, в 907 году возобновилась договоренность прежняя, пятидесятилетней давности. Но там мы лишь предполагали этот сюжет, конструировали его, исходя из реальностей тогдашних русско-византийских отношений. Теперь же он приобрел законченную форму письменной статьи нового договора: «Егда же требует на войну ити...» По просьбе византийского императора руссы должны были направить в помощь гре-

кам свое войско. В свете этой договоренности становится понятным появление в византийской армии, ведущей борьбу с арабами, русского отряда в 911 году, удар русской рати на Закавказье, где действовали сателлиты Арабского халифата — противника Византии — в 912/13 году. Становится понятна и угроза, с которой обратился в адрес Болгарии константинопольский патриарх Николай Мистик, пообещавший наслать на болгар «скифские племена» и среди них «Русь».

И все же, хотя успех был налицо и Русь многого добилась в смысле упрочения своего суверенитета в переговорах, возвышения собственного государственного престижа, ей и в 911 году не удалось полностью встать вровень с Византией. Византийские послы не появились в Киеве, Олег не ратифицировал самолично договор. Да и в тексте соглашения Олег неоднократно именуется просто «светлостью», «светлым князем». Случайно ли это? Думается, что нет. Вопрос о титуле главы того или иного государства в древности и средневековье играл принципиальную роль, и неспроста греки в своих обращениях к окрестным владикам тщательно дозировали степень своего уважения. В византийской дипломатии существовал тщательно разработанный ритуал таких обращений, который греки неукоснительно проводили в жизнь. И изменить этот порядок можно было только силой.

Что касается Руси, то в своем труде «О церемониях» император Константин VII Багрянородный, тот самый, который в год приезда русского посольства ребенком вступил на престол, учил позднее своего сына и соправителя Романа, как следует обращаться к великому киевскому князю: «Грамота Константина и Романа, христолюбивых императоров римских, к архонту Руси». Титул архонта был невысок. Скажем, к франкскому владыке было рекомендовано обращаться совершенно по-иному: «К светлomu царю франков». А титул архонт,

дошедший в Византию из древнегреческих полисов, соответствовал владельцу невысокой руки. И русский архонт — князь Олег — именовался просто «светлостью». Не более.

И все же Русь кое-чего добилась и в отношении формы.

Русское посольство 911 года проходило в Константинополе по образцу посольств других, уже признанных Византией и дружественных государств. Летописец рассказывает, что император Лев VI «почти послы Руские дарми златомъ, и паволоками и фюфудьями (сосудами)... и тако отпусти а́ (их) во свою землю с честию великою».

На языке средневековой дипломатии это означает, что император принял послов перед их отъездом на родину, или предоставил им «отпуск», от его имени послы получили прощальные дары. Это был обычный ритуал отпуска иностранных посольств из Византии, и он был точно соблюден в отношении Руси.

Но на этом «великая честь», которую оказал русскому посольству византийский император, не ограничилась. Византийский владыка организовал знакомство членов посольства с Константинополем, его святынями. И руссы в сопровождении приставленного к ним «мужа» увидели «церковную красоту, и полаты злата», наполненные колоссальными сокровищами — золотом, дорогими тканями, драгоценными камнями, а также православными святынями — религиозными реликвиями, связанными с именем Христа, мощами святых.

Неспроста повели греки русское посольство поглядеть на «церковную красоту»: вновь и вновь обращались византийские политики к идее крещения Руси в своих великодержавных гегемонистских интересах. Первые попытки крестить Русь и учредить там византийскую епархию закончились неудачей. Языческая толща поглотила как русских инициаторов крещения, так и греческих

миссионеров, и вот Константинополь вновь исподволь продолжал прежнюю политику. Летописец заметил, что греки во время этих посещений «учаще я (их) к вере своей и показующе им истинную веру».

Послы ходили по величественным соборам и роскошным дворцам Константинополя, смотрели на византийские чудеса, набирались знаний.

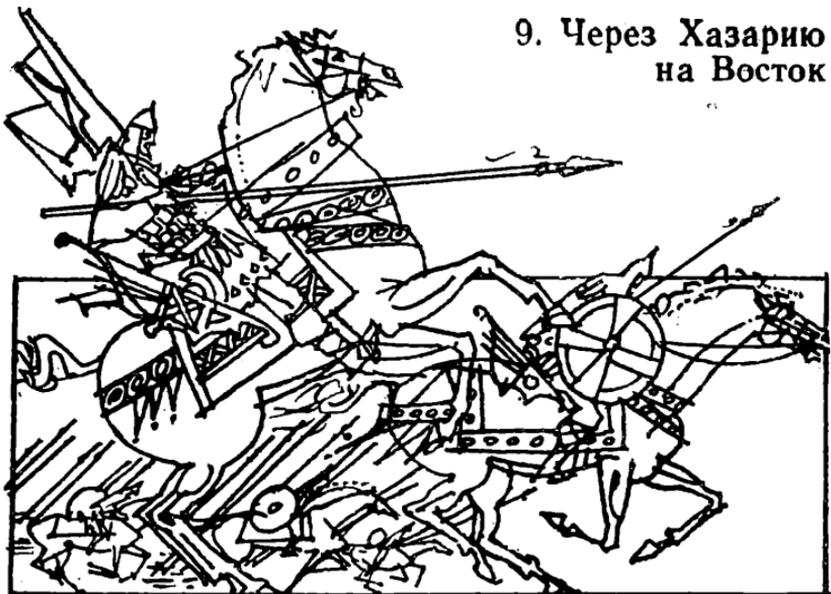
Дело шло к осени, приближался октябрь, пора было отправляться в обратный путь.

Руссы покинули Константинополь, судя по всему, вскоре после отпуска и в октябре уже были в Киеве.

И тут наступил заключительный акт всей этой дипломатической истории — встреча посольства с князем Олегом. Это был официальный прием послов главой Русского государства, на котором Карл и его товарищи поведали Олегу «вся речи обою царю (т. е. обоих царей — Льва VI и Александра), како сотвориша миръ, и урядъ положиша, межю Грецкою землею и Рускою...».

Официальный характер приема как бы подчеркнул всю значимость посольства, его международный престиж, связал воедино процедуру, которая совершилась в Константинополе, с киевским приемом, отпуск посольства у византийских императоров — с приемом его у Олега. Даже такая, казалось бы, малозначительная деталь была продумана киевским правительством, настойчиво поднимавшим государственный престиж Древней Руси.

9. Через Хазарию на Восток

Восток... Неведомые страны, откуда на рынки Константинополя и Киева прибывали после долгих и

утомительных путешествий купеческие караваны с диковинными товарами. С Востока в Византию, на Русь, в другие страны Европы попадали тончайшие ткани и булатное оружие, прекрасные скакуны и драгоценные камни, пряности и замечательной работы ковры, изделия из золота, серебра, бронзы. Восток... Мысли о сказочно богатых восточных землях будоражили киевских правителей, не давали покоя торговым людям.

Русские купцы давно уже проложили пути в Византию и Сирию, Венгрию и германские земли, в Болгарию

и Польшу, но Восток был, казалось, недостижим. На восточных путях прочно стоял хазарский заслон. Хазария контролировала торговые дороги вдоль северных берегов Черного моря по Дону и по Нижней Волге. В руках Волжской Булгарии и бургасов — сателлитов Хазарского каганата — находились торговые пути по Оке и Средней Волге. В Прикаспий, в Закавказье и далее в страны Передней и Средней Азии нельзя было пройти, минуя хазарские и булгарские заставы. И с каждым десятилетием мужающая, развивающаяся Русь все острее ощущала эту оторванность от восточных торговых путей, от восточных торговых центров. А слава о них все чаще и чаще доходила до Киева, и там уже прекрасно знали о богатых торговых городах Абесгуне и Сари, лежащих на южном берегу Каспия, откуда через Хорасан и Мавераннахр открывался путь на Хорезм. Западнее находились богатейшие земли Табаристана и Гиляна. А в Закавказье, на реке Куре, славился своими базарами, своей обширной и богатой торговлей здешний «Багдад», город Бердаа.

И неизвестно, как бы сложилось приобщение Руси к судьбам этих восточных земель и городов, если бы сами они не стали, начиная с VII века, жертвой арабской агрессии.

Арабский халифат к IX — X векам, о которых мы ведем повествование, подчинил своему влиянию практически все Закавказье, часть Средней Азии, предпринял мощное наступление на Восток, подбираясь к византийским владениям в Сирии, Малой Азии. Халифат стал к этому времени основным, смертельным врагом Византии. В Закавказье по южным берегам Каспия сидели вассалы халифата — владельцы Мавераннахра, Хорасана, Табаристана, Гиляна. И на борьбу с ними Византийская империя поднимала всех своих союзников, и первого среди них в этом регионе — Хазарию.

С VII века начинается отчаянная борьба Хазарского каганата против наступавших через Дербентские ворота на Северный Кавказ арабов. Над Хазарией и ее владениями в Приазовье, на Нижней Волге и Северном Кавказе нависла угроза. Кажется, апогеем этой борьбы стал поход арабского полководца Марвана, когда арабское войско в 737 году начало большой поход в глубь владений каганата. Арабы захватили хазарскую столицу Семендер. Каган бежал из столицы и укрылся за «Славянской рекой» (под которой большинство ученых понимает Дон). И тут арабы пришли в прямое столкновение со славянами. 20 тысяч их семей было взято в плен.

Так славяне, часть которых в то время была в зависимости от Хазарии, вступили в противоборство с арабскими завоевателями. В течение последующих десятилетий Хазария и Византия постоянно и неустанно выступали против арабского давления. Империя опиралась в этом районе на Хазарию как на реальную силу, реального союзника, который мог бы не только сковать силы арабов на восточных границах Византии, но и постоять за ее крымские владения, оказавшиеся под прямой угрозой захвата. Русь в это время в расчет еще не принималась.

Но с конца VIII — начала IX века положение резко изменилось. Мы помним, как руссы провели два грозных похода вдоль черноморских берегов. Византия почувствовала, что на севере, в землях, близких к Хазарии, складывается новое мощное государство. Хазария же срочно приступила к сооружению крепости Саркела, которая должна была противостоять не только появившимся в этих краях печенегам, но и сковать русский выход в Причерноморье.

И наконец, грянула гроза 860 года, когда византийские политики, замирив Русь, протянули ей руку дружбы и союза, постарались направить ее военные силы против арабов,

А как же Хазария? Ее могущество слабело. Восточно-славянские племена одно за другим освобождались от ее зависимости с тем, чтобы при Олеге окончательно сбросить хазарское иго почти со всех русских земель. Печенеги терзали хазарские владения, арабы и их союзники хозяйничали в бывших хазарских владениях на Северном Кавказе. Византии нужна была новая опора, новая реальная сила, которую можно было бы противопоставить арабам вместо угасающей Хазарии, и стремительно развивающаяся Русь оказалась в сфере внимания имперских политиков.

Первый свой удар на Восток Русь нанесла, как об этом уже упоминалось, в 60-е годы IX века, вскоре после нападения на Константинополь. Это был поход на город Абесгун — ключ к торговому пути в Среднюю Азию.

Руссы достигли южного побережья Каспия, прошли вдоль берега, произведя опустошения. Правитель Табаристана, вассал халифата Хасан Ибн-Зайд, направил против них свое войско. В ожесточенном сражении руссы, как повествует персидский источник, были разбиты и ушли к себе на родину.

Мы предположили, что Русь в этом случае выполнила свои союзнические обязательства по отношению к Византии, отвлекла силы арабов в этом районе, помешала или старалась помешать их наступлению на запад. Предположили... но не более. И все же, поскольку факт похода бесспорен и бесспорна его антиарабская направленность, возникает законный вопрос: как руссы оказались в Закавказье, как сумели пройти туда? И сколько бы мы ни гадали, все равно мимо хазарских владений они пройти не могли.

Складывается любопытный и весьма противоречивый треугольник (но, повторяем, пока это лишь предположение): Русь при сочувствии Хазарии помогает Византии. Хазары пропускают русское войско на восток, выполняя

свои древние союзнические обязательства по отношению к империи. Ах, с каким бы удовольствием хазары уничтожили этих непрошенных гостей, этих новоявленных союзников своих союзников! Русь грозной тенью уже нависала над хазарскими владениями в Северном Причерноморье, и недалек был тот день, когда Олег спросит славянские племена: «Кому дань даете?» — и, услышав: «Козаромъ», гордо скажет: «Не дайте козаромъ, но мне дайте». Однако это в будущем, а пока, предчувствуя надвигающуюся угрозу, загородившись от нее Саркелом, хазары скрепя сердце открывают свои военные заказы для пропуска русской рати на Восток — в Закавказье, в Прикаспий.

И уже в это время обращает на себя внимание выбор Русью направления удара — не в Малую Азию, где уже стояли арабские войска, а в Прикаспий, на знаменитую торговую гавань Абесгун, бывшую крупным торговым центром целого края, откуда открывались пути на Хорезм. Торговые, экономические интересы Руси, стремление взять богатую добычу, пробить дорогу на Восток шли здесь рука об руку с интересами политическими, с союзными обязательствами Киева по отношению к Византийской империи. И противоестественный, а потому непрочный, временный, взрывоопасный союз с Хазарией способствовал, видимо, этому первому известному нам военному предприятию Руси на Востоке.

Так, уже в IX веке мы не можем не увидеть определенной дипломатической активности древних руссов в связи с их движением на Восток. Русская рать с ведома и согласия хазарского кагана, заклятого врага Руси, движется по хазарской территории на Восток и выступает союзником Константинополя там, где прежде безраздельно господствовал Хазарский каганат.

Проходят годы, и события почти повторяются.

В 907 году между Византией и Русью заключается новый договор «мира и любви», предполагающий, как и

многие подобные соглашения, союзную помощь со стороны Руси великой империи. Платой за эту помощь становится ежегодная денежная дань. И вскоре после этого договора, в 909—910 годах, Русь предпринимает новый поход на Восток. И снова на Абесгун. И снова через территорию Хазарии.

Сведения о походе руссов на Восток в 909—910 годах донес до нас тот же автор, что писал и об их первом нападении на Абесгун,— персидский автор XIII века Ибн-Исфендийар в своей «Истории Табаристана». Он сообщает, что в 909 году в этом крае появилось русское войско на 16 судах, что прошли руссы морем и устроили здесь большие опустошения.

На другой год они появились снова «в большом количестве», сожгли в юго-восточной части Прикаспия город Сари, забрали пленных и на обратном пути вступили в сражение с отрядами местных правителей — гиланшаха и ширваншаха.

Возвращались ли руссы к себе на родину или оставались в крае — нам не известно, но можно думать, что они зимовали в здешних местах, как (это уже известно точно) поступали позднее, а потом в летнюю пору, удобную для морских переходов, вновь обрушивались на южнокаспийское побережье.

Обращает на себя внимание такая деталь. Автор сообщения говорит, что на следующий год руссов пришло больше: если в 909 году они были на 16 судах, то следующим летом появились «в большом количестве». Получили ли они подкрепление с родины или, осознав вкус побед и добычи в здешних местах, не замедлили появиться здесь снова, придя с Руси,— мы не знаем, но факт остается фактом: военное предприятие руссов в районе южного Каспия было длительным, они провели здесь по меньшей мере несколько месяцев, их военные силы приковали к себе войска владетелей Ширвана и Гиляна.

И конечно, снова мы должны сказать о месте Хазарии в этих событиях: руссы снова появились на Каспийском море, выйдя в него через Дон и Волгу. Их путь в этом случае прослеживается так: по Днепру, затем вдоль северного побережья Черного моря, мимо крымских владений Византии, затем через Керченский пролив в Азовское море, оттуда вверх по Дону, волоком на Волгу и уже вниз по Волге в Каспийское море.

На значительной части этого пути русское войско проходило вдоль византийских крымских владений. Греческие аванпосты стояли уже восточнее Днепра. Здесь располагались фактории, жили рыболовы, торговцы. Миновав Крымский полуостров, руссы попадали в районы, контролируемые хазарами. Путь же по Азовскому морю, Дону, Волге проходил просто-напросто по хазарской территории. Оказывалось, что войско князя Олега (его самого или его воевод) шло по территории Хазарии, с которой Олег вел упорные войны в конце IX — начале X века за освобождение восточно-славянских земель из-под ига каганата, за их консолидацию вокруг Киева.

Силой исторических обстоятельств, больших политических комбинаций своего времени, в центре которых стояла Византия, смертельные враги, враждующие соседи — Русь и Хазария вынуждены были выступать единым фронтом против общего врага — арабов. Но если халифат и его союзники открыто грозили хазарским интересам на Кавказе и в Поволжье и каганат боролся за свое влияние в этих местах, то Русь использовала ситуацию и для того, чтобы пробиться на Восток, проложить военные и торговые пути в земли, куда издавна влекло русских купцов и русские дружины. Заодно руссы расшатывают здесь и позиции своих врагов — союзников хазар: ведь это по их землям, через их военные заставы шли руссы, и хазары должны были терпеть их на своих землях ради больших стратегических замыслов Визан-

тии, которыми в данном случае так успешно пользовалась Русь.

Византия немало рассчитывала на помощь Руси в борьбе с арабами. В это же время отряд русских воинов в 700 человек отправляется в составе византийской армии во главе с полководцем Имерием против критских арабов, а на востоке союзник Византии — царь Армении Смбат I — пытается сбросить власть арабов, которые опирались в Закавказье и южном Прикаспии на силы своих вассалов — владетелей Мавераннахра и Хорасана. И есть все основания считать, как это делают советские ученые, что поход руссов 909—910 годов был направлен в помощь Смбату I против арабских вассалов в этом крае. Так Русь платила за ежегодную дань, за торговые льготы, за свободный допуск в Византию русского купечества, за возвышение собственного государственного престижа. При этом Русь сдвигала свои походы не в юго-западном, как можно было бы ожидать, а в юго-восточном направлении, и в этом заключался ее собственный военный и экономический расчет.

В 911 году, как мы убедились, в русско-византийском договоре появляется статья, раскрывающая смысл военно-союзной помощи со стороны Руси. Вернее сказать, разрешая русским воинам оставаться на службе в Византии и после выполнения ими союзнических обязательств, она лишь приоткрывает нам то, о чем мы догадывались прежде — о наличии русско-византийского военного союза, существовавшего и до 911 года, который может восходить лишь к договору 907 года.

911 год стал еще одним этапом укрепления военно-союзных отношений Византии и Руси, и уже через год русское войско вновь оказывается в Закавказье.

На этот раз все, о чем мы говорили лишь предположительно, проявилось ярко и откровенно.

В 912 году, т. е. на следующее лето после подписания в Константинополе русско-византийского договора, на-

чинается новый крупный поход руссов на Восток. О нем сообщает арабский автор середины X века ал-Масуди в своем труде «Россыпи золота». Он пишет, что 500 русских кораблей двинулись в поход через земли хазар. Их путь проходил по Днепру, Черному и Азовскому морям. Оттуда они вышли в устье Дона.

Подойдя к хазарским заставам, руссы «снеслись с хазарским каганом» и попросили о пропуске своей флотилии. Хазары согласились, но при условии, что половину захваченной добычи руссы отдадут им. Положительный ответ был получен, и руссы двинулись вверх по Дону.

В том месте, где Дон ближе всего подходит к Волге, они перетянули волоком суда в Волгу и через ее устье вышли в Каспийское море.

Их удар по каспийским берегам был страшен. Сначала они обрушились на Табаристан, напав, как и в прежние два похода, на город Абесгун, а затем вновь повернули на запад, прошли по землям Гиляна и появились «в нефтеносной области на Апшероне». Как и под Константинополем и в прежних восточных походах, они брали пленных, грабили здешние земли, жестоко подавляли всякие попытки сопротивления.

Арабский автор сообщает далее, что руссы пробыли в походе «много месяцев», сражались с местными мусульманскими войсками, зазимовали на острове близ Баку и на следующий год двинулись в обратный путь.

С дороги они вновь «снеслись с хазарским каганом, которому послали денег и добычу, как это было договорено между ними». Однако хазарские мусульмане, желая отомстить за кровь своих братьев, пролитую руссами, решили наказать своих врагов и напасть на них. Это стало известно в правящих кругах Хазарии, и каган послал своих людей навстречу русскому войску, предупредая его о возможном нападении.

Тем не менее это не спасло положения. Хазарские

мусульмане напали на русское войско, и 30 тысяч руссов пали под хазарскими саблями. 5 тысяч человек погибли от нападения союзников Хазарии — волжских болгар и бургасов, и лишь небольшая часть руссов вернулась на родину.

На этом информация ал-Масуди заканчивается.

Как видим, русский поход начался в соответствии с прежними традициями отношений с Византией, Хазарией, а закончился совершенно по-иному: сказались, наконец, старые противоречия между Русью и каганатом, что и привело к нападению хазар и их союзников на руссов, отяжеленных огромной добычей, захваченной на Востоке.

К тому времени, когда состоялся новый поход руссов на Восток, многое изменилось в тогдашнем мире. Начались разногласия между прежними союзниками — Византией и Хазарией. К этому времени хазарская верхушка приняла иудаизм, что было отрицательно встречено в христианской Византии. Хазарская же гвардия в основном состояла из мусульман. Все чаще Хазария начинает тревожить крымские владения Византии, и именно на это время приходится организованное Константинополем нападение на Хазарию печенегов, поддержанных некоторыми северо-кавказскими народами. Хазары отбивались от этой коалиции при поддержке алан.

А в это время на Руси происходили события, о которых не могли знать ушедшие в далекий поход руссы. В то время, как летом и осенью 912 года они шли с победами по Табаристану, умер великий князь Олег, ушел из жизни крупный воитель, давний ненавистник хазар, оторвавший от них восточно-славянские племена и многое сделавший для укрепления Киевского государства.

Теперь хазары могли попытаться вновь повернуть события в свою пользу. А тут как раз предстояло встре-

тить сильное войско руссов (несколько десятков тысяч!) на возвратном пути из восточного похода.

Этот поход разрешает прежние догадки, но и порождает новые.

Действительно Русь находилась в военном союзе с Византией, действительно ей приходилось вести постоянные дипломатические переговоры с хазарами о пропуске своих войск по ее территории, действительно ее походы на Восток были направлены против врагов Византии — вассалов Арабского халифата.

Почти все, о чем мы предположительно говорили прежде, находит положительные ответы в фактах этого нового похода 912—913 годов.

Но все чаще и чаще в отношениях между Византией, Хазарией и Русью проявляются новые настроения. Хазария утрачивает положение сильного союзника Византии в районе Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Ее теснит Русь, ее теснят появившиеся в причерноморских степях печенеги, против нее поднимаются возбуждаемые империей северо-кавказские народы.

Охлаждение отношений между Хазарией и Византией подогревается и постоянными нападениями хазар на крымские владения Византии. Русь по-прежнему остается самым опасным врагом каганата, но теперь уже за Хазарией не видно ободряющей руки Константинополя. Хазария предоставляется сама себе, и пропуск русского войска по ее территории — это уже анахронизм, исчезающая традиция, тонкая нить, которая вот-вот должна прерваться.

Ал-Масуди рассказывает о том, что хазарский каган, верный договору с руссами, предупредил их о готовящейся атаке со стороны собственного мусульманского войска. Какая наивность арабского хрониста! В свете развивающихся острейших разногласий Византии и Хазарии, Хазарии и Руси уничтожение русского войска, которое завтра могло бы быть направлено против само-

го каганата, было желательным и долгожданным. Казалось, судьба сама посылает руссов, отяжеленных добычей, измотанных трудным двухгодичным походом, в руки хазар. И те решились.

Где-то на речных переправах, поблизости от союзных булгар и бургасов, хазары подстерегли русское войско и нанесли ему сокрушительный удар. Не половина добычи, а вся она оказалась в руках хазар. Часть рассеявшихся по лесам руссов была вырезана булгарами и бургасами.

Это нападение определило окончательно позицию Хазарии. Кончились недомолвки, скрытое недовольство, с трудом гасимые противоречия между старыми соперниками. Сражение в междуречье Волги и Дона окончательно похоронило роль Хазарии в качестве многовекового союзника Византии и со всей определенностью подчеркнуло, что в борьбе с арабскими вассалами в Закавказье Византийская империя может теперь полагаться в первую очередь на помощь Руси.

Правомерность этой новой расстановки сил показали уже ближайшие события.

В 912 году на киевский престол вступил князь Игорь, бывший по преданию сыном Рюрика, но заслоненный в течение долгих лет могучей фигурой Олега, который осуществлял, видимо, регентскую власть, сосредоточил в своих руках все нити управления складывающимся Киевским государством.

Вскоре после этого печенеги впервые пришли на Русь, и в 915 году киевская дипломатия обогатилась еще одним мирным договором. На этот раз он был заключен с опасными кочевниками.

Что лежало в основании этого мира — выкуп, ежегодная дань, которой Киев откупился от печенегов, как некогда от венгров, — трудно сказать, но до 920 года этот мир действовал неукоснительно. Нападая на хазарские владения, печенеги сохраняли мирные отношения с

Киевом, и лишь под 920 годом летописец записал: «А Игорь воеваша на печенеги». Но это было уже после того, как руссы оправились от сокрушительного поражения, нанесенного им хазарами, сумели подавить вспыхнувшее после смерти Олега восстание древлян, которых с таким трудом включил в состав своей державы Олег и примучивал их данью тяжкой.

На этом натиск руссов на Восток не прекратился. Следующий поход Руси в Закавказье приходится на середину 40-х годов, уже после длительной русско-византийской войны 941—944 годов.

А до этого времени — в 20—30-е годы — крепили тенденции в отношениях Византии — Руси — Хазарии — народов Северного Кавказа, которые стали обозначиваться уже с конца IX — начала X века.

Противоречия между Хазарией и Византией особенно обострились с начала 20-х годов, когда императором стал Роман I Лакапин, начавший широкое преследование иудеев в Византии и предпринявший ряд внешнеполитических шагов, направленных против иудаизирующейся Хазарии. Константинополь постоянно натравливал против хазар северо-кавказский народ аланов, предков нынешних осетин, поднимал против них печенегов. В источниках сохранились сведения и о том, что Роман I всячески побуждал Русь к выступлению против Хазарии, и о русско-хазарской войне. Хазары отвечали нападением на крымские владения Византии, нападали на русские земли. Начиная с 20-х годов X века Хазария оказалась изолированной, и вскоре ей предстояло встретиться с Русью один на один. Если прежде Византия защищала своего долголетнего союзника, то теперь она бросила его на произвол судьбы. Практически Хазария была обречена, но ее гибель отодвинулась начавшимся противоборством между Русью и Византией.

Еще в середине 30-х годов X века все как будто было спокойно в отношениях между двумя государствами.

В 934 году семь русских кораблей с 415 воинами находились в составе византийской эскадры, направленной к берегам Лангобардии. В 935 году в составе другой эскадры руссы ходили к берегам Южной Франции. Но с этого времени что-то сломалось в отношениях между странами. К концу 30-х годов они стали напряженными, а в 941 году разразилась война. Огромное русское войско на 10 тысячах судов двинулось во главе с князем Игорем на Константинополь. В ходе длительного противоборства руссы потерпели ряд поражений и ушли на родину. В 944 году Игорь, вновь «совокупивъ вои многи» и собрав под свою руку союзных варягов и наемных печенегов, двинулся на Византию. Однако военные действия так и не разразились. Греки запросили мира, и в этом же 944 году состоялся новый русско-византийский договор.

Здесь мы не будем касаться ни причин русско-византийской войны 941—944 годов, ни содержания самого договора. Обратим лишь внимание на то, что уже следующим летом, в 945 году, большое русское войско вновь появляется в Закавказье. И снова русский поход приходится на период, следующий сразу же за заключением русско-византийского договора.

Теперь гадать, почему это произошло, уже не приходится, потому что в договоре 944 года на этот счет есть прямые указания. Там говорится: «Аще ли хотети начеть наше царство (т. е. Византия) от васъ вои на противящася намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ: и оттоле уведять ины страны, како любовь имеютъ гръци съ русью».

Эта статья обязывала Русь направлять по просьбе Византии своих воинов, сколько потребуется, против того противника, которого определит империя. Византия же снова обязывалась выплачивать Руси ежегодную дань, даже больше той, какую «ималъ Олегъ»; получала

Русь от империи и иные уступки, в том числе территориального порядка.

Другая же статья не оставляла никакого сомнения в том, против кого был направлен русско-византийский военный союз в первую очередь. Она называется «О Корсуньстей стране» («О Корсунской стране»). Корсунью на Руси называли греческую колонию в Крыму — Херсонес, и речь в этой статье, следовательно, шла о херсонесской стороне — о прилегающих к городу землях Северного Причерноморья и Крыма. В этой статье говорится, что русские обязуются «не имать волости» в этой «стране». В то же время если русский князь где-либо будет вести войну и попросит у Византии помощи, то получит столько греческой подмоги, сколько потребует: «...да воюеть на тех странахъ, и та страна не покаряется вамъ, и тогда, аще просить вой у насъ князь русский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ тебе». Что же это за «страна» в здешних краях, против которой Русь может вести войну, которая «не покаряется» Руси и против которой Византия готова предоставить воев русскому князю столько, сколько «ему будетъ тебе»? Только Хазария, хотя в этой же статье говорится и о необходимости руссов выступить против «черных болгар», кочевого народа, обитавшего в Приазовье и, видимо, частенько нападавшего на здешние греческие поселения. Итак, Хазария — враг Византии и Руси, против которой было направлено острие русско-византийского военного союза. Но это, так сказать, стратегическое направление союза, подготовка к борьбе против врага еще мощного, опасного, имеющего прочных и сильных союзников в Приазовье, Поволжье и на Северном Кавказе. И неизвестно еще, когда наступит подходящий момент для совместного выступления. Ясно одно, что, покинутая своим прежним союзником, лихорадочно ищущая поддержки где только можно, в том числе даже в далеком Хорезме, оставленная практически один

на один с могучим северным соседом — Русью, Хазария была обречена. Вопрос заключался в том, когда, при каких обстоятельствах Русь нанесет ей сокрушающий удар.

А пока для союзников стояла первоочередная практическая задача — отпор арабам, которые вели наступление на византийские владения и с востока, и с запада.

И вот уже русский отряд в 629 воинов отправляется в составе императорской армии в экспедицию против Крита, затем вместе с дружественными Византии болгарами и армянами сражается против сирийского эмира. Но самое главное: на следующий год после заключения русско-византийского договора 944 года Русь, видимо, верная своим союзническим обязательствам и, как и прежде, влекомая в богатые восточные края, вновь организует масштабный поход против закавказских противников Византии.

Сообщение об этом русском походе донес до нас персидский автор X—XI веков Ибн-Мискавейх. Он рассказал, как «отправилось войско народа под именем руссов к Азербайджану. Устремились они к Бердаа, овладели им и полонили жителей его... Руссы, — пишет он, — прошли из Черного моря к устью реки Куры и поднялись вверх по ее течению до этого города, бывшего в ту пору столицей кавказской Албании, будущего Азербайджана, и захватили его». Там они повели себя несколько иначе, чем во время прежних подобных нападений. Они не предали город разграблению и пожару, а «сделали объявление, успокаивали жителей его (города) и говорили им так: „Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам”».

Однако мирные отношения с жителями Бердаа продолжались недолго. В городе вспыхнуло восстание против руссов, и тогда пришельцы взяли за оружие. Они

учинили разгром албанской столицы. Жители были ограблены: каждый из них должен был выкупить свою жизнь; взамен принесенных ценностей руссы вручали им «кусок глины с печатью, которая была гарантией... от [нападений] других».

Затем среди русского войска начались болезни. На Бердаа наседали местные мусульманские войска. Под их натиском, после тяжелых боев руссы однажды ночью ушли к Куре, где стояли их суда, и отплыли на родину.

Их пребывание в Закавказье затянулось на несколько месяцев.

Но не только Ибн-Мискавейх поведал об этом походе. Сведения о нем сохранились и в других восточных сочинениях. В них говорится, что руссы «подобно вихрю распространились по всему Каспийскому морю» вплоть до Бердаа. Есть сообщения о том, что местные женщины попытались отравить руссов, после чего те безжалостно расправились с жителями и, забрав несметную добычу, после пребывания в Бердаа в течение шести месяцев, отбыли в «страну свою». Один из авторов даже сообщает, что, захватив всю округу, русское войско расположилось не в самом Бердаа, а в его окрестностях — в соседнем селении Мубараки.

Как бы там ни было, какие бы сведения ни дошли до нас, ясно одно, что поход этот поразил современников, стал заметным событием в военной истории края.

Но он еще важен и тем, что приоткрывает завесу над весьма туманной историей взаимоотношений Византии — Руси — Хазарии этого времени. Он как бы дополнительно высвечивает те внешнеполитические линии, о которых мы говорили выше.

Прежде всего обращает на себя внимание путь руссов. Ни один из авторов не упоминает об их традиционной дороге — через Азовское море, Дон, Волгу. Но зато определяется их новый путь — из Черного моря к устью Куры, куда они могли попасть, пройдя по сухо-

путью через Северный Кавказ. Прежний путь через хазарские владения, где руссы потерпели тяжкое поражение тридцать с лишним лет назад, был для них заказан.

Выполняя свой союзный долг, пробивая пути на Восток, руссы теперь шли через северо-кавказские земли дружественных Византии алан. А это означает, что место византийско-русско-хазарского союза заступает новый антиарабский и антихазарский военный союз Византии, Руси и алан. Естественно, что проход по территории, контролируемой аланами, мог быть совершен только с их ведома, что предусматривает направление к аланам русского посольства или использование для этой цели византийских дипломатических каналов. Через своих послов или греческих эмиссаров, но руссы дали знать аланам о времени и месте своего прохода и наверняка просили проводников, помощи либо в транспортировке судов, либо в предоставлении им ладей уже на Каспии.

Вот к таким далеко идущим политическим и дипломатическим выводам может привести скромное упоминание персидского автора о пути следования русского войска.

Но и пребывание руссов в Бердаа выглядит также во многом иным по сравнению с прежними восточными походами Руси. Все говорит за то, что руссы хотели надолго закрепиться в этом районе. И само их пребывание там в течение шести месяцев, и желание установить мирные отношения с жителями подтверждают стремление сохранить за собой богатейший торговый центр Закавказья, откуда открывались пути в восточные страны и откуда можно было угрожать арабским противникам Византии. Уж не византийская ли дипломатическая интрига подсказала руссам такой исход дела, не она ли повела их новым путем, по землям алан к берегам Каспия?

Важно и другое. В это время Бердаа принадлежал владыке местного народа дейлемитов Марзубану — союзнику Византии. И понятно, что, появившись в Бердаа, руссы поначалу установили мирные отношения с местными жителями, и лишь когда дейлемиты поднялись против пришельцев, руссы начали военные действия.

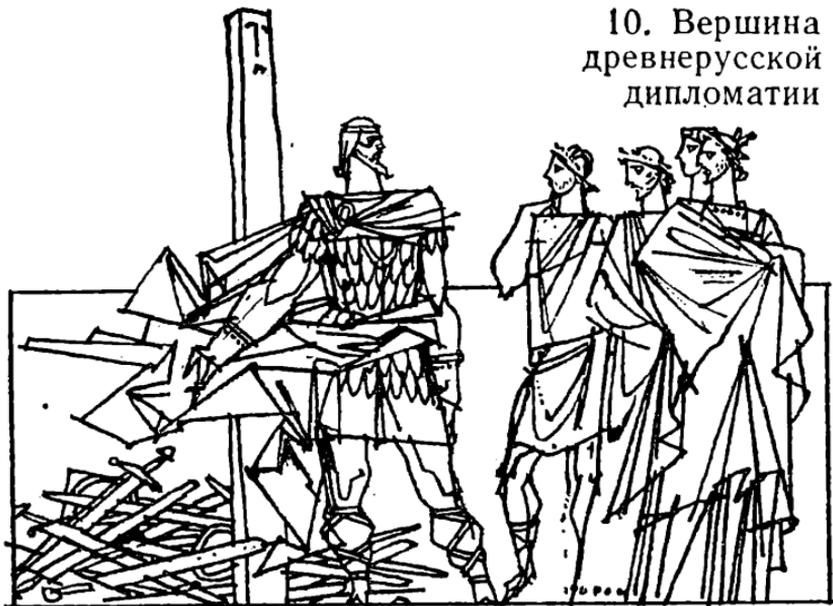
Значит, поднимаясь вверх по Куре, руссы уже располагали данными о том, что Марзубан их друг, а не враг. Откуда могли прийти к ним в Киев, на другой край света, эти сведения — через греков? через своих лазутчиков? — сказать трудно, но факт остается фактом: руссы хотели утвердиться в дружественных землях и, возможно, поэтому не вошли в Бердаа, а обосновались в его окрестностях.

По-настоящему тяжелые бои они вели с мусульманскими войсками вассалов халифата.

И опять вспомним про Хазарию: стараясь обосноваться в районе Кавказа, руссы тем самым решали двойную задачу — помогали Византии в борьбе с арабами и ослабляли южные границы Хазарского каганата, брали Хазарию в клещи, ставили под свой контроль старинные торговые пути на Восток, что в течение долгих лет было привилегией каганата.

А в это время на Руси происходили трагические события. Восставшие древляне убили князя Игоря и перебили его дружину. Началась новая война Киева с восставшей древлянской землей. В этих условиях восточная политика Руси временно свертывается. Хазария получает передышку. А Византия внимательно следит за исходом внутрирусских дел.

10. Вершина древнерусской дипломатии

лег умер в 912 году, и в этом же году, как явствует из летописи, был утвержден договор Руси с греками.

Он так и значится в летописи под 912 годом, хотя в самом тексте договора помечена иная дата — сентябрь 911 года.

Еще в сентябре послы знакомились с Константинополем, и греки,водя их по своим храмам и поражая религиозными святынями и церковным богатством, склоняли к христианству. Кончался период навигации, и надо было возвращаться на родину.

В октябре месяце послы должны были бы уже добраться до Киева. Когда они побывали у Олега, когда

киевский князь утвердил договор и тот вступил в силу, точно сказать невозможно. Но осеннее время было для этого периодом неудобным. Осенью князь собирал полудье, объезжая свои многочисленные владения, и не исключено, что Олег встретился с послами тогда, когда миновала эта пора.

Вместе со смертью Олега стихла на время военная страда. Русь, уставшая от многочисленных войн его времени, отдыхала, хотя отдых этот был, конечно, относительным. Правда, не было уже громких походов на Константинополь, не было упорных сражений с хазарами за объединение русских земель, тяжелых, изнурительных походов на Восток. Остатки русского войска вернулись из Закавказья тогда, когда Олег был уже мертв, а на киевском престоле сидел князь Игорь. Но полного покоя не было. Восстали древляне, и Игорь пошел на их подавление. Пройдет три десятка лет, и появление в тех же краях обернется для него гибелью. Именно от рук вновь восставших древлян он погибнет в 945 году.

Неотомщенными оставались Хазария и ее союзники, погубившие русское войско на возвратном пути с Востока, но рассчитаться с обидчиками, заклятыми врагами у Руси сил не было.

А тут подступила к Киеву новая опасность: из причерноморских степей вышли печенеги, давно уже переместившиеся с Востока в эти края, и теперь новая кочевая гроза нависла над русскими землями.

Последними здесь прошли гунны, потом венгры, но они заделали восточно-славянские земли лишь частично, и со времени скифского нашествия славяне не знали долгого противоборства со степью.

Войны на этот раз не случилось: Игорь заключил с печенегами в 915 году мир. Кажется, на Руси снова наступил покой. Во всяком случае, летопись хранит полное молчание по поводу каких-либо военных действий Руси с соседями до 920 года, под которым коротко сообщает,

что Игорь воевал с печенегами. И вновь наступает на страницах летописи тишина.

И все-таки думается, что не все было так спокойно. Действительно, в это время не было громких походов и битв, не заключалось поражающих воображение договоров, но шла напряженная военная, политическая, дипломатическая жизнь, главными действующими лицами в которой по-прежнему оставались Византия, Русь, Хазария, северо-кавказские народы, Венгрия, Болгария.

Об этом напряжении мы можем судить по отдельным упоминаниям русских, византийских и восточных источников, по позднейшим статьям русско-византийского договора 944 года, по другим, порой незаметным, приметам.

И это напряжение, неизвестное летописи, вдруг разрешилось на ее страницах громким известием о начале в 941 году нового грандиозного похода Руси на Византию, когда Игорь повел на Константинополь 10 тысяч судов; конница шла берегом.

К этому времени напряжение, особенно в отношениях между Русью и империей, достигло предела. Но истоки его восходят к тем далеким 20-м годам, когда летопись безмятежно молчала об этом.

В 927 году умер знаменитый болгарский воитель, ненавистник Византии царь Симеон. Болгария была истощена длительными войнами с империей, которые вела с небольшими перерывами с конца IX века. И новое болгарское правительство царя Петра, сына Симеона, заключило с империей мир при условии выплаты греками, как и прежде, ежегодной денежной дани. На этот раз выплата была облечена в форму обеспечения содержания византийской принцессы, внучки Романа I Лакапина, ставшей женой болгарского царя Петра. Провизантийски настроенная болгарская знать все выше поднимала голову и вскоре стала откровенно доминировать в болгарском правительстве. Соратники Симеона,

друзья Руси, вынуждены были отойти в тень. Болгария, еще недавно стиснутая властной рукой Симеона, шла к расколу. Начавшаяся феодальная раздробленность страны вела ее к распаду на самостоятельно управляющиеся феодальные территории. И уже к середине 30-х годов Русь на своих юго-западных границах имела вместо прежнего друга и союзника — противника, который, сдавая Византийской империи одну позицию за другой, становясь в фарватер ее политики, в то же время с подозрением и ненавистью следил за продвижением русских владений к Дунаю. Одновременно укрепляются связи Болгарии и Хазарского каганата, направленные против Руси.

Одновременно усиливаются противоречия между иудаистской Хазарией и Византией, где Роман I начал широкое преследование иудеев.

Все определеннее проглядывает стремление Руси, несмотря на появление в причерноморских степях печенегов, активное сопротивление Хазарии, неустанные интриги Византии, закрепиться на своих исторических рубежах — в Северном Причерноморье, откуда в течение столетий волны кочевников — киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов — сбивали славянские поселения, отбрасывая их на север.

Теперь медленно, но верно Русь продвигалась на юг, юго-запад и юго-восток.

Византия со страхом наблюдала, как русские форпосты вплотную подходили к ее колониям в Крыму и Северном Причерноморье. Об этом страхе со всей очевидностью говорят все те же статьи «О Корсунской стране», которые мы уже упоминали выше. Они несут следы отчаянной борьбы греков и Руси за районы, которые империя долгие годы считала своими сферами влияния.

Согласно одной из статей договора 944 года, Русь обязалась «не имать волости» «на той части», не чинить

жителям Херсонеса препятствий в ловле рыбы в устье Днепра, не зимовать в днепровском устье, на Белобережье и по наступлению осени возвращаться «въ дома своя в Русь». А это значит, что Русь стремилась подчинить себе весь днепровский путь — важную торговую и военную артерию, поставить свои поселения в устье Днепра и поблизости, удалить отсюда херсонесских «рыбных ловцов» — по-видимому, сторожевые отряды Херсонеса, и прочно закрепиться в этом районе Северного Причерноморья.

В другой статье, посвященной этой же теме, русский князь обязывался не пропускать черных болгар воевать в данном районе, так как они «пакостять стране его», т. е. русским поселениям в здешних местах.

И еще любопытные сообщения доносит до нас византийский историк X века Лев Дьякон Калойский в своей «Истории». На этот раз они касаются уже восточного направления русского движения в Причерноморье. Он вспоминает про походы Игоря против Византии и пишет, что после своего поражения от греков тот «едва только успел с десятью ладьями убежать в Боспор Киммерийский». Известно, что под этим названием греки имели в виду Керченский пролив. И неважно здесь, куда действительно бежал Игорь после поражения. Важно другое: византийский автор этого же века воспринимал Керченский пролив как русское владение. И еще раз он эту мысль повторил, рассказывая о событиях начала 70-х годов X века, когда Византия готовилась к войне со Святославом, закрепившемся на Дунае, и византийский император Иоанн Цимисхий был озабочен тем, чтобы укрепить свой флот в западной части Черного моря, блокировать руссов и лишить их возможности уйти «в свое отечество к Киммерийскому Боспору». И в этом случае районы Северного Причерноморья и Приазовье, примыкающие к Керченскому проливу, понимаются автором как принадлежащие Руси.

Заметим, что впоследствии именно здесь было образовано русское Тмутараканское княжество, в дальнейшем потерянное Русью под натиском кочевников — печенегов и половцев. Отсюда угрожал своим врагам богатырь князь Мстислав Владимирович, поставивший на колени и своего брата Ярослава Мудрого, который уступил ему половину Киевского государства, отсюда совершал свои дерзкие вылазки Олег Святославич (Гориславич), вечный соперник Владимира Мономаха. И именно в те «спокойные» 20—30-е годы X века, оставленные летописью практически пустыми, происходило закрепление Руси к западу и востоку от Крыма. Византийские владения брались в клещи, Хазария облегалась с севера и запада. Сколькими стычками, а может быть, и битвами с хазарами, с греческими легионами в Крыму, в причерноморских степях, на берегах днепровского лимана оказались заполнены эти «спокойные» годы, сколькими бурными переговорами, взаимными требованиями, неудовлетворенными обидами...

И в пору нарастания противоречий между Русью и империей, углубления распри в Крыму и Северном Причерноморье друзья Руси венгры нанесли несколько ударов по владениям Византии. Поход 934 года был отмечен и в русской летописи. Нестор записал: «Первое приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; Романъ сотвори миръ со угры». Запись лаконична и не раскрывает серьезной опасности, вновь нависшей над Константинополем. И византийским дипломатам — протовестиарию Феофану и его подручным — потребовалось немало усилий, чтобы замирить венгров. Об этом сообщил византийский хронист Георгий Амартол, текст хроники которого был хорошо известен нашему древнему летописцу.

В 50—60-е годы X века арабский автор Ибн-Хаукаль писал, что руссы «уже издавна нападают на те части Рума (Византии), что граничат с ними, и налагают на

них дань». «Русским морем» стали называть арабские авторы в то время Черное море, а знаменитый историк и географ ал-Масуди писал, что руссы живут на одном из его берегов и что, кроме них, по нему никто не плавает.

Казалось, будет окончательно прорвана вековая блокада Руси на Востоке, созданная Хазарией, получит Русь и свободный доступ водным путем в западные страны. Но пока еще несокрушимо стоял Хазарский каганат, грозно отвечала империя на ущемление своих вековых интересов в Крыму и Северном Причерноморье, на попытки Руси выйти на тогдашние мировые торговые просторы.

Наконец, в середине 30-х годов Византия прекратила действие договора 907 года, который просуществовал ровно 30 лет. Еще в 934—935 годах руссы ходили в походы в составе императорских армий, а в 941 году их собственная рать двинулась на Византию.

В промежутке между 935 и 941 годами мы и должны искать прекращение действия русско-византийского договора «о мире и любви», разрыв отношений между союзниками и друзьями.

Видимым свидетельством этого разрыва стало прекращение империей уплаты дани Руси. Вспомним, что именно этот пункт был центральным в русско-византийском соглашении 907 года.

В условиях острейших противоречий с Русью империя перестала платить свой ежегодный денежный выход, а это для Руси означало войну.

Конечно, у нас нет прямого свидетельства об этом решении империи, но след его весьма различим. Когда стороны приступили впоследствии к переговорам на Дунае, то вопрос о возобновлении Византией уплаты дани Руси немедленно возник одним из первых. Более того, именно с него начали греки, просившие Игоря остановить войско, направлявшееся против Византии, свои

предложения о мире: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани».

И другие летописные своды, восходящие к древнейшей летописной традиции, также выделяют этот пункт в переговорах Руси и империи. В Новгородской первой летописи говорится о согласии греков платить дань, «юже дають и доселе княземъ рускимъ». В «Летописце Переяславля-Суздальского» также отмечается, что Игорь шел «отмъстити грекомъ» и что «они же яшася по дань и смиришася...»

Судя по тому, что в договоре 944 года исчезла такая важная льгота для русских купцов, как беспошлинная торговля в Византии, можно предположить, что одной из причин войны могло стать и стеснение русской торговли в Константинополе в ответ на русское давление в Северном Причерноморье.

Прекращение уплаты дани стало поводом к новой русско-византийской войне. Конфликт, который разрастался медленно, но неотвратимо, наконец вылился в открытое военное противоборство, которое должно было решить и судьбу греческих колоний в Крыму, и судьбы русских факторий и военных аванпостов в устье Днепра, и дальнейшие взаимоотношения между странами, и судьбы русской торговли на византийских рынках.

Под 941 годом «Повесть временных лет» сообщает: «Иде Игорь на Греки».

Киевский князь вел с собой огромное войско. Если с Олегом под Константинополь пришло две тысячи судов, то на этот раз их количество, согласно летописным данным, достигло десяти тысяч. Как и прежде, русская рать двигалась не только морем, но и сушей — «...придоша и приплуша». В составе русского войска, по сообщениям византийского хрониста Георгия Амартола, шли и варяжские суда.

Русское войско миновало Константинополь и от Босфора двинулось на восток, по южному побережью Чер-

ного моря. Херсонесский стратиг¹ успел сообщить в Константинополь о начавшемся походе. Второй сигнал подали болгары. Так что в византийской столице уже ждали нападения. И все-таки, как и в предыдущих нашествиях, руссы и в этом случае проявили большую осведомленность во внутренних делах империи и выбрали удачный момент для похода.

Шел июнь 941 года. Греческий флот в это время ушел из столицы для охраны от арабов Эгейского архипелага, обострились отношения с венграми, и давние союзники Руси готовились к нападению на византийские владения, а может быть, даже и осуществили отдельные рейды. Правящая верхушка империи раздиралась внутренними противоречиями, назревала дворцовая смута.

Лучшие полководцы империи со своими армиями находились в походах. Доместик² Памфир с 40-тысячным войском был на Востоке, патрикий Варда Фока — в Македонии, и стратиг Феодор — во Фракии. Возможно, эти две последние армии были направлены на запад в преддверии венгерского нападения.

Летопись сообщает, что руссы учинили разгром пригородов Константинополя, затем двинулись на восток по побережью Малой Азии, повоевали «Вифиньские страны», дошли до восточной византийской фемы Пафлагонии, куда навевывались их предки — герои Амастриды — еще сто с лишним лет тому назад. По пути было захвачено много городов, монастырей, церквей, взято в плен изрядное количество греков.

Но Византия уже мобилизовала все силы. С востока подошла армия Памфира, из Македонии и Фракии прибыли другие войска. Три лучших полководца империи объединили свои силы для борьбы с руссами.

¹ Правитель фемы (единица административного деления), командующий войском.

² Звание военачальника.

Там же, на побережье Малой Азии, по данным летописи, произошли ожесточенные сражения на суше и на море.

Греческие войска сумели окружить руссов и, несмотря на яростное сопротивление, одолели их. «Русь же,— говорится в летописи,— взратишася къ дъружине своей къ вечеру, на ночь влезоша в лодыи и отбегоша». Начался второй, ночной этап сражения. Подошедший флот под командованием Феофана атаковал русские суда, применив «греческий огонь» — сосуды с горящей нефтью. Это «страшно чюдо» поразило русских воинов. Пламя металось по воде, в непроглядной темени горели русские ладьи. Спасаясь от беды, руссы бросались в воду и пытались «убрести». Разгром был полный. «Прочи възвратишася въ свояси». На этом, по сведениям «Повести временных лет», и закончился поход.

Однако русский автор изложил версию войны неточно. Это выявляется при знакомстве с византийскими источниками, которые рассказывают о тех же событиях, но в несколько иной последовательности. В частности, византийский хронист Георгий Амартол, а также кременский епископ Лиутпранд, посетивший Константинополь в 949 году, вскоре после происшедших событий, отметили в своих сочинениях, что морское сражение и сухопутная битва произошли не одновременно, а были разделены между собой интервалом в несколько месяцев.

Георгий Амартол, сочинения которого, как уже говорилось, великолепно знали русские летописцы, сообщил, что русский флот был атакован сразу же, как только руссы вошли в Босфор. Греки собрали оставшиеся суда, практически заново сформировали флот (об этом также говорит Лиутпранд), вооружили их новой военной техникой — «греческим огнем» — и близ Константинополя, у местечка Иерон, дали бой руссам. Морская битва, которую с таким драматизмом и литературным мастер-

ством описал русский летописец и которую он отнес к событиям, происходившим на побережье Малой Азии — в Пафлагонии, произошла в действительности здесь, у Иерона. Флот Игоря потерпел поражение в первом же бою; после чего оставшиеся русские корабли отошли в сторону Малой Азии. Лишь в сентябре греческим полководцам удалось окружить руссов и нанести им поражение на суше, за которым последовало второе сражение на море, когда русский флот пытался уйти от преследовавших их греков.

Получается, что все дело решилось не в одном сражении, как об этом повествует русская летопись, а в серии сражений, что бои проходили с июня по сентябрь, и только осенью грекам наконец удалось вытеснить русскую рать из византийских владений. Где же истина? И кто прав, русский автор или византийский хронист?

Думается, что Георгий Амартол был ближе к истине, тем более что и кремонский епископ также сообщал, что грекам пришлось спешно создавать новый флот из старых судов для прикрытия Константинополя, а не своих малоазиатских владений: ведь когда русская флотилия появилась у входа в Босфор, ее уже ждали греки, предупрежденные о нашествии херсонесцами и болгарами.

Надо, видимо, иметь в виду и другое: начиная со второй половины IX века объектом русских нападений стал исключительно Константинополь. Здесь, под его стенами, решалась судьба войны, и сколько бы нападений ни предпринимали руссы на византийские владения империи, не победы их в Крыму или в Северном Причерноморье определяли общий успех, а события на Босфоре.

Поэтому вполне правдоподобно выглядит версия византийского хрониста о первой битве руссов с греками на подступах к Константинополю — у Иерона. Русская рать должна была войти в Босфор и попытаться, как некогда, при Олеге, и еще ранее — в 860 году, атаковать

Константинополь, а греки, наученные горьким опытом двух предшествующих русских нашествий, должны были воспрепятствовать им появиться «в Суду», т. е. в бухте Золотой Рог. Здесь их флот и был сожжен «греческим огнем», а русская сухопутная рать и часть флота не решились напасть на город.

Уцелевшее от разгрома русское войско тем не менее не ушло сразу восвояси, а двинулось в обход Константинополя, по старому знакомому маршруту — в Пафлагонию, забирая добычу. И уже на малоазиатском берегу завершился этот многомесячный поход: русская рать была разбита византийскими сухопутными армиями, вызванными с Востока и с Балкан, а подошедший флот завершил дело. К тому же, как говорится еще в одном византийском источнике — «Житии Василия Нового», весьма почитаемого греческого святого, руссы, находясь на обратном пути, заболели «от страшного расслабления желудка» и многие из них поумирали. Сказались жара тех мест, непривычность новой пищи, воды, видимо и вызвавшие желудочные заболевания. Добравшиеся на родину поведали своим сородичам о тяжких испытаниях, выпавших на их долю.

Но ведь русский летописец прекрасно знал и «Житие Василия Нового», и тем более хронику Георгия Амартола, которую он цитирует многократно в «Повести временных лет». Почему же он скрыл факт поражения у Иерона и даже не отразил в своем повествовании длительность похода и упорство воюющих сторон? Этим вопросом занимались советские ученые Н. Я. Половой и Я. Н. Щапов. Они внимательно изучили данные источников и пришли к близким выводам о том, что после первой битвы у Иерона русская рать раскололась. С частью своих воинов, вероятно, не рассчитывая уже на штурм Константинополя, Игорь вернулся на родину, а остальное войско двинулось вдоль малоазиатского побережья,

Однако такой исход событий никак не укладывался в «победоносную» версию действий киевских князей, которую те настойчиво создавали среди народа, и в летопись вошла официальная оценка событий, в которой бегство Игоря, уход его от основной части войска были тщательно скрыты как от современников, так и от потомков. Мы думаем, что Нестору в начале XII века и не пришлось фальсифицировать события: он воспринял их так, как они дошли до него из предыдущих летописных сводов и отдельных записанных сказаний. И все-таки поразмыслить над ними более объективно у нашего знаменитого автора возможность была, тем более что русская версия расходилась со сведениями, занесенными в хронику Георгия Амартола.

Но как бы там ни было, в летопись попала неверная история войны, а вместе с ней были искажены ее масштабы, длительность, упорство.

Византия для отражения русского нашествия напрягла все силы, мобилизовала объединенные действия флота и сухопутных войск, свернула фронт на Востоке, вызвала армии с Балканского полуострова. Упорная борьба, продолжавшаяся четыре месяца, практически все лето и начало 941 года, завершилась победой греков.

Но война на этом не закончилась. Под 944 годом летопись сообщила о подготовке Игорем нового похода на Византию. Киевский князь «совокупивъ вои многи», привлек в свое войско полян, новгородских словен, кривичей, тиверцев. С ним вновь шел варяжский отряд, берегом двигалась нанятая печенежская конница. Войско шло на Константинополь вновь «въ лодьях и на конихъ».

Незадолго перед этим, в 943 году, венгры совершили рейд по византийской территории и подошли к Константинополю. Лишь с большим трудом грекам удалось вновь замирить их. Переговоры вел многоопытный дипломат и военачальник Феофан.

И вновь, как и в 941 году, херсонесцы, мимо факторий и аванпостов которых двигались руссы, и болгары, по территории которых должно было пройти союзное конное и пешее войско, подали весть в Константинополь. Из Херсонеса пришло сообщение: «Се идут Русь бещисла корабль, покрыли суть море корабли». Болгары информировали: «Идут Русь и наяли (наняли) суть к себе печенеги».

Теперь в ходе развивающейся войны четко определились силы сторон. Византия опиралась на союз с дружественной Болгарией. А Русь выступила против нее, имея в виду благожелательный нейтралитет Хазарского каганата, военную поддержку Венгрии; в военную коалицию, созданную Игорем, входили варяги и дружественные печенеги.

А за этим соотношением сил мы угадываем напряженную дипломатическую деятельность. Это значит, что русские послы побывали в печенежских степях и заручились поддержкой кочевников. Посланцы Игоря дошли и до Прибалтики, до варягов, и согласно давнему договору просили их направить своих воинов в Киев.

Можно не сомневаться в том, что русские дипломаты побывали и в Паннонии у венгерских вождей, ведущих напряженную борьбу с Византией. Таким образом, Русь в этой войне оказалась в центре политической борьбы огромного региона. В события были вовлечены многие страны и народы. Масштабы внешнеполитических усилий Киева теперь вышли далеко за прежние рамки. Все это явилось верным отражением развития Древнерусского государства, ростом его экономической и политической мощи, усилением его централизаторских тенденций, укреплением военного могущества, возвышением политического престижа.

Об Игоре наша летопись распространяется не слишком-то много. Известно лишь, что подавил он восстание древлян, заключал договоры с печенегами, воевал с Ви-

зантией и заключил с ней договор 944 года, а потом сгиб в древлянских лесах во время сбора дани. Незаметным стал период его правления и в исторических трудах, и в наших учебниках. Нам как-то с детства запомнилась неудачная судьба этого князя — его поражение от «греческого огня» и мученическая смерть от древлян, разорвавших его двумя выпрямляющимися берегами.

И все-таки при внимательном взгляде даже данных летописи было бы достаточно, чтобы по достоинству оценить крупные политические достижения Киевского государства той поры, не говоря уже о привлечении сведений византийских и восточных авторов.

Закрепление на востоке и западе Северного Причерноморья, утверждение своих владений в районе Керченского пролива, попытка овладеть устьем Днепра, проведение длительного летнего похода на Балканы и в Малую Азию в 941 году, создание мощной антивизантийской коалиции в 944 году, координация своих усилий с венграми, посылка войска в Закавказье в 945 году, заключение нового масштабного русско-византийского договора с греками — все это верные признаки деятельности крупной политической фигуры своего времени.

Князь Игорь, долгое время бывший при Олеге на вторых ролях, не торопил события. В 882 году он сидел еще на руках у Олега. В 912 году, когда умер его опекун, ему было уже за тридцать. В 941 году, когда разразилась русско-византийская война, это был уже умудренный военным и политическим опытом князь, которому было за шестьдесят. И за его долгую политическую жизнь ему многое удалось. Не торопясь, методично он сумел добиться тех впечатляющих успехов, которые приводили в ярость греков, вводили в трепет хазар, вызывали уважение венгров и печенегов. Но наиболее крупным достижением Руси при Игоре был, конечно, за-

ключенный им с империей русско-византийский договор 944 года.

...Летом 944 года, как обычно во время таких походов, русское войско появилось на Дунае. И сюда, не дожидаясь нового прихода руссов к берегам Босфора, прибыло византийское посольство императора Романа I Лакапина.

В составе посольства были представлены крупные византийские сановники — «лучие бояре», как говорит летопись. Мы можем предположить, что переговоры с руссами было поручено возглавлять протовестиарию Феофану, который в те годы блистал на дипломатическом и военном поприще Византии. Он провел удачные переговоры с венграми в 30-е годы и в 943 году, предотвратив их нападение на Константинополь и разрушив тем самым опасность создания русско-венгерской военной коалиции. Он же принимал участие в борьбе с русским войском в 941 году, возглавив греческий флот, и не исключено, что именно Феофану Роман I мог поручить тяжелую посольскую миссию на Дунай в стан Игоря.

Одновременно византийские посланцы появились и в стане печенегов, предложив им «паволоки и злато много». Началась борьба за печенегов. Русскому золоту, уплаченному за наем печенежской конницы, греки противопоставили свое золото, свои обещания. Так на Дунае завязалась дипломатическая борьба.

Но сразу же надо оговориться: пытаясь отколоть печенегов от Игоря, греки решали не главную свою задачу, а второстепенную, а основной их целью являлось заключение перемирия с самим киевским князем и подготовка к выработке нового долговременного русско-византийского соглашения. И в этом случае позиция печенегов лишь могла бы содействовать решению главной задачи.

С первых же шагов своего появления в русском стане греки предложили мир и материальную основу, этот мир обеспечивающую,— возобновление выплаты ежегодной денежной дани Руси: «Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к той дани».

Как случилось, что после победоносной для греков военной кампании 941 года, после того, как уничтоженные «греческим огнем», окруженные и разгромленные греческими армиями в Пафлагонии, разбитые во второй морской битве и страдающие от болезни русские воины спаслись в свое отечество, принеся весть о тяжком поражении, греки так быстро, так безоговорочно пошли на мир, уступили в главном вопросе — уплате дани?

Конечно, важную роль в этом сыграла новая нарастающая военная опасность. Обычный прагматизм греков подсказывал им подобное решение: зачем рисковать еще раз, зачем подвергать себя испытаниям? Тем более что к Дунаю подошла огромная армия, включающая кроме славяно-русского войска варягов и печенегов. К тому же лишь недавно были замирены венгры, которые при благоприятных для себя обстоятельствах могли снова взяться за оружие. Непокойно было и в самом Константинополе. Оживились противники Романа I. Назревал дворцовый переворот, который, кстати, и произошел год спустя, когда Роман I и его сыновья были свергнуты с престола. И все же основной причиной, которая объясняет нам панические действия греков, явились не все эти, правда, весьма важные обстоятельства, а воспоминания о тяжелых военных месяцах 941 года. Именно тогдашний яростный удар, потрясший империю, заставивший ее напрячь все свои военные силы, и, возможно, неспособность к новому столь длительному и упорному противоборству определили появление их предупредительного посольства на Дунае, активную борьбу за печенегов, стремление во что бы то ни было остановить наступление. И в этом смысле русский поход

941 года не прошел даром; потери и невзгоды не оказались напрасными.

Но и для Руси, для Игоря пришла пора задуматься, что делать дальше — продолжать ли поход, отвергая все предложения греков, или пойти на мировую. Конечно, из памяти руссов не могло изгладиться их недавнее поражение. К тому же было очевидно, что придется идти по враждебной болгарской территории, и как поведет себя провизантийски настроенная правящая верхушка Болгарии, было вовсе неясно. Неясен был и исход новой войны. На Руси прекрасно знали эту способность империи в решающий момент собрать все свои силы и бороться до конца. Приходилось учитывать и колебания печенегов, которые в любой момент могли покинуть русское войско, предпочтя реальное золото греков неясным перспективам будущей добычи, за которую ещё нужно будет класть свои головы.

Игорь по русскому обычаю созвал совещание своей дружины, передал ей предложение византийского императора. Решался вопрос, принять ли предложение греков или продолжать поход. Красочно передает русский летописец эту думу Игоревой дружины: «...что хотимъ боле того: не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вестъ; кто одолеет, мы ли, оне ли? Ли с моремъ кто светенъ (в сговоре)? Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей: обьча смерть всемъ».

Вопрос был решен дружиной философски: зачем биться за золото и паволоки, если их можно получить даром, тем более что никто не скажет, кто одержит верх...

Игорь согласился с мнением дружины и принял предложение императорских послов.

Но оставались еще печенеги, которые стали в те дни объектом борьбы между руссами и греками. Возможно, их колебания во многом определили и компромиссное решение Руси. Игорь не забыл своих союзников, как не

забыл он и своих врагов. Он вступил в новые переговоры с печенегами, и, видимо, результатом этих переговоров явилось решение печенежских вождей нанести удар по дружественной грекам Болгарии, о чем сообщает летописец. Этот факт указывает, что, несмотря на все старания греков, им не удалось в те дни расколоть русско-печенежский союз: русский козырь в дипломатической игре с печенегами оказался более крупным: набег на Болгарию стоил, кажется, большего, чем византийские подарки и посулы.

И все же греки кое-чего добились: с венграми был заключен мир на пять лет, печенеги оказались поколеблены, антивизантийская коалиция так окончательно и не сложилась, а Болгария по-прежнему оставалась союзницей Византии.

Теперь начались переговоры на Дунае. Они продолжались недолго, и смысл их состоял в том, что враждующие стороны договорились по трем важным вопросам. Во-первых, греки сразу же согласились уплачивать ежегодную денежную дань по старине, как это было договорено при Олеге. Основной пункт договора 907 года снова был вызван к жизни. И этим сразу зачеркивались прежние противоречия, разногласия, подозрения; восстанавливались дружественные отношения между странами. Во-вторых, здесь же, на Дунае, Игорь взял с Византии откуп, военную контрибуцию. Летописец сообщил: «...а самъ вземъ у грекъ злато и паволоки и на вся воя, и взъвратися въспять, и приде къ Киеву въ свояси».

Мы видим, как вновь повторились в этих событиях классические для раннего средневековья условия межгосударственных соглашений Византийской империи с соседними «варварами» и восточно-европейских и ближневосточных стран между собой в моменты заключения либо перемирия, предшествующего выработке нового долгосрочного мирного договора, либо самого этого «глубокого» мира.

Находились ученые и в нашей стране, и за рубежом, которые сомневались в истинности сообщений летописи о втором походе Игоря на греков, считали, что оно потребовалось древнему автору, как и в случае с походом 907 года, лишь для того, чтобы оправдать появление на страницах летописи русско-византийского договора 944 года.

Между тем нам стоит лишь сравнить ситуацию, сложившуюся на Дунае, с другими подобными же военными событиями той поры, и станут очевидными надуманность и искусственность таких подозрений. Набег, переговоры, перемирия, военная контрибуция, мир устный, клятвенный, мир развернутый, письменный,— все это было настолько стереотипно, настолько обычно в отношениях между государствами того периода, что приходится удивляться лишь тому, как летописец сумел в нескольких фразах, написанных весьма лаконично, но с большой художественной силой, отразить дипломатический стиль того времени. Кстати, лишь за год до этого императорский посол Феофан вот так же выехал навстречу наступающим венграм, заключил с ними мир — и историкам в голову не пришло объявить эти события, отраженные, как и история второго похода Игоря на греков, в русской летописи, подделкой, компиляцией или чем-то подобным. Но уж так везет русской истории: что ни документ — то подделка, что ни поход — то компиляция, что ни поэма — то поздняя фальсификация. И как это могло случиться в таком множестве, когда Русь, как и другие государства Восточной Европы и Передней Азии, проходила в своем социально-экономическом, государственном, культурном, дипломатическом развитии те же этапы, была тесно связана многообразным опытом со своими соседями и сама щедро делилась им...

И наконец, третьим условием перемирия на Дунае и ухода русского войска на родину явилась договоренность о скором обмене посольствами и выработке нового

взамен давнего и во многом устаревшего «мира и ряда» 911 года, старого Олегова договора.

Но что поразительно! На этот раз Русь настояла — и другое слово здесь трудно подобрать — на появлении в Киеве византийских послов. Закончилась полоса дискриминации северных «варваров», которые, несмотря на свои громкие победы, послушно брели в Константинополь на переговоры и здесь под неусыпными взорами византийских канцеляристов формулировали свои договорные требования, клали на бумагу свои речи, старательно переводили с греческого малоизвестные им дипломатические стереотипы, а потом зачарованно смотрели на великолепие константинопольских храмов и дворцов.

Теперь византийские послы должны были явиться для первых переговоров в Киев, и трудно переоценить всю важность, всю престижность достигнутой договоренности. О ней мы узнаем из летописной записи: «Пришла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ¹ слы (послов) к Игореви построити мира первого».

Так что на Дунае было горячо в те летние дни 944 года.

По существу, здесь разматывался клубок всей восточно-европейской политики тех дней, в которую были вовлечены Русь, Византия, Болгария, Венгрия, печенеги и, возможно, Хазария. Здесь же шли переговоры, вырабатывались новые дипломатические стереотипы, закладывался фундамент нового долгосрочного соглашения с империей, которое должно было урегулировать отношения между странами, примирить или, по крайней мере, сгладить противоречия между ними.

Итак, в Киеве появились послы императора Романа I, и цель этого посольства заключалась в том, чтобы

¹ Имеются в виду император Роман I Лакапин и его сопративители — сыновья Константин и Стефан.

«построити мира первого». Далее летопись сообщает, что Игорь принял византийское посольство и «глагола с ними о мире». А это значит, что в Киеве состоялся первый тур межгосударственных русско-византийских переговоров, что в нем участвовали императорские послы и русские вельможи, возможно из тех, кто вел и переговоры на Дунае. К этому времени Карл и его товарищи, соратники Олега, уже сошли с политической арены, но русская дипломатическая традиция не заглохла, и новое поколение русских дипломатов включилось в отстаивание государственных интересов Руси.

Судя по началу нового договора: «Равно другаго свещанья, бывшаго при цари Романе и Костянтине и Стефане¹, христолюбивых владыкъ...», его выработке предшествовала, как и прежде, посольская конференция, где обговаривались принципиальные позиции будущего соглашения. Эти позиции затем доводились соответственно до византийского и русского правительств, а потом уже происходила новая посольская встреча, где вырабатывался либо уточнялся текст документа и происходило его принятие.

Где была эта предварительная конференция? На сей раз, видимо, в Киеве. Именно здесь, можно думать, тот же Феофан и другие послы согласовали с руссами основной текст русско-византийского договора, и, когда летопись сообщает, что Игорь «глагола с ними о мире», это может означать либо его личное участие в переговорах, либо официальный прощальный прием послов перед их отъездом на родину. Как бы там ни было, но в истории русской дипломатии запечатлен еще один многозначительный факт: византийское посольство впервые

¹ Заметим, что летописец в своем собственном тексте назвал одного из сыновей Романа I Степаном, по-русски. В договоре же он назван точно — Стефаном. А это указывает, что перед Нестором лежал тот самый русский текст договора, который он и занес в летопись.

было принято великим киевским князем, и в этом смысле Русь встала вровень по процедуре проведения дипломатических переговоров и оформления дипломатических документов с другими крупными мировыми державами.

А уж потом русские послы двинулись в Константинополь.

Это было большое посольство. Остались позади времена, когда пятерка русских послов противостояла всей византийской дипломатической рутине. Теперь в Константинополь направлялось престижное представительство мощного государства, состоявшее из 51 человека — 25 послов и 26 купцов. С ними шла вооруженная охрана, корабельщики.

Количественный состав посольства, конечно, подчеркивал его представительность, а включение в состав купцов указывало на их заинтересованность в исходе дела, на видную роль русского купечества в осуществлении внешней политики Древнерусского государства.

Однако не только этим была подчеркнута значительность посольства, но и его совершенно особым титульным представительством. Действительно, каждый посол имел свой титул. Возглавлял миссию Ивор, который идет в списке послов, представленных в начале русско-византийского договора, первым; и назван он «соль (посол) Игоревъ, великого князя рускаго». А далее идет список в 24 собственно посла, которые названы «объчии сли», т. е. обычные послы, рядовые члены посольства, но и среди них существует своя иерархия второго, третьего и последующих послов, и удостоверяется эта иерархия весьма своеобразно — через соответствующие посольские титулы. Кстати, и первый посол идет не просто первым по списку, а назван представителем самого великого князя, что не только возвышает его фигуру среди всего посольства, но и придает особое значение его персоне в отношениях с греками. Но и другие члены посольства хоть и названы обычными послами, но каж-

дый из них имеет свое представительство, так сказать, свою визитную карточку. Вторым в списке идет Вуефаст, и назван он послом от Святослава, сына Игоря. Вряд ли Вуефаст представлял в Византии какие-то личные интересы малолетнего наследника престола, зато его титул подчеркивал значимость пребывания этого посла в составе миссии, возвышал и все посольство в целом представительством от второго лица в Русском государстве. Третьим идет Искусеви, посол от княгини Ольги, которая в русской правящей иерархии занимала третье место после великого князя и наследника киевского стола. А потом идут послы от Игоревых племянников, других лиц великокняжеского дома, видных русских бояр. Все это — киевская правящая верхушка.

Здесь не представлены другие княжества, не упомянуты ни Новгород, ни Полоцк, ни Чернигов, ни Переяславль, ни другие русские города. Не земли, а власть представляло это посольство, не разрозненное лоскутное государство, где каждый включал в состав посольства кого хотел для отстаивания своих личных интересов, а единую Русь во главе с правящей династией. И греки должны были ощутить это единство и эту пышность, титулованность русской миссии.

Иначе, чем в 911 году, и рекомендовались послы в русско-византийском договоре 944 года. Кажется, все то же. Так же в начале договора идет уже знакомая нам фраза: «Мы от рода рускаго...» Но теперь в Киеве уже по-новому понимают этот «русский род». Послы, оказывается, направлены в Константинополь «от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякаго княжья и от всехъ людей Руския земли». Как и прежде, в Ингельгейме и в Византии в 838—839 годах, в Константинополе в 907 и 911 годах, послы выступают от имени государства Руси. Только теперь это понятие еще более конкретизируется, вводится термин «Русская земля». От всей Русской земли отныне ведут посольские дела ее представители.

А уж эта земля теперь понимается не так наивно, как в 911 году, когда это понятие исчерпывалось именем Олега и упоминанием его «светлых князей». Нет. Ныне прозорливые русские владыки уже отождествляют с «Русской землей» не только свои собственные персоны, но и всех людей Русской земли. Чем более определенно развивается государство на Руси, тем более глубоко входят в его плоть и кровь феодальные отношения, народ все дальше и дальше отодвигается от управления делами этой земли, все более настойчиво просматривается стремление правящих кругов Руси отождествить свою политическую деятельность с интересами всего народа.

Этот политический камуфляж всегда сопровождал действительное отчуждение народа от власти. Но как-то так случалось, что ни одно эксплуататорское государство мира, боясь и ненавидя свой народ, лишенный политических прав, не могло обойтись без этого, в общем-то, эфемерного прикрытия. И само оно уже говорит о зрелости государства, политической искушенности его деятелей.

Во втором письменном русско-византийском договоре эта тенденция нашла свое яркое отражение. Теперь от имени всех греков выступал император Роман I, а от имени «всех людей Руския земли» — Игорь. Русское раннефеодальное государство наконец точно определило свое политическое лицо на международной арене, нашло подобающую внешнеполитическую формулу своего представительства.

По-иному прозвучал в новом договоре и титул русского великого князя Игоря. Затерялся и пропал куда-то эпитет «светлый», которым с таким далеко не наивным расчетом наградили еще Олега византийские канцеляристы. В Киеве, видимо, очень быстро разобрались что к чему и поняли, в какое незавидное положение ставит он киевского князя. Теперь, в договоре 944 года,

этого титула нет. Зато Игорь именуется здесь так, как у себя на родине — «великий князь русский». Правда, порой в статьях, так сказать, в рабочем порядке употребляются и понятия «великий князь» и «князь». И все же совершенно очевидно, что Русь и здесь постаралась добиться перемены и настояла на том титуле, который не ущемлял ее государственного достоинства, хотя, конечно, ему еще было далеко до таких высот, как «царь» и «император».

...И начались прения. К ним русские дипломаты уже привыкли. Они спорили с греками в 907 и 911 годах, встречались с ними в Киеве весной этого же года, и вот теперь началась новая посольская конференция. Следы ее мы хорошо различаем в самом договоре. Там говорится, что речи послов писцы записывали на «харатье», т. е. клали их на бумагу, что русские и греки «свещяхомъ», т. е. совещались, договаривались. Какое время заняли эти совещания, мы не знаем, но важно одно: дела стали оборачиваться довольно быстро: в течение одного года, вернее одного периода навигации, византийские послы побывали в Киеве, руссы приехали в Константинополь, а ведь потом было еще утверждение договора Игорем в Киеве в присутствии представителей византийского императора.

Но вот посольская конференция закончилась, и на стол к византийскому императору лег проект русско-византийского договора, который тот и утвердил, о чем в договоре сказано совершенно недвусмысленно. Новое русско-византийское соглашение начало свою жизнь. И жизнь эта приняла для Руси сразу более достойный характер.

Мы уже обратили внимание на то, что начало выработки договора было иным; по-иному выглядел и титул русского князя, и представительство русского посольства. Русь шаг за шагом, медленно и упорно завоевывала себе дипломатические позиции. Но особенно ярко это

отразилось в порядке подписания и утверждения договора, о чем говорится в договоре. Текст этот настолько примечателен, что есть искушение процитировать его целиком: «Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего (у византийского императора), на ней же есть крестъ и имена наша (византийских императоров) написана, а на другой послы ваша (Руси) и гостье ваша. А отходяче послом царства нашего (Византии) да допроводять къ великому князю рускому Игореву и къ людемъ его; и ти (те), принимающе харатью (текст договора), на роту идуть (дают клятву) хранить истину, яко мы свещахомъ, напсахомъ на харатью сию, на ней же суть имена наша написана».

Впервые мы видим, что договор подписан византийскими императорами, впервые византийской стороне поручено договором вновь послать своих представителей в Киев для того, чтобы принять клятву на договоре со стороны русского великого князя и его мужей. Впервые Русь и Византия берут на себя равные обязательства по части утверждения договора. Русь тем самым с начала выработки нового дипломатического документа до самого конца этой работы стояла на равных с империей, и само это было уже явлением примечательным в истории Восточной Европы.

Да и сам договор, который с таким тщанием вырабатывали обе стороны, стал событием экстраординарным. Дипломатия того времени не знает документа более масштабного, развернутого, обнимающего и экономические, и политические, и военно-союзные отношения между странами.

Начнем с того, что в этом документе как бы объединены все предшествовавшие русско-византийские договоры. Этот документ стал синтетическим, итоговым, он вобрал в себя все, что оба государства в течение десятилетий выработали с такой пользой для себя.

Это типичный договор «мира и любви». Но то, что раньше являлось сутью клятвенных устных миров, что впервые прозвучало в преамбуле договора 911 года, возвращающего сторонам мир после военного противоборства, теперь развернуто в стройную концепцию политического документа. И Русь, и Византия провозгласили в договоре восстановление прежних мирных отношений между странами и возвратили их к «ветхому миру», под которым можно понимать договор 907 года. Автор «Повести временных лет» полагал, что византийские послы сначала прибыли в Киев «построити мира первого» и Игорь вел с ними переговоры о «мире». В начале договора также говорится о том, что цель его — «обновити ветхий мир», «утвердити любовь» между Византией и Русью, «створити любовь» «на вся лета». В одной из статей о военном союзе между партнерами с гордостью отмечается: «...и оттоле уведять (узнают) ины страны, каку любовь имеют гръци съ русью». «Миром» назван договор неоднократно и в заключении.

Тем самым были повторены, возобновлены нормы общеполитической части клятвенного договора 907 года. Русско-византийские отношения получили новый мирный импульс; теперь «ветхий мир» 907 года отошел в историю. Его заменил новый развернутый мирный договор 944 года.

В состав договора вошли и статьи экономического и политического характера, регулирующие посольские и торговые отношения между странами, которые не обновлялись с 907 года. Теперь они почти без изменения попали в новый письменный договор. Подтвержден был порядок предоставления руссам «слебного» и «месячного», т. е. посольского и купеческого, содержания, предоставления им всяких припасов на обратную дорогу. В отдельных случаях просто было сказано: «яко же уставлено есть преже».

Но появились и новые мотивы. Более пространно были определены обязанности «царева мужа», который должен был вводить в город посольские миссии и купеческие караваны. Если раньше его обязанности по сотрудничеству с руссами звучали в общей форме, то теперь они развернуты; сказано, что он должен переписывать, охранять, разбирать возникшие недоразумения между руссами и греками и если кто «створить криво», то этот чиновник первым должен выяснить суть дела, наказать виновного, «оправить» правого. Ему же вменяется в обязанность контролировать характер и масштабы торговых операций, удостоверивать своей печатью на товарах законность сделок.

Чувствуется, что за истекшие тридцать с лишним лет со времени заключения договора 911 года много «проказ» пришлось испытать в отношениях между собой и грекам, и Руси, и вот теперь фигура «царева мужа» выходит на первый план в качестве регулятора этих отношений.

И еще новшество в этой части договора. Если раньше просто декларировалось, что «месячину» получает только та русь, что приходит с куплей, то теперь вводится строгий порядок выявления — кто, зачем, с какими целями из руссов пожаловал в Константинополь. Появляются своеобразные «удостоверения личности» — грамоты, выданные послам и купцам от имени великого русского князя в адрес византийского императора. В случае, если руссы явятся без таких грамот, то их следовало по новому порядку взять под стражу и сообщить о них в Киев: «Аще ли без грамоты придуть, и преданы будут намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже (до тех пор, пока) възвестимъ князю вашему». Если же руссы при этом начнут сопротивляться, то греки имели право убить их, и русский князь не должен за это взыскивать,

На первый взгляд кажется, что договор просто-напросто ставит русских пришельцев в тяжелые условия: чуть что — и «по этапу» на родину, а будешь сопротивляться, то и жизнь потерять недолго. Но оказывается, что все наоборот. Этот пункт договора — целиком в пользу Древнерусского государства. По существу русское правительство ставит появление своих соплеменников под жесткий контроль великокняжеской власти, и византийцы им в этом лишь помогают. Путешествие руссов в Византию может осуществляться лишь с позволения киевского князя, с предъявления его именной грамоты.

Взятым под стражу руссам, явившимся без княжеских удостоверений, положено выехать на родину, где киевский князь решает, что с ними делать. «...Мы,— говорят греки в договоре,— напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять». Вот как оборачивается на деле это кажущееся стеснение Руси в Византии. Киевский князь берет под строгий контроль вояжи своих подданных в Византийскую империю.

Но это было выгодно и грекам. Тем самым они оберегали себя от появления в Константинополе нежелательных лиц, разного рода авантюристов, беглецов.

В этой части договора по сравнению с соглашением 907 года появились и иные новшества, говорящие об усилении контроля обеих сторон за деятельностью руссов в Византии. Купцов ограничили в масштабах торговых операций: отныне они могли купить шелковых тканей (паволок) лишь на 50 золотников. Можно себе представить, сколько таких тканей вывозили из Византии предприимчивые русские гости прежде.

И купцам и послам отныне запрещалось зимовать на подворье святого Маманта. И это не случайно. На Руси шло упорядочение государственной службы, дипломатия приобретала все более и более четкие очертания определенной системы, и в этих условиях прежние пра-

вило, когда послы оставались в Константинополе и получали посольское содержание, «елико хотяче», явно устарело. В Киеве хотели видеть в скором времени результаты своих посольских миссий, и стремление посольств подольше пробыть в византийской столице на дармовом корме расходилось с желанием киевского правительства.

Тяжким бременем ложилось такое длительное, не ограниченное временем пребывание русских посольств и на византийскую казну, тем более что теперь не два, не пять послов, а десятки людей прибывали в составе русских посольских миссий. Кстати, подобные ограничения были свойственны и посольской практике других стран. В знакомом нам греко-персидском договоре 562 года было записано, что послы «обязаны оставаться недолго в земле, куда приезжают».

Действительным ограничением для Руси, конечно, больно ударившим по русским торговым интересам, явилось устранение в новом договоре права русских купцов на беспошлинную торговлю в Византии.

Сколько международных бурь, сколько коллизий и страстей во все времена вызывала борьба за право беспошлинной торговли в другой стране! Каким сильным притягательным средством, могучим инструментом дипломатической игры становилось оно для партнеров! Этим правом приобретали союзников и замиряли врагов, нейтрализовали колеблющихся и увлекали неподдающихся. А потом под натиском собственного купечества, отчаянно сопротивлявшегося подобным льготам для купцов-конкурентов из других стран, рано или поздно это право отменялось, что вызывало новые коллизии и даже войны.

Так, болгары объявили империи войну в конце IX века, едва греки стеснили болгарскую торговлю и нарушили ее пошлинные льготы. Так, видимо, было и с Русью. Под натиском войска Олега, испытывая угрозу

штурма Константинополя, греки согласились на допущение русской беспошлинной торговли в Византии. Возможно, здесь сыграло свою роль и стремление греков привязать Русь к своей военной антиарабской колеснице. И походы Руси на Восток, кажется, это хорошо подтверждают. Но потом в силу вступил постоянно действующий фактор — интересы византийского купечества, и в условиях обострения отношений Руси и Византии в 30-е годы X века это право было, вероятно, отменено, что могло стать поводом к новой русско-византийской войне.

И вот теперь за столом переговоров, после обмена посольствами, после длительной посольской конференции вопрос был решен: право беспошлинной торговли руссами было безвозвратно утрачено. Не последнюю роль в этом решении сыграло и поражение русского войска в военной кампании 941 года.

А потом пошел «ряд» 944 года — статьи по конкретным экономическим, юридическим, военным вопросам, которые значительно дополняли, видоизменяли, совершенствовали прежний «ряд» 911 года, к этому времени изрядно устаревший.

Следом за статьей, регулирующей посольские и торговые обмены, следуют еще шестнадцать. И первая среди них начинается весьма многозначительно: «Аще ускочит челядинъ от Руси...», что означает: «Если убежит челядин у русских». Два раннефеодальных государства договариваются здесь о выдаче бежавшей из Руси челяди в далекую Византию. Стороны согласились в том, что если такого беглеца обнаружат в месте постоянного обитания руссов — у монастыря святого Маманта, то византийцы должны немедленно выдать его руссам. А следующая статья подтверждает такое же право для греческих феодалов и рабовладельцев: Русь должна была возвращать греческую челядь в Византию по искам греков: «Аще ли кто от людей царства нашего (т. е.

из Византии), ли от города нашего, или от инехъ городъ ускочить челядинъ наш къ вам... да въспятъ ѱ (да вернут его назад)...» При этом должно быть возвращено и то имущество, которое мог унести с собой бежавший челядин.

Классовые интересы обоих государств, их господствующих слоев выступают здесь в неприкрытом виде.

Следом идут две статьи, посвященные наказаниям за преступления против имущества и греков, и Руси. И снова мы видим, как и в 911 году, большую озабоченность господ по поводу своего имущества. Снова договор грозит наказаниями за кражу возмещением украденного в двойном размере. Но в то же время убийство за кражу и тройная плата за украденное, если вор добровольно отдался в руки правосудию, заменяются теперь более умеренным наказанием, причем вводится понятие «закона греческого» и «устава и закона русского». К этому времени право и на Руси, и в Византии получило свое дальнейшее развитие, и договор учитывает в своих статьях этот уровень в обеих странах.

По-иному, чем прежде, выглядят статьи о пленных. Снижается максимальная сумма выкупа пленных греков с 20 до 10 золотников, и устанавливаются другие цены выкупа плененных греков в зависимости от возраста. Но теперь появляется и пункт о выкупе русских пленных по 10 золотников за каждого. Вот они, отзвуки недавнего военного похода и поражения руссов на подступах к Константинополю и на побережье Малой Азии!

Специальная статья посвящена вопросу о наказании греков, совершивших преступление на территории Руси. Она очень своеобразно трактует эти наказания. В основном греки добились для себя права экстерриториальности, т. е. наказания преступника грека по своим византийским законам, но это лишь до того, как будет совершено тяжкое преступление — убийство; здесь пра-

ва греческого суда, греческого закона заканчиваются и вступает в силу «закон русский»: «...держимъ будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьют и (его)». А это наказание убийством за убийство близко по духу к «Русской правде» — древнейшему нашему судбнику.

Эти же русские нормы записаны и в следующей статье, где говорится об имущественной ответственности убийцы в случае, если ему удастся бежать. Если же убийца будет пойман, ему все равно грозит смерть.

Повторены статьи 911 года о наказании за побори.

Другие пункты прежнего договора исчезли безвозвратно, потому что в них отпала необходимость, потому что они отражали уже отжившие, архаические нормы прошлого (вроде статьи о недействительности оправдательной присяги, потери женой убийцы права на свое имущество и некоторых других).

Но, конечно, центральными в договоре 944 года стали статьи о военном союзе и взаимопомощи Византии и Руси против общих врагов.

Если применительно к IX веку мы могли лишь догадываться о подобных соглашениях и проводить некоторые аналогии, если применительно к 911 году дело стало более прозрачным и военно-союзная статья уже проглядывает в этом договоре, то в 944 году развернута подлинная программа военного союза двух государств.

Русь здесь выступает в роли полноправного союзника империи: обе стороны обязуются помогать друг другу против общих врагов и охранять территории, в которых заинтересованы оба государства.

Любопытно, что во всей византийской дипломатии, во всей огромной документации империи не сохранилось (а может быть, и не было вовсе) документа, который оформлял бы на бумаге, на письме, а «не точью просто словесемъ», как говорится в летописи, военный союз Византии с другим государством.

Конечно, таких союзов было много. Византийские дипломаты сновали по всей Восточной и Центральной Европе, в странах Передней Азии, в причерноморских степях, сколачивали военные блоки, искали союзников, расстраивали происки своих врагов, поднимали венгров против болгар, руссов против арабов, хазар и печенегов против Руси и т. д.; по огромным территориям Европы и Азии шли войска, исполняя внешнеполитические замыслы Византийской империи, оплаченные золотом, территориальными уступками, торговыми льготами, династическими браками. И все же документально эти военные союзы отражены не были, что еще раз подтвердил большой знаток византийской дипломатии английский ученый Д. Миллер. Он писал: «Мы не имеем документального подтверждения, которое определенно бы показало, что эти народы берут на себя обязательства по военному вмешательству на стороне империи, к которому призывала их Византия».

Тщательно скрытые от глаз, рождающиеся в тиши частных переговоров, они вдруг обрушивали на врага свою устрашающую силу, и недаром еще грозный предводитель гуннов Атилла засылал в Византию своих шпионов с тем, чтобы проникнуть в тайные ходы византийской дипломатии.

И вот Русь разорвала это молчание документов. Впервые военный союз двух государств заговорил со страниц русско-византийского договора 944 года.

Здесь может возникнуть закономерная мысль: какие же были глупцы и те и другие, если они во всеуслышание заявили, да еще и закрепили на бумаге свои военно-союзные обязательства.

Объявили и закрепили — да. Но врагов своих вслух не назвали, имена их были скрыты. И нам предстоит, опираясь на мнения других историков, совместно со всеми любителями истории догадываться об истинном адресе русско-византийского военного союза.

Частично мы говорили об этом в главе о походах руссов на Восток. Сейчас же попробуем сделать это более основательно.

Итак, речь идет о целой группе статей. Первая из них — это та, которая формулирует сам союз: «Аще ли хотети начнеть наше царство (Византия) от вась вои на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хочемъ: и оттоле уведеть ины страны, каку любовь имеютъ грци с русью». Вот она, одна часть боевого союза: если Византия пожелает получить войско руссов в помощь против своих врагов, то император пишет письмо к русскому князю и тот присылает к нему столько воинов, сколько потребуется.

Но это, так сказать, одна сторона союза — обязательство Руси оказать своему партнеру военную помощь по первому требованию. Отражена в договоре и другая сторона. Вот статья, формулирующая обязательства империи оказывать военную помощь Руси: «А о Корсунстей стране (т. е. о районе, прилежащем к Херсонесу, а иначе говоря, о Северном Причерноморье и Крыме). Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости князь руский, да воюеть на техъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, и тогда, аще просить вой у насъ князь руский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ тебе».

Русский князь обязуется «не имать волости», т. е. византийские владения, которые лежат в той стороне, но если Русь начнет войну «на техъ странахъ», т. е. с кем-либо, кроме византийских городов-волостей в том регионе, и если противник окажет упорное сопротивление, то русский князь вправе обратиться за военной помощью к империи, и та предоставит ему столько воинов, сколько «будетъ тебе». Но симптоматично: греки соглашаются помогать Руси не вообще, а лишь в определенном районе, в Северном Причерноморье и Крыму, где у

них есть свои собственные интересы, где находятся их города, поселки, форпосты, рыболовецкие стоянки. Однако «страна», против которой собираются вести войну руссы, не названа, о ней сказано в общих словах — понимай как хочешь.

Но думается, что и Игорь, и Роман I Лакапин, и русские и византийские дипломаты отлично знали, о ком идет речь.

Попробуем и мы проникнуть в тайну этого союза. Сделать это помогает еще одна статья, находящаяся здесь же, рядом. «А о сихъ, оже то, приходять чернии болгаре и воюють въ стране Корсуньстей, и велимъ князю рускому, да ихъ не пушаютъ: пакостять стране его».

Речь здесь идет о совместных действиях против племени «черных болгар», одного из тюркских племен, осевшего в районе Приазовья, которые, видимо, не давали покоя ни здешним греческим, ни русским поселянам. А то, что у Руси были здесь свои владения, ясно говорит фраза — «пакостять стране его», т. е. русского князя, у которого здесь была своя «страна».

Этот противник назван вслух, он определен, значит, не он имеется в виду под тайным врагом и Руси и Византии в регионе. Может быть, печенеги? Вряд ли, потому что их кочевья не доходили до крымских владений Византии, да кроме того, и у Руси, и у империи в это время были с ними добрые отношения. Печенеги были союзниками Руси в 944 году, потом они были перекуплены византийским золотом. Кроме того, они, быстрые на ходу, изменчивые в своих решениях, не могли быть учтены в долговременных планах двух государств.

Остается Хазария, и дело не в том, что здесь не было больше крупного противника и империи, и Руси, а в том, что действительно в это время отношения каганата с обоими государствами чрезвычайно обострились.

Что касается Византии, то мы уже говорили: империя давно уже отказалась от нее как от союзника в

борьбе с арабами, боролась против каганата по религиозным мотивам, опасалась его давления на свои северо-причерноморские владения, натравливала против него северо-кавказские народы, в частности алан, а также печенегов. Хазары где могли пакостили империи.

Нечего говорить и о том, что Русь и Хазария были противниками историческими. Столетиями каганат блокировал торговые пути из Руси на Восток, «примучивал» восточно-славянские племена. А когда Русь прочно встала на ноги, повел против нее борьбу, о чем говорит засада против возвращающейся из восточного похода в 912/13 году русской рати. Русь теперь заняла место союзника Византии против арабов, и Хазария с удивлением и яростью наблюдала, как Русь «обкладывает» ее и с севера, и с запада, и даже с юго-востока. Русские поселения на Таманском полуострове были совсем неподалеку от Саркела, который и был-то создан в свое время как военная крепость и антирусский форпост.

Хазары еще держались. На собственной военной силе, на поддержке своих союзников — волжских булгар, некоторых северо-кавказских народов, на существующих глубоких противоречиях между Византией и Русью.

С интересом мы читаем сегодня в этой связи сочинение византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», где он дает характеристику многим окружающим империю государствам и народам. Написано это сочинение было в середине 50-х годов этого же века, т. е. вскоре после описываемых событий, так что оно отражает весьма свежо отношения Византии и к Руси, и к Хазарии. Так вот: нет для империи более ненавистных врагов, чем оба эти государства. Глава X этого труда так и называется: «О Хазарии, как и кому с ней воевать». «Узы,— пишет Константин VII,— могут ходить войной на Хазарию, так как живут близко к ним... Подобным же образом и власти-

тель Алании, потому что девять климатов (административных районов) Хазарии примыкают к Алании, и алан может, если захочет, опустошать их и этим причинять хазарам большой вред и убыток...» Враждебные оценки дает царственный автор и Руси, объединяя ее с венграми и хазарами.

Складывается причудливая картина. Византия этого времени явно враждебна Хазарии, союзником империи является здесь Русь. Все говорит за то, что именно Хазарский каганат имеет в виду русско-византийский договор 944 года в качестве той «страны», против которой Константинополь готов помочь Руси войском. И в то же время мы видим, что Византия боится своего нового союзника, не доверяет ему. Константин VII откровенно советует своему сыну крепить дружбу с печенегами — этим «сильным народом», который может всегда нанести Руси удар, едва русское войско уйдет в дальний поход. Создается впечатление, что Константин VII предугадал дальнейшее развитие событий: когда в 967 году Святослав увел войско на Дунай, греки подняли своим золотом печенегов против Киева, и те летом 968 года осадили русскую столицу.

Итак, военный союз против Хазарии и ее друзей — таково содержание этих статей договора 944 года.

В то же время мы видим в нем и иные внешнеполитические сюжеты. Стороны договорились по тем острым и спорным вопросам, которые могли вызвать войну 941—944 годов.

Читаем статью, касающуюся днепровского устья: если руссы обнаружат там херсонесцев, ловящих рыбу, то «не творять имъ зла никако же». А это значит, что греки признали нормальным явлением пребывание руссов в этом крае. Это значит также, что до этого русские отряды, аванпосты, поселенцы сбивали прочь появлявшихся в этих местах херсонесских рыбаков. Да и рыбаков ли? Зачем жителям Херсонеса нужно было плыть так дале-

ко от Крыма? Может быть, за пресноводной рыбой? Что ж, может быть. Но ведь днепровское устье было районом, через который регулярно проходили русские рати во время своих походов на Балканы, на Восток, против Хазарии. И вспомним, что херсонесцы дважды предупреждали Константинополь о начавшемся русском походе: в 941 и 944 годах. Сдается, не о «корсунянах рыбы ловяща» заботились византийские власти, а о своих разведывательных постах, которые позволяли им своевременно узнавать о направлении и силе очередного русского похода.

Как видим, стороны пошли на компромисс: Византия смирилась с тем, что устье Днепра стало русской сферой влияния, но и добилась того, что бывающие здесь херсонесцы не терпели ущемлений от руссов. Равновесие сохранилось, но прочность его могла определиться лишь в ходе дальнейшего противоборства в этом районе: Русь медленно, но верно продвигалась на юг, туда, где испокон веков были расселены восточно-славянские племена и откуда их периодически, век за веком прогоняли кочевники.

Но компромисс, вернее борьба, продолжается: «И да не имеют власти Русь зимовати въ вустыи Днепра, Бельбережи, ни у святого Ельферья, но егда придет осень, да идути в домы своя в Русь».

Смысл этой статьи прост: византийцы практически признают право Руси еще на два стратегически важных пункта в этом краю — Белобережье и остров святого Елферия, находящихся в Днепровском лимане. Лишь одного добивается Византия, чтобы руссы, находящиеся в этих местах, по осени покидали их и отправлялись на север. А это значит, что греки отчаянно сопротивлялись возникновению здесь постоянных русских поселений и всячески пытались ограничить срок пребывания своих соперников в стратегически важном районе лишь летним периодом.

Однако ни в той, ни в другой статьях ни слова не говорится о том, что же будет, если руссы «сотворят зло» херсонесским «рыбакам» или останутся здесь на зимовку. Жизнь есть жизнь, и, если санкции не предусмотрены, можно с полным основанием сказать, что борьба в этом районе должна была продолжаться. Руссы должны были стремиться к закреплению в здешних местах и изгнанию отсюда византийских соглядатаев; греки обязаны были следить за соблюдением Русью летнего пребывания в крае и без конца жаловаться в Киев, если руссы станут зимовать в днепровском устье. Источник напряжения оставался, а значит, оставалась и причина для будущих коренных разногласий двух государств, которые на время были утишены после недавнего противоборства и заключения нового договора, да затушевывались общими интересами в борьбе против Хазарского каганата, черных болгар, Волжской Булгарии и других союзников Хазарии.

Таковы были сложные и противоречивые отношения между союзниками, которые и отразились в серии статей договора 944 года.

И все-таки, несмотря на противоречия между ними, возможные будущие конфликты, вызванные борьбой за преобладание на западе и востоке Северного Причерноморья, а может быть и в Северном Крыму, сегодня Русь и Византия были военными союзниками, их союз был обращен в Причерноморье и Приазовье — против Хазарии, в Закавказье — по традиции против арабов и повсюду против любых врагов Византийской империи, на которых Константинополь мог поднять своих друзей.

Договор стал реализовываться очень быстро. Уже на следующий год русская рать, как мы это уже видели, ударила по Бердаа, обойдя на сей раз стороной враждебные хазарские владения. В 949 году 629 русских воинов на девяти судах, как уже упоминалось, участвовали в экспедиции византийской армии против критских

арабов. В 954 году вместе с союзными империи болгарами и армянами руссы сражались на стороне Византии с войсками сирийского эмира, в 960—961 годах вновь вместе с греками боролись за Крит.

Игорь был уже мертв. Во главе киевского правительства при малолетнем наследнике престола князе Святославе встала жена Игоря, княгиня Ольга, а военный союз двух государств неукоснительно соблюдался.

Да и позднее, когда подросток Святослав и обрушился на Хазарию, буквально стерев с лица земли ее военные крепости и нанеся ей решающий удар, Византия не шевельнула пальцем в защиту своего прежнего союзника.

А теперь попробуем оценить договор 944 года. По поводу него было написано немало. Ученые говорили о том, что он и повторяет и развивает нормы договоров 907 и 911 годов, и о том, что он отражает перевес то Византии, то Руси, называли его и лишь торговым договором и т. д.

Нам тоже пришлось участвовать в дискуссии по этому поводу, и потому, естественно, мы предложим читателю свою оценку этого документа, считая, что если интересующиеся захотят проверить нашу точку зрения, то они могут обратиться и к специальной литературе.

На основании уже изложенного мы полагаем, что договор 944 года стал подлинной вершиной древнерусской дипломатии. Но не только. В тогдашней мировой истории нет ни одного документа, который бы столь масштабно, столь совершенно по форме решал вопросы взаимоотношения между двумя странами.

По существу договор обнимал всю сумму политических, экономических, военных, юридически-имущественных проблем, которые остро интересовали оба государства. Он объединил все «миры» и «ряды» прошлого в единый комплексный документ. Военный союз, отраженный в этом договоре, охватил своим действием значи-

тельную часть Восточной Европы, он учитывал тогдашнюю расстановку сил в регионе, четко определил противников и Византии, и Руси.

Кому было выгодно это соглашение? Сам вопрос кажется сегодня нелепым. Он был выгоден обеим странам, и в то же время ни та, ни другая не могли быть удовлетворены им полностью.

Компромисс, достигнутый по многим вопросам, конечно же был временным, и дальнейшее соотношение сил способно было коренным образом изменить создавшуюся обстановку.

Что касается «ряда», то здесь обоюдные права и обязанности связывают Византию и Русь.

Но особенно ярко равные и взаимовыгодные обязательства как Руси, так и Византии отражены в статьях о военном союзе.

Что-то потеряла в этом договоре Русь, что-то Византия, на что-то стороны согласились скрепя сердце, на чем-то стояли до конца. Все это довольно прозрачно видно из самого текста соглашения. Оно глубоко драматично по своему характеру, наполнено не только духом согласия, компромисса, но и духом противоречий, которые, если дать им выход, неминуемо могли привести к новой войне.

Форма договора весьма совершенна для своего времени. Он состоит из трех четких частей: протокола, т. е. начальной части, куда входит и политическая преамбула, основной части — статей «ряда» и заключения. Первая часть и заключение идут целиком от имени руссов. В начале документа они дают характеристику посольству, торжественно заявляют, от кого и ради каких целей посланы — «створити любовь... на вся лета, дондеже съяет солнце и весь миръ стоять». Здесь же содержится обращение к богам.

Основная же часть, «ряд», идет как от имени Византии, так и от имени Руси. На первый взгляд такое поло-

жение кажется парадоксальным. Обычно ученые приписывали это ошибкам переписчиков, путанице с местоимениями. Но вот крупный исследователь византийских документов той поры немецкий ученый Карл Нейман обратил внимание на то, что нередко иностранные посольства специально требовали, чтобы текст отдельных наиболее важных статей шел непременно от имени византийского императора, независимо от того, кому адресуется экземпляр договора. Вспомним, что в летописном тексте, который, судя по всему, был копией русского оригинала, врученного грекам, статьи, касающиеся обязательств византийцев, идут от лица императора («царство наше»).

Это еще раз подчеркивает, что Русь просто-напросто добивалась своего, и даже в русский текст, который, как и в 911 году, был вручен грекам от имени Игоря, руссы вставили статьи, идущие от имени греков.

Потом был обряд утверждения выработанного договора. Русские послы «водили суть царе.... роте», т. е. приехали в Константинополе клятву в верности договору со стороны византийского императора и его соправителей. Сами клялись здесь же, в соборной церкви (христиане), и на оружии, обращаясь к своему языческому богу Перуну (язычники). Но это была лишь часть заключительной процедуры. В завершающей договор части отмечено, что он написан «на двою харатью», т. е. выработан в двух одинаковых по духу экземплярах. Один отдается Руси, и на нем «крестъ и имена наша (т. е. византийского императора) написана». А другой — византийскому императору, и на нем написаны имена послов и гостей. И далее говорится, что теперь русские послы должны «проводить» византийское посольство «къ великому князю рускому Игореву и къ людемъ его», и они обязаны на русском экземпляре договора также идти «на роту», т. е. дать клятву «хранити истину» принятому соглашению.

...Кончалось лето 944 года. Вот уже несколько месяцев со времени первых переговоров на Дунае шла выработка нового русско-византийского соглашения. Наступил заключительный акт: после утверждения договора в Константинополе византийскими императорами, после клятв в верности ему со стороны русского посольства, обычного в таких случаях «отпуска» посольства византийским императором, преподнесения послам Ивору и другим подарков огромный посольский караван двинулся на Русь.

Когда это было — в этом же году осенью, а может быть, весной, по первой воде следующего, 945 года, — трудно сказать. Во всяком случае, в летописи договор помечен 945 годом, что может означать год его утверждения Игорем. Трудно поверить, чтобы в течение одного 944 года можно было успеть византийскому посольству прибыть в Киев, провести там переговоры, русскому посольству побывать в Константинополе, выработать там текст сложнейшего договора и попасть вместе со вторым византийским посольством опять в Киев. По всей видимости, караван появился в русской столице уже весной 945 года.

В караване шло русское посольство Ивора и вместе с ним византийское посольство императора Романа I Лакапина, которое должно было, согласно выработанному тексту, принять клятву на договоре князя Игоря и его «мужей». Сама практика вот такого «ответного» посольства уже в то время получила значительное распространение в Европе: послы, возвращаясь, как правило, «проводжали» в свою страну дипломатических представителей другой державы. Этого требовали безопасность и необходимость помощи во время долгого пути и т. п. И теперь руссы осваивают этот обычай, с которым познакомились еще в 839 г.

Летопись сообщает, что по приходе каравана в Киев состоялся прием византийского посольства у Игоря.

Русский князь будто бы спросил греков: «Глаголите, что вы казаль царь», т. е. говорите, что вам наказал передать император. И послы отвечали ему, что император рад миру, заключенному между двумя странами, и сообщили, что русские послы в Константинополе привели византийского императора к присяге на верность договору и теперь настало его, Игоря, время совершить «роту», т. е. клятву, на заключенном соглашении вместе со своими «мужами». И Игорь согласился.

Наутро состоялась торжественная церемония. К холму, на котором возвышалась статуя Перуна, двинулась процессия. Ее возглавлял сам киевский великий князь. Следом шли его «лучшие» бояре, мужи, дружинники. Сюда же пришли и члены византийского посольства.

Игорь и его люди сложили к подножию Перуна свое оружие, щиты, золото и в присутствии греческих послов торжественно поклялись в верности новому русско-византийскому договору. Клятва происходила на русском экземпляре договора, который шел от имени русского посольства и где в конце стояли имена всех членов посольства во главе с первым из них — Ивором. После этого русский оригинал грамоты был здесь же в торжественной обстановке передан византийскому посольству, а копия с этого текста легла в великокняжеский архив. Ее-то впоследствии и обнаружил внимательный и добросовестный наш древний автор Нестор и включил в свою «Повесть временных лет». Здесь же находился и греческий оригинал, шедший от имени византийских императоров-соправителей, а также русский перевод с этого греческого текста, который обычно прикладывался к иностранному оригиналу, но Нестор использовал копию русского оригинала, и это было правильно, потому что давало читателю представление о деятельности русского посольства, о его составе, представительстве, показывало его позицию в отношении целей договора и т. д.

После церемонии у холма Перуна часть собравшихся двинулась в церковь святого Ильи, что стояла над ручьем, и там византийское посольство приняло клятву русских христиан из ближайших сподвижников Игоря в верности договору.

Теперь соглашение было утверждено.

Но и на этом еще не закончились дела обоих посольств.

Перед отъездом византийского посольства из Киева князь Игорь устроил ему по международному образцу прощальный отпуск, во время которого греки были одарены мехами, челядью и воском — традиционными статьями русского экспорта тех времен.

В Константинополе же византийское посольство также по устоявшейся традиции было принято императором; византийским властям было доложено о порядке утверждения договора русской правящей верхушкой.

Наступило лето 945 года, и во исполнение военного русско-византийского союза войско под водительством, как полагают, Игорева воеводы Свенельда выступило на многих судах в дальний восточный поход. Его путь лежал в обход хазарских владений морем, потом по суше через Северный Кавказ, затем в Каспий и на Бердаа.

11. «Иде Ольга въ Греки»

мутная пора наступила после 945 года для Киевского государства. Наследнику престола было около пяти лет, рядом с ним стояла вдова Игоря Ольга, которая опиралась на великокняжескую дружину, на славных Игоревых воевод во главе со Свенельдом, Асмудом и другими. Отложились древлянская земля, и древлянские бояре прислали в Киев послов с дерзким предложением к Ольге — стать женой их князя Мала.

Выявилось, что система полюдья, осенних регулярных объездов князем и его боярами русских весей и градов таит в себе серьезную опасность. Рост княжеских appetитов вызывал протесты со стороны еще недавно подчиненных Киеву славяно-русских племен,

Конец 945-го и значительная часть 946 года прошли в тяжелой борьбе с древлянами. Летопись показывает, что Ольга не сразу двинулась в поход против погубителей своего мужа. Осенью, еще по открытой днепровской воде древляне приплывали в ладьях в Киев на переговоры, и лишь позднее, уже в 946 году, собрав силы, киевская княгиня двинула войско в древлянскую землю. Произошло это либо поздней весной, либо в начале лета, потому что и зимой по глубоким древлянским снегам, и весной по поплывшим дорогам весьма трудно было вести военные действия. Да и летопись указывает на долгое время войны. «И стоя Ольга лето»,— сообщает она. И еще: упрекая древлян за то, что не сдаются они и затворились в Искоростене, она говорила им через своих послов: «Что хотите доседети (до чего хотите досидеться)? А вси грады ваши предашася мне, и ялися по дань и делают нивы своя и земле своя». А это указывает на летнее время, период полевых работ.

Дело решилось не сразу. Потребовалось сражение, в котором, по преданию, принял участие и малолетний Святослав, метнувший свое детское копьё в сторону древлян.

В ожесточенном бою древляне были разбиты. Их города предались победителям, и город Искоростень после долгой осады был сожжен, часть жителей уведена в плен, на остальных возложена «дань тяжька». И тут же, в древлянской земле, в этом же 946 году Ольга, двигаясь с дружиной и со своим сыном от города к городу, от стана к стану, оставила «уставы и уроки». Отныне сбор даней и налогов был упорядочен, посажены представители великокняжеской администрации,— пришел конец и произвольным поборам, жертвой которых пал, в конце концов, Игорь. Это был конец полюдьы и начало организованной системы обложения налогами русской земли.

В 947 году эта линия, толчок которой дало восстание древлян, продолжалась.

Летопись сообщает, что Ольга отправилась вместе со Святославом в Новгород. Идя по Мсте и по Луге, она вновь устанавливала «оброки и дани». Устраивались погосты — места сборов налогов в пользу великокняжеской казны. И здесь внедрялась великокняжеская администрация — все эти огнищане, тиуны и прочие, кого мы встречаем позднее уже в «Русской правде» в качестве феодальных управителей.

Таким образом, около двух с половиной лет потребовалось киевскому правительству для ликвидации последствий древлянского восстания, для введения новой системы управления Русской землей, для ее полного утишения.

В эти годы Ольге, конечно, было не до внешней политики, не до последнего договора Руси с греками.

Бурные события за это время произошли и в Византии. 15 декабря 944 года, т. е. через три месяца после выработки текста русско-византийского договора, в котором были упомянуты в качестве императоров Византии Роман I Лакапин и его два сына-соправителя Константин и Стефан, Роман I был свергнут с престола своими сыновьями и отправлен в ссылку на Принцесы острова, в тамошний монастырь. Но братья недолго удержались на престоле. Против узурпировавших власть Лакапинидов (Романа и его сыновей), которые еще с 20-х годов X века отодвинули в тень, а потом и полностью заслонили собой Македонскую династию, ее представителя на троне Константина VII Багрянородного, сына Льва VI и внука Василия Македонянина, назревал заговор. 15 января 945 года сторонники Константина VII совершили новый государственный переворот и отправили сыновей Романа I Лакапина в тот же монастырь, на те же Принцесы острова, где находился их отец. Константин VII после долгих лет отрешения от

престола в возрасте сорока с лишним лет стал, наконец, императором-автократором.

В то время, как Ольга боролась с древлянами и проводила свои административные реформы, Константин VII приступил к управлению государством и обнаружил его тяжкое положение.

В междоусобной борьбе государственный аппарат был расшатан. Арабы со всех сторон теснили Византию. Многолетняя война с критскими арабами, несмотря на ряд морских экспедиций, не принесла ощутимых успехов.

В 948 году умер свергнутый с престола Роман I, и тем самым была подведена черта под его весьма неудачным для правящей византийской верхушки царствованием.

Теперь, на исходе 40-х годов, и Киев, и Константинополь вновь обратили взоры друг к другу.

Договор 944 года продолжал действовать, и русские воины исправно несли свою союзническую службу в составе императорских войск, посылаемых на Крит; русские гарнизоны размещались в пограничных с Арабским халифатом крепостях, создавая заслон против арабского давления с юго-востока. И все это происходило уже во время правления Константина VII и регентства Ольги.

И все-таки полной ясности во взаимоотношениях двух стран не было. В те времена смена правительств автоматически означала и прекращение действия дипломатических отношений между странами. Формально так и произошло. И все же не совсем. Константин VII, несмотря на то, что он был полностью заслонен Лакапнидами, тем не менее официально с 911 года занимал императорский престол. И Ольга не была новым человеком в киевской правящей верхушке: в составе Игорева посольства в Константинополь в 944 году находился Искусеви, имевший титул посла великой княгини Ольги.

Его имя стояло и в конце договора. Так что, кажется, особой необходимости в переутверждении договора не требовалось. Да и союзные действия Руси по отношению к Византии в конце 40-х—начале 50-х годов подтверждают это мнение. Смена руководства произошла, а договор продолжал действовать.

Интересно, что такая же ситуация сложилась и после смерти князя Олега в 912 году. В этом же году умер и Лев VI. Ушли из жизни оба создателя русско-византийского договора 911 года, и тем не менее договор при новых властителях — князе Игоре и Константине VII — перезаключен не был, потому что формально и Игорь, и Константин являлись верховными правителями своих стран при Олеге и Льве VI. И очередной договор был заключен лишь после русско-византийской войны, в 944 году.

Однако уже с начала 50-х годов возникла острая необходимость в новых дипломатических контактах двух государств.

Перед Византией стоял вопрос об активизации борьбы с арабами, и Константин VII предпринял энергичные дипломатические и военные усилия в поисках союзников и на Западе, и на Востоке, а также для нейтрализации одних арабских противников и умиротворения других. Из Константинополя к германскому королю Оттону I во второй половине 40-х годов Константин VII отправил посольство. Он добивается дружбы у владыки Кордовы, пытается замирить сицилийских арабов и египетского правителя ал-Мансура. Беспокоят в это время Константина VII и отношения с Русью, Хазарией, печенегам. Печенеги требовали за помощь против Хазарии все новых и новых платежей; от Руси подозрительные греки ожидали новых нападений, в то же время русское войско было необходимо Византии для новых походов против закавказских вассалов халифата.

Прежний уровень отношений не удовлетворял и

Русь. Со времени ее «дипломатического признания» в 860 году прошло почти сто лет. Многие за это время было достигнуто, но многое не удовлетворяло киевский двор. По-прежнему империя была недосыгаема для Руси с точки зрения международного престижа; Византия свято оберегала свое исключительное политическое и религиозное положение. Согласно византийской концепции власти, император являлся заместителем бога на земле и главой всей христианской церкви. И никто из иностранных правителей не мог встать вровень с византийским императором. Одна из главных целей любой встречи императора с иностранными представителями заключалась в том, чтобы четко установить расстояние, которое отделяло бы гостя от хозяина. Все это находило отражение в титулах, почетных эпитетах, прочих знаках достоинства, которыми Константинополь наделял иностранных правителей.

Изменить этот устоявшийся веками порядок можно было только силой, и Русь частично преуспела в этом, поднимая от десятилетия к десятилетию уровень своих дипломатических отношений с империей, совершенствуя русско-византийские договоры, борясь за более почетную титулатуру русских князей.

Но основная борьба и здесь была еще впереди, и вопросы государственного престижа не могли не занимать правительство княгини Ольги.

Наконец, с каждым десятилетием все более определенно в отношениях Руси и империи возникал вопрос о крещении руссов. И поднимали его, естественно, с надеждой извлечь из этого политические выгоды обе стороны.

Византия давно уже, как мы видели, пыталась крестить Русь, стремясь использовать христианизацию в целях усиления своего политического влияния. Но и Русь старалась использовать христианизацию, проведенную видными греческими церковными иерархами,

для возвышения собственного государственного престижа. При этом Русь старалась всячески оберечь свой государственный суверенитет. К тому же на Руси еще сильно было язычество, и языческая партия упорно выступала против приобщения страны к миру христианских государств.

Попытка крестить Русь в 60-е годы окончилась неудачей,

Если Аскольд и Дир действительно приняли крещение и допустили в свою землю христианских миссионеров после русско-византийского договора 60-х годов IX века, то позднее следы этого исчезли, так как оба они погибли под мечами языческой дружины Олега, захватившей в 882 году Киев.

Но христианство, как средство приобщения к политическим международным высотам, манило. Христианский владыка Болгарии уже носил титул царя, христианизированное Франкское государство называли империей в Византии. К тому же феодализирующаяся верхушка Руси уже понимала все выгоды христианства для усиления своих классовых позиций внутри страны.

И не случайно в 911 году русских послов в Константинополе водили по христианским храмам и приобщали к православным святыням, не случайно в договоре 944 года русские христиане полноправно представлены наряду с язычниками и упоминается церковь святого Ильи в Киеве. А ведь речь шла о верхушке киевского общества, о «лучших боярах», княжеских «мужах», которые, в отличие от Игоря, клялись в верности договору на кресте.

Так вопрос о крещении оставался открытым и не мог не волновать обе стороны; он питал и великодержавные имперские замыслы Константина VII, и честолюбивые престижные намерения княгини Ольги.

Все это делало остро необходимым появление в Константинополе нового русского посольства.

И вот под 955 годом русская летопись сообщила: «Иде Ольга въ Греки».

Сама русская княгиня двинулась в Константинополь для обсуждения с византийским императором Константином VII Багрянородным волнующие Русь вопросы.

Этот случай, конечно, в истории страны был чрезвычайным: на сей раз в Византию шло не простое посольство, пусть даже и очень пышное, как при Игоре,— в путь отправлялась сама владетельная особа. Такое совершалось впервые.

После слов «Иде Ольга въ Греки» летописец записал: «И приде Царюгороду. Бе тогда царь Костянтин, сын Леоновъ». Под пером древнего автора все выглядит легко и просто: собралась, села в ладью и приплыла в Суд — константинопольскую гавань.

Но в жизни такой простоты, конечно, быть не могло. Можно лишь представить, сколько времени между Киевом и Константинополем продолжались переговоры по поводу появления Ольги в Византии, сколько посольств или легких гонцов побывало в те дни в обеих столицах. А если учесть, что путь между ними был неблизкий, то и весь ход переговоров наверняка был длительным и упорным.

Мы не знаем, кто был инициатором этого приглашения, как обговаривался церемониал пребывания русской княгини в Византии, но то, что вопросы эти действительно существовали, ясно как из летописных данных, так и византийского источника.

Случилось так, что один и тот же сюжет — появление Ольги в Константинополе и ее переговоры там — был довольно подробно описан и в «Повести временных лет», и в книге «О церемониях», принадлежащей перу все того же Константина VII.

Наставляя своего сына, как принимать иностранных послов, в том числе и владетельных особ, он описал приемы русской княгини в среду 9 сентября и воскресенье

18 октября. А эти числа приходятся на данные дни лишь в 946 и 957 годах. 946 год был заполнен для киевской княгини делами, исключаящими ее визит в Константинополь в это время. Датировка 957 годом, видимо, и является точной в отличие от русской летописной, которая называет 955 год.

Правда, некоторые историки высказывали мысль о двукратном путешествии Ольги в Константинополь, но эта гипотеза вряд ли состоятельна, поскольку она противоречит самой сущности борьбы русской великокняжеской власти за более высокий государственный престиж. Политическая суэта с поездками в Константинополь через два года не оправдана никакими государственными интересами Руси. Итак, одно путешествие. В 957 году. Если учесть, что в это время Святославу было около 15—17 лет, можно предположить, что и сама великая княгиня была еще достаточно молода.

Обычно русские караваны появлялись в Константинополе с началом навигации. Но думать, что Ольга уже весной, в неустойчивую погоду поспешила в Константинополь, нет никаких оснований. Скорее всего, русская флотилия вошла в бухту Золотой Рог, в Суд, как ее называли на Руси, в конце июня — начале июля 957 года.

Будем думать, что в погожий летний день флот Ольги появился на константинопольском рейде.

Посольство Игоря меркнет по сравнению с пышностью посольства его жены. Только состав самого посольства (а лучше сказать, не посольства, а миссии главы государства), свиты насчитывал свыше ста человек. Это видно из того списка, по которому руссы получали в Византии содержание и который сохранился в записях Константина VII. В свиту Ольги входили 8 ее приближенных, знатных киевских бояр или родственников, 22 «апокрисария», под которыми греки разумели титульных представителей от русских князей и знатных

бояр, как и в случае с посольством Игоря, 44 торговых человека, люди Святослава, священник Григорий, 6 человек из свиты «апокрисиариев», 2 переводчика, а также приближенные женщины княгини.

Особо выделялась таинственная фигура анепсия, как называли этого человека греки, причем указали, что он является родственником Ольги. В списке посольства он идет на втором месте после Ольги.

По мнению советских византистов, всего вместе с Ольгой прибыло в Византию около тысячи человек, считая охрану, корабельщиков, челядь и т. д. Состав посольства, его количество, участие в нем главы киевского правительства указывали на его исключительные цели.

И вот этот огромный флот явился в виду Константинополя во всем своем великолепии.

Однако дальше дело застопорилось. Уже впоследствии, возвратившись к себе на родину и принимая там греческих послов, которые явились в Киев с просьбой о военной помощи со стороны Руси, Ольга, по словам летописца, бросила послу раздраженную фразу: «Аще ти, рьци (передай), тако же постоиши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду, то тогда ти дамъ». Ольга насмешливо предлагала императору для получения военной помощи постоять в почайновской гавани на Днепре столько, сколько она прождала, ожидая приема у него, в бухте Золотой Рог.

Первый прием княгини у императора состоялся 9 сентября, когда обычно русские караваны уже собирались в обратный путь. А это значит, что княгиня простояла «в Суду» около двух с половиной месяцев. Конечно, нет оснований считать, что Ольга и ее штат находились все это время на кораблях. В этом не было необходимости. На берегу имелась подворье святого Маманта, и Ольга могла ожидать приема там, а слова насчет того, что она стояла «в Суду», надо понимать чисто условно. И все же два с лишним месяца русская влиятельная

особа, прибывшая во главе столь пышного посольства, должна была ждать. Чего? И почему это ожидание вызвало столь сильное раздражение в Киеве, что под вопрос даже были поставлены военно-союзные отношения двух государств?

Прием иностранного посольства в Константинополе обычно проходил по заранее отработанному ритуалу. Вероятно, и в канун прибытия русской княгини в Византию на этот счет были проведены определенные переговоры о том, на каком уровне будет принято посольство, как пройдет прием и т. д. И все-таки налицо дипломатический казус: Ольгу не принимали до 9 сентября. Не принимали, или она сама не желала являться во дворец?

Ответ на этот вопрос мы можем получить, как это ни парадоксально, у самого Константина VII, описавшего подробно ее прием 9 сентября.

Поначалу аудиенция проходила так, как это обычно было принято в отношении иностранных правителей или послов крупных государств. Император, сидя на троне в роскошном зале Магнавре, обменялся с Ольгой через логофета¹ церемониальными приветствиями. Рядом с императором находился весь состав двора. Обстановка была чрезвычайно торжественная и помпезная.

В тот же день состоялось еще одно традиционное для приемов высоких гостей торжество — обед, во время которого присутствующих услаждали певческим искусством лучшие церковные хоры Константинополя; здесь же давались различные сценические представления. Но наряду с этим имелись и отступления от принятых традиций, обозначились нарушения незыблемого византийского дипломатического ритуала, которые были совершенно невероятны, особенно при Константине VII — их ревностном блюстителе.

¹ Термин для обозначения ряда административных должностей.

В начале аудиенции, после того как придворные встали на свои места, а император воссел на «троне Соломона», завеса, отделявшая русскую княгиню от зала, была отодвинута, и Ольга впереди своей свиты двинулась к императору. В этих случаях обычно иностранного представителя подводили к трону два евнуха, поддерживавшие подходящего под руки. Затем иностранный владыка или посол совершал праскинесис — падал ниц к императорским стопам. Во время приема киевской княгини этот порядок был изменен. Ольга одна, без сопровождения, подошла к трону, не упала перед императором ниц, как это сделала ее свита, а осталась стоять и стоя же беседовала с Константином VII.

Затем Ольгу отдельно принял императрица, которую русская княгиня приветствовала лишь легким наклоном головы. В ее честь был устроен торжественный выход придворных дам; беседа русской княгини с императрицей проходила через препозита¹.

После небольшого перерыва, который Ольга провела в одном из залов дворца, состоялась ее встреча с императорской семьей, что не имело прецедента во время приемов обычных послов. «Когда император воссел с августою и своими багрянородными детьми, — говорится в «Книге о церемониях», — княгиня была приглашена из Триклина Кентурия и, сев по приглашению императора, высказала ему то, что желала». Здесь, в узком кругу императорской семьи, Ольга и повела речь о том, ради чего прибыла самолично в Константинополь.

Такую практику личных бесед также не предусматривал дворцовый церемониал. Обычно послы беседовали с императором стоя. Право сидеть в его присутствии считалось чрезвычайной привилегией и предоставлялось лишь высоким коронованным особам, причем для них ставились низкие стулья.

¹ Лицо, ведавшее церемониями царских приемов.

В тот же день состоялся парадный обед, перед которым Ольга опять вошла в зал, где на троне восседала императрица, и вновь приветствовала ее легким поклоном.

Во время обеда Ольга сидела за императорским «усеченным столом» вместе с достами — придворными дамами высшего ранга, которые пользовались правом находиться за одним столом с членами императорской семьи. А в соседнем зале высшие чины посольства — мужчины — обедали вместе с императором.

За десертом русская княгиня вновь оказалась рядом с императором Константином VII, его сыном Романом и другими членами императорской семьи.

И во время второго приема, 18 октября, Ольга сидела за одним столом с императрицей и ее детьми. Ни одно обычное посольство, ни один обыкновенный посол такими привилегиями в Константинополе не пользовались.

И еще одна важная деталь. В Константинополе, как правило, устраивали торжественные приемы двум-трем посольствам одновременно. На сей раз руссы были в одиночестве и во время первого, и во время второго визита; это тоже было неспроста, — русская миссия получила определенную привилегию.

Итак, слишком много было отступлений от правил, слишком много нарушений веками устоявшегося церемониала. Все это превратило русское посольство в экстраординарную миссию. Как это произошло, если церемониал играл огромную роль во внешнеполитической жизни средневековых государств? Можно вспомнить, как в XV — XVII веках русские послы за рубежом и иностранные миссии в России неделями вели переговоры о том, встанет ли иностранный государь при вопросе о здоровье русского монарха или задаст его сидя, снимет при этом шляпу или нет; особо и в Москве, и за рубежом — в Вене, Париже, Лондоне, Кракове — огова-

ривалась последовательность тостов за здоровье монархов, их жен и наследников во время торжественных обедов. Русские дипломаты при иностранных дворах упорно настаивали на том, чтобы им не устраивали официальных приемов до представления главе государства и чтобы во время этих приемов, отпусков, обедов не было в зале иных посольств. Случалось, что дело доходило до курьезов: русские послы грозили отъездом, если иностранные правители нарушали принятый между государствами дипломатический этикет. Известен случай, когда в XVI веке русский посол в Ватикане отказался целовать туфлю папы римского, что делали послы других христианских государств; разгорелся скандал, и русского дипломата насильно заставили совершить унижающую Русское государство процедуру, о чем он с возмущением доносил в Москву. Так же внимательно в отношении церемониала вели себя и иностранные дипломаты при русском дворе.

Знание жесткой церемониальной схемы византийского двора, а также будущего развития дипломатического этикета подсказывает нам, почему столько времени Ольга и ее люди провели «в Суду» и за два месяца не удосужились попасть к императору: шла напряженная борьба по поводу церемониала приема русской княгини в императорском дворце.

Именно в эти недели обговаривались все детали первого визита, характер приема, порядок обедов, встреч с императором и императрицей, именно в эти недели рождались все те отступления от общепринятых норм в пользу русской княгини, которые отчетливо просматриваются в течение всего дня 9 сентября, да и 18 октября тоже. Можно только представить себе, сколько упорства, изобретательности, знания дипломатического этикета проявили и русские и византийские дипломаты, вырабатывая ритуалы приемов Ольги во дворце. По существу шла борьба за политический престиж Древнерусско-

го государства, подкрепленный силой русского оружия и утвержденный договорами Руси с греками.

Ольга хорошо сознавала, что в ее руках находился прекрасный дипломатический козырь — возможность оказать империи помощь в борьбе с арабами и с хазарами в Крыму и Северном Причерноморье, и этот козырь руссы использовали в полной мере, хотя на это и ушло два с лишним месяца.

Греческий источник отмечает, что во время первого визита главная беседа проходила уже после официального приема, когда Ольга осталась в кругу императорской семьи; там она высказала Константину VII и императрице Елене «то, что желала». Но вот вопрос: что же желала княгиня и какова была главная цель ее визита в Константинополь? Что она требовала взамен русских воев, которых просил император в преддверии новых походов против арабов? Высокий уровень приема? Несомненно. Но сам этот прием был лишь средством к каким-то более основательным претензиям. Но к каким?

И тут мы должны вернуться к фигуре таинственного анемсия, родственника Ольги, который занимал в иерархии русского посольства второе за княгиней место и которому византийцы положили содержание, резко выделявшее его среди состава русской миссии. Об этом никогниго давно уже строились догадки ученых, и лишь совсем недавно было высказано предположение: а уж не скрывался ли за этим непонятным титулом молодой русский наследник престола — князь Святослав Игоревич? Это предположение не развивалось, но оно, на наш взгляд, достойно того, чтобы поговорить о нем особо.

Кажется, Русь в своих отношениях с Византией добилась многого из того, чего в свое время добивались от нее другие крупные государства. И лишь одного она не получила от империи — династического брака с императорским домом, что сразу невероятно возвышало государство в тогдашнем мире. В свое время добивались

этого права хазары, отдавшие свою принцессу в жены сыну Льва IV, будущему императору Константину V. Позднее болгарский царь Петр взял себе в жены принцессу Марию, внучку Романа I Лакапина.

В своих трудах Константин VII резко осудил за это предшественников, посчитав, что они нанесли значительный ущерб престижу великой империи. Но он умолчал о том, что в поисках союзников константинопольский двор не раз еще обращался к идее династического брака с империей франков, Германским королевством. И вот теперь Русь просила, возможно и требовала, руки одной из дочерей Константина VII для молодого Святослава.

Два обстоятельства подтверждают эту гипотезу. Во-первых, то раздражение, которое буквально в это же время высказал Константин VII в адрес Руси. Не надо, писал он, идти навстречу «варварам» в их просьбах о заключении брачных уз с императорским домом, не надо удовлетворять их требования, «как часто случается», о предоставлении им императорских одеяний, венцов или других знаков отличия. Среди «варваров» Константин называет хазар, венгров и Русь — исторических противников Византии в 20—60-е годы X века. Создается впечатление, что эти слова написаны по горячим следам событий, будто еще вчера в императорском дворце, в уютной гостиной, в кругу высокой семьи Ольга вела беседу о браке своего сына с молодой Феодорой, дочерью Константина VII и Елены. Императорская чета упиралась. Для чванливых греков Русь еще не была мировой державой, как, скажем, империя франков или Германское королевство, с которыми Византия сама стремилась заключить династический союз. Не была она и как Хазария, пославшая на спасение Константинополя 40 тысяч всадников против наступавших аваров и персов, тем прочным, безоговорочным, долговременным союзником, которому кроме золота было заплачено и династическими узами. Языческая тогда Хазария отпра-

ла свою принцессу в Константинополь, и та, крестившись, стала женой будущего византийского императора.

С Русью было по-другому. Десятилетиями она являлась и другом, и врагом, вырывая у империи политические уступки силой. И вот теперь она требовала породнения с императорским домом, что стремительно возвысило бы ее внешнеполитический престиж, выделило среди прочих сопредельных стран.

Вежливо и льстиво отклоняли греки эти непомерные, по их мнению, претензии северного соседа. А на подворье святого Маманта мучился неизвестностью молодой Святослав — пылкий, честолюбивый, гордый, и можно себе представить, как, возвратившись после переговоров во дворце, Ольга, возмущенная, раздосадованная, оскорбленная, рассказывала о своей неудаче сыну и как тот, распаяясь, клял греков за гордыню и пренебрежение. Можно думать, что после этой беседы завязался новый сложный, во многом личный узел противоречий между молодым Святославом и Византийской империей.

Второе обстоятельство прямо вытекает из этого оскорбления.

Порой мы в наших размышлениях о прошлом не обращаем внимания на обычные человеческие чувства, страсти, борения характеров, человеческие комплексы. Между тем, не учитывая всего этого, трудно и порой невозможно воссоздать истинное лицо эпохи, потому что оно, это лицо, складывается из единиц, десятков, сотен отдельных человеческих лиц, характеров, настроений. Потому и неопровержим исторический материализм, великое учение К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономических формациях, что он дает нам понимание человеческой личности, человеческого коллектива, их поведения на основе материальных условий существования, во взаимосвязи экономических, духов-

ных и психологических начал. Но это значит, что роль личности не сбрасывается со счетов истории, а, напротив, требует к себе пристального, «индивидуального» внимания, тем более личности, которая порой аккумулирует настроения большой группы людей...

Поразительно, но вся жизнь Святослава, как мы ее знаем по русской летописи, по византийским источникам, явилась в виде одного сплошного вызова византийской империи, вызова яростного и бескомпромиссного, ставшего его славой и его трагедией.

Все свои походы, едва взявшись за оружие и возглавив киевскую дружину, он направил в конечном итоге на борьбу с империей.

Наивно было бы думать, что это борец объяснялось лишь личными чувствами Святослава. За противоборством двух стран стояли общие их социально-экономические и политические интересы, закономерности общественного развития. Но Святослав внес в него столько страсти, столько невероятной энергии, столько бескомпромиссности, что лишь собрав все силы Византия сумела сокрушить русское войско и войска союзников Руси.

Начав борьбу против Византии в Северном Причерноморье, в Крыму, потом на Балканах, потом захватив почти все европейские владения Византии и поставив даже вопрос об уходе греков из Европы в Малую Азию, Святослав потерпел затем ряд серьезных военных неудач. Но снова и снова судьба поднимала его против империи, и, уже возвращаясь почти без войска на родину в суровую зимнюю пору 971 года, он еще мечтал вернуться и отвоевать утраченное.

Он и сгинул в 972 году на порогах под ударами печенегов, купленных византийским золотом, хотя греки и обещали ему свободный проход в Русь.

На днепровских порогах руками печенегов византийцы разделались со своим, возможно, самым страшным,

самым опасным врагом за последнее столетие. По существу, всю свою самостоятельную политическую и военную жизнь Святослав посвятил борьбе с Византией.

Откуда такая страсть, такое постоянство? И мы вновь и вновь возвращаемся к загадочной фигуре анепсия, к долгой беседе Ольги с Константином VII и его женой, к раздраженной реакции императора на требования Руси, настаивающей на династическом браке, и еще и еще раз приходим к мысли, что 9 сентября 957 года императорская семья отказала Руси в родственных связях, нанеся и Ольге, и Святославу смертельное оскорбление.

Но не только об этом просила Ольга в обмен на подтверждение русско-византийского договора 944 года и в первую очередь статей военно-союзного характера. Речь шла и о крещении русской княгини. И не просто о крещении, а о таком политическом акте, который бы в этой, казалось бы, чисто религиозной сфере содействовал возвышению политического престижа Руси, престижа самой русской княгини.

В это время не могло еще быть речи о крещении всей Руси: слишком велика была языческая толща. И хотя христианство медленно, но верно пробивало себе дорогу среди русской правящей верхушки, час его еще не пробил. Да и молодой наследник престола, его языческая дружина не выказывали никакого почтения к православным святыням и продолжали величать своих языческих богов во главе с Перуном.

И все-таки к этому времени уже был опыт крещения Болгарии, правитель которой сегодня именовал себя царем — цесарем. В начале 50-х годов X века, незадолго до прибытия Ольги в Константинополь, крестились два видных венгерских вождя Дьюла и Булчу.

Остатки языческой Европы приобщались к христианству с тем, чтобы уже в рамках христианизированных государств вести свои внешнеполитические игры. И ко-

нечно, Византия лихорадочно расставляла сети для улавливания не столько душ новых прихожан, сколько для извлечения политических выгод, потому что за спиной константинопольского патриарха стояла светская императорская власть. Она диктовала византийской церкви свои политические решения.

Ольга попыталась сделать первый шаг в этом направлении; о крещении Руси вопрос еще не стоял. 9 сентября она просила императора о личном крещении, причем в присутствии его самого.

Константин VII в своих записях молчит по этому поводу, но русская летопись безыскусно, но красочно передает историю крещения Ольги, которая весьма напоминает старинное предание. И хотя легендарность этой записи трудно отрицать, но за флером легенды, туманной старины вдруг просвечивают такие реалистические, такие мирские страсти, о которых, возможно, не подозревал автор летописной записи. «Азь погана есмь,— будто бы заявила Ольга императору,— да аще мя хошеши крестити, то крести мя самъ; аще ли то не крещуся».

В этой фразе, кажется, отражена вся суть происходящих событий: и император, и Ольга — естественно, каждый в своих целях — шли навстречу друг другу. Константин VII хотел крестить в Константинополе русскую княгиню и видел в этом свою выгоду. Ольга тоже собиралась креститься, но с одним условием — чтобы ее крестным отцом являлся сам византийский император. Именно так было в случае с Болгарией, когда восприемником болгарского князя Бориса I стал император Михаил, давший ему свое христианское имя.

Во-вторых, Ольга просила, чтобы ей было даровано христианское имя Елены, не в честь жены Константина VII, хотя и в этом совпадении был весьма высокий расчет, а в честь императрицы Елены, матери Константина I, сделавшего христианство официальной религией Римской империи. И наконец, Ольга обратилась с просьбой,

чтобы император официально назвал ее своей дочерью. Кажется, что это само собой разумеется: если Константин VII выступает в роли крестного отца, то Ольга, естественно,— в роли крестной дочери. Но не об этом речь.

В раннем средневековье такие понятия, как отец, сын, брат, дочь, в отношениях между монархами различных государств были исполнены большого политического смысла. Известны случаи, когда иностранные правители для возвышения своего престижа настойчиво старались получить для детей титул «сына византийского императора».

Так, в VI веке персидский шах Кавад просил у Юстиниана I, чтобы тот «усыновил» его третьего сына Хосрова, будущего Хосрова I. Шах рассчитывал, что это поможет Хосрову в борьбе со своими братьями за персидский престол. Но ему было отказано, так как греки боялись, что такое «усыновление» обернется для них претензиями шахской династии на византийский престол.

Зато император Маврикий стал названным отцом шаха Хосрова II, что в известной степени ослабило длительный натиск персов на владения Византии.

Братьями именовали в империи франкских императоров. К болгарскому царю императоры обращались с титулом «сын». И руссы середины X века прекрасно понимали, что они хотели, к чему стремились, настаивая на титуле «дочь» в применении к титулу русской княгини — архонтиссы.

Судя по летописи, все эти просьбы были удовлетворены: «...И крести ю (ее) царь с патреархомъ... Бе же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати великаго Костянтина».

В заключении рассказа о пребывании Ольги в Константинополе сообщается, что император «отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собе».

Любопытно, что слово «дщерь» встречается в этом

же рассказе совсем в другом контексте именно в значении крестной дочери, но на прощальном отпуске Константин VII обратился к Ольге со словом «дщерь», что означало признание за ней определенного внешнеполитического титула. Русская княгиня добилась того, чего добивались до нее персидский шах, болгарский царь.

До полного равенства, до титула «брат», «сестра» было еще далеко, но и этот успех был весьма ощутимым в рамках европейского сообщества государств.

Крещение Ольги состоялось между первым и вторым визитами к императору, т. е. в интервале между 9 сентября и 18 октября 957 года. Мы даже можем догадываться, где это произошло,— в соборе святой Софии — главном храме Византийской империи, что также было не случайно.

Ольга выбрала местом своего крещения основную православную святыню империи, где вел службу и читал свои проповеди сам патриарх. Он же совершил над ней и обряд крещения.

О месте крещения Ольги мы косвенно узнаем и по такой, казалось бы, незначительной детали. На первом приеме во дворце Ольге было преподнесено ее «слезное» — содержание в Константинополе — 500 милиарисиев на дорогом блюде. Прошло триста лет, и в 1252 году русский паломник из Новгорода Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ новгородский Антоний, увидел в ризнице храма святой Софии драгоценное блюдо, принадлежавшее некогда русской княгине Ольге. «И блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань, ходивше ко Царюгороду. Во блюде же Олжин камень драгий, на том же камени написан Христос; от того Христа емлют печати людие на все добро; у того же блюда все по верхови жемчюгом учинено». Что это за блюдо? То ли, на котором Ольге преподнесли 500 милиарисиев, или какое-то другое, но ясно, что Ольга пожертвовала баснословно ценную вещь в храм

святой Софии. Почему такое внимание? Ответ напрашивается сам собой. Это был храм, где русская княгиня принимала крещение. Память о ней жила здесь и через триста лет.

Позади оказались волнения первых недель, позади — переговоры с императором, в ходе которых Ольга потерпела неудачу в стремлении женить своего сына на византийской принцессе, но настояла на почетном крещении, на получении титула дочери императора. С уверенностью можно утверждать, что обсуждались и подтверждение договора 944 года, и дальнейшая реализация военного союза двух государств. И все-таки думается, что стороны остались недовольны друг другом; Ольга и Святослав были оскорблены высокомерным отказом Константина VII в династическом браке, не могли забыть руссы и унижительно долгого ожидания «в Суду» по приезде в Константинополь. Поэтому не сразу Ольга согласилась предоставить своих воев в помощь Византии. Для продолжения переговоров на эту тему она пригласила императорское посольство к себе в Киев, и оно действительно вскоре туда явилось.

За этот месяц Ольга побывала дважды и у патриарха, и тот вел с ней беседы на религиозные темы «и заповеда ей о церковномъ уставе, о молитве и о посте, о милостыне и о въздержаньи тела чиста».

Наступил октябрь, приближался конец навигации, и русская флотилия стала готовиться в обратный путь.

18 октября состоялся прощальный прием Ольги. Именно там император нарек ее своей дочерью, преподнес ей прощальные дары — золото, серебро, драгоценные сосуды, дорогие ткани. В ответ он получил обещание русской княгини прислать ему дары из Киева и оказать военную помощь.

Затем был прощальный прием у патриарха, и снова состоялась беседа, и снова он излагал новообращенной христианке основы православного вероучения. Она же

жаловалась ему, молила: «Людые мои пагани и сын мой, дабы мя богъ съблюють от всякого зла».

Ольга была весьма озабочена тем, как встретят ее обращение в христианство на родине. Еще не забылись первые попытки христианизировать Русь в IX веке, когда новообращенные князья исчезали навеки со страниц истории, задавленные языческой толщей. И конечно, в эти годы не могло быть и речи об учреждении на Руси самостоятельной епархии, посылки на Русь архиепископа и т. д. Ни влиятельные языческое киевское боярство, ни восточно-славянские князья, ни княжеская дружина не позволили бы этого сделать. Поэтому не случайно, вернувшись в Киев, Ольга стала осторожно, но весьма настойчиво уговаривать сына принять крещение. Но тот, как сообщает летопись, хотя и не возбранял крещения, сам креститься не хотел и насмеялся над христианами: «Невернымъ (неверующим) бо вера хрестьянска уродство (юродство) есть». На иные уговоры матери Святослав тоже отвечал отказом, апеллируя к своей дружине: «Како азъ хочю инъ (иной) законъ прияти единъ? А дружина моя сему смеяться начнуть». И вновь мать уговаривала его: крестишься ты — крестятся и другие. Но Святослав стоял на своем.

Уже в это время мы видим, что молодой князь связывает накрепко свою жизнь с дружиной, и никакие уговоры матери, рисующей выгоды принятия христианства Киевской Русью, не способны поколебать его.

Хотя до разрыва между Ольгой и Святославом дело не дошло, но стало очевидно, что в Киеве четко оформились две политические группы: одна — стоящая за введение христианства и за ориентацию в этой связи на Византию, а другая — языческая, резко антивизантийская. Мужающий Святослав стоял во главе второй.

Но и Ольга не испытывала лично больших симпатий к Константинополю, хотя сумела добиться от императора и патриарха определенных политических привилегий.

Мучившие княгиню после отъезда из Константинополя чувства получили, наконец, простор, когда весной следующего года византийские послы явились в Киев закрепить договоренность об обещанной военной помощи.

Русская княгиня припомнила грекам все. И то, как она неделями ждала приема во дворце, и то, как она получила отказ в связи со сватовством Святослава. Русская летопись лаконично передала эти чувства княгини: когда послы напомнили ей, прибыв к киевским причалам, что русская княгиня, прощаясь, обещала Константину VII «вои в помощь», а также собиралась отдарить его челядью, воском, мехами, то Ольга велела сказать ему: «Постоиши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду, то тогда ти дам».

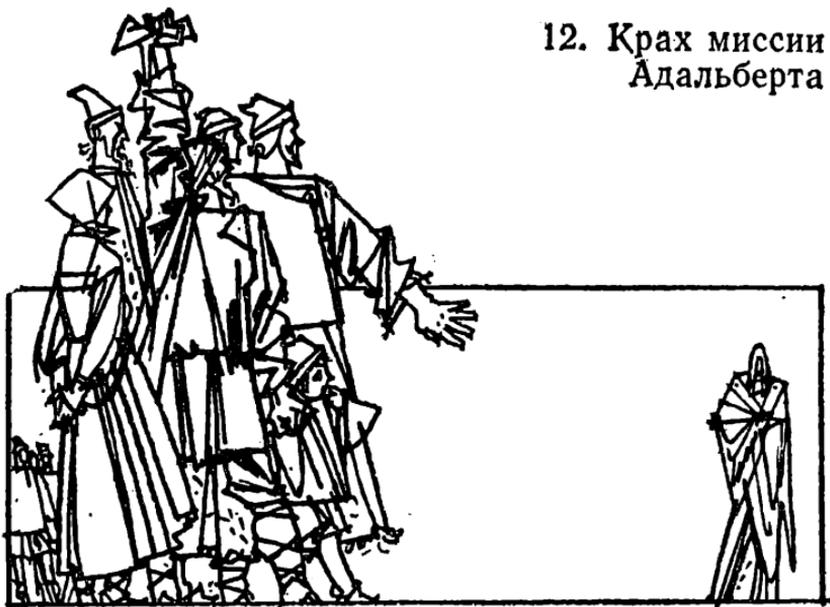
Горькая обида, уязвленное самолюбие, едкая ирония слышатся в этих словах, приведенных летописью.

Возможно, летописец расцветил события по собственному разумению, возможно, воспользовался какой-то древней легендой или прежними записями. Но ясно одно: в этом эпизоде отразилась большая неудовлетворенность русской княгини результатами визита в Византию, несмотря на видимые успехи и оказанные ей высочайшие знаки внимания.

Но несомненно и другое: политические отношения между двумя странами продолжали оставаться дружественными, греческие послы, натерпевшись в Киеве страхов и неудобств, все-таки, наверное, получили и челядь, и меха, и воск для своего императора, как и согласие послать воев в помощь. И такие вои действительно появились в империи в конце 50-х и начале 60-х годов, помогая грекам в войнах с арабами.

Но уже окончательно возмужал Святослав Игоревич. Не за горами были его первые военные походы, не за горами был реванш над высокомерными греками, о котором он, видимо, мечтал со времени тех печально памятных для него летних дней 957 года.

12. Крах миссии Адальберта

961 году в Киеве появился пришелец из Германского королевства — монах братии святого Максимиана по

имени Адальберт. Вместе с ним прибыли другие представители немецкого клира, охрана, слуги. С удивлением смотрели киевляне на бурную деятельность, которую развернул Адальберт в русской столице. Он мало бывал на своем немецком подворье, но часто появлялся в палатах видных бояр и купцов, бывал и в великокняжеском дворце у княгини-христианки. И повсюду Адальберт вел настойчивые разговоры о том, что пора уже Руси принять христианство из рук самого христианнейшего правителя в Европе — германского короля

Оттона I, который не сегодня завтра объявит свое государство Священной Римской империей в противовес погруженным в пороках грекам. Только империя Оттона может претендовать на великое наследие Рима, только она является первой державой мира и только там живет подлинная и чистая Христова вера.

Пытался Адальберт обращаться с проповедями и к киевским мирянам. Те стояли, мрачно слушали, а потом шли к холму Перуна и клали к его ногам свои скромные приношения.

Но Адальберт не успокаивался, предпринимая все новые и новые попытки обратить руссов в христианство по западному образцу, усилить в Киеве позиции немецкого духовенства, политического влияния Германии, поставить прочный заслон на пути грекам, пытавшимся также христианизировать Русь. С каждой неделей пребывания немцев в Киеве они делались все увереннее и наглее, а Адальберт вел себя уже как глава местной христианской общины, хотя эта община долгими десятилетиями была связана с константинопольской патриархией. Его друзья и приспешники даже именовали бойкого монаха епископом Руси. И уже шел ропот против разгулявшихся в Киеве немецких миссионеров среди простых людей — на Подоле, в ремесленных слободах и на горе. Открыто насмехались над ним дружинники Святослава, преданные своему Перуну, и Волосу, и другим древним богам, и сам Святослав не раз уже говорил с матерью, настаивая на изгнании немецких миссионеров, которые вели себя как полноправные духовные хозяева и наставники Руси. В Киеве назревал взрыв...

Этим событиям предшествовала довольно странная и неясная история, которая восходит к 959 году.

Под этим годом в немецкой хронике Продолжателя Регинона¹ было записано: «В лето воплощения господ-

¹ Так в науке именуется анонимный автор, продолживший труд немецкого хрониста Регинона.

ня 959... послы Елены, царицы ругов (руссов), которая при Романе¹, императоре константинопольском, крестилась в Константинополе, приходили притворно, как впоследствии оказалось, с просьбой к императору поставить епископа и пресвитеров их народу».

А далее начались непонятные события. Во Франкфурте-на-Майне, где Оттон I праздновал рождество Христово, монах Либуций из монастыря святого Альбана был посвящен в епископы для народа руссов достопочтенным епископом Адальгадом. Но Либуций не рвался в предназначенную ему епархию. Напротив, он всячески тянул дело с отъездом, а потом заболел и 15 марта следующего года скончался.

Начались поиски нового кандидата в русские епископы. И тут выбор пал на энергичного, предприимчивого брата Адальберта из монастыря святого Максимиана.

Выяснилось, что выбор этот был сделан не случайно. Адальберт чем-то не угодил высшим церковным властям королевства, и «по интригам и навету архиепископа Вильгельма» он был выдвинут в качестве кандидата на поездку в далекую Русь.

Император снабдил новоиспеченного епископа необходимым содержанием, дал ему верительные грамоты к княгине Ольге, и тот, проклиная, видимо, свою судьбу, бросившую его на неведомый восток Европы, отправился в путь.

Для чего же русское посольство появилось в германских землях в 959 году, действительно ли оно просило у Оттона I епископа на Русь или это было его благим пожеланием, остается неизвестным. Неясно также, что означают слова хрониста о «притворной» просьбе руссов. Анализируя этот латинский текст, ученые пришли к

¹ В период, о котором пишет здесь хронист, в Византии правил Роман II, сын Константина VII, который, кстати, тоже присутствовал в Константинополе во время визита туда Ольги и ее крещения. Так что немецкий хронист не слишком погрешил против истины.

выводу, что слово «притворно» относится именно к просьбе о направлении епископа на Русь. Но теперь возникает другой вопрос. Русь ли просила «притворно» или немцы ошибочно трактовали эту просьбу, с которой руссы вовсе и не обращались к Оттону I, и, сделав хорошую мину при неважной игре, снарядили в путь своего духовного клеветы, которого в общем-то никто в Киеве и не ждал. А может быть, русские послы превысили полномочия и под нажимом Оттона I согласились принять епископа на Русь?

Начнем с последней версии. Совершенно исключается, чтобы руссы без ведома своего правительства, без соответствующих на это инструкций могли обратиться с просьбой о поставлении епископа на Русь. Русские дипломатические каноны, как, впрочем, и многие другие, такое самоволие полностью исключали. Вспомним, как формулировались цели русских посольств в Византию, как строго они регламентировались, с какими четкими наказами-речами послы являлись в Константинополе и сколько туров переговоров и долгих путешествий между двумя столицами требовалось, чтобы принять какие-то серьезные решения. А тут ведь речь шла о новой религиозной и, следовательно, политической ориентации Руси. Нет, своевластно решиться на подобный шаг послы в Германии не могли.

Совершенно невероятен и такой поворот событий, чтобы Ольга сама просила епископа у Оттона I. Весь строй русско-византийских, русско-болгарских культурных и религиозных связей восставал против этого приглашения. Русские христиане давно уже были связаны с константинопольским патриархатом; греки прочно пустили свои религиозные корни на русской земле. Еще в IX веке руссы трижды получали крещение из рук греков, и вовсе не исключается, что Русь вслед за Болгарией или вместе с ней в 860-е годы приняла христианство, и Аскольд с Диром были первыми киевскими князья-

ми-христианами, смытыми впоследствии языческой волной.

В византийских источниках есть упоминания о направлении на Русь греческого епископа-миссионера в 60-е годы IX века. Наконец, и сама русская княгиня приняла христианство из рук византийского патриарха, а ее крестным отцом был сам император. Все это прекрасно знали в Риме и в Германии, которые уже в это время, до официального раскола церквей, стали соперниками византийской патриархии и императора, считавшего себя главой и светской, и религиозной власти. Недаром в одной из булл X века папа Иоанн XIII, утверждая пражское епископство, наказывал чешскому князю Болеславу II, чтобы он выбрал для богослужения в Праге «не человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка, но следуя апостольским установлениям и римским, выбрал лучше наиболее удобного всей церкви священника, особенно сведущего в латинском языке, который смог бы плугом вспахать сердца язычников». Славяно-греческий вариант епископа для Праги был, как видим, ненавистен римскому престолу и тесно связанному с ним немецкому духовенству.

Невероятно и еще одно предположение: что Ольга, пусть и раздраженная неудачными переговорами в Константинополе, осмелилась вопреки Святославу, его языческой дружине, набирающей силу вместе со своим молодым князем в общественной жизни Руси, учредить епархию во главе с немецким монахом в Киеве, где уже было немало христиан, связанных с константинопольской патриархией, и стояла церковь святого Ильи.

Все эти вопросы неоднократно ставились в специальной научной литературе и у нас в стране, и за рубежом, но ученые так и не пришли к единому мнению по этому поводу. В этой дискуссии мы тоже высказали свою точку зрения, и здесь, не претендуя на ее неопровержи-

мость, нам хочется высказать свой взгляд на дело, побудив читателя к самостоятельным размышлениям.

Понять смысл происходивших в конце 50-х годов событий можно лишь в том случае, если мы обратимся к столетней давности отношениям Руси и империи франков.

Со времени русского посольства в Ингельгейм, когда послов заподозрили в шпионаже, взяли под стражу, а потом решили выслать обратно в Византию, откуда они пожаловали к франкам, прошло сто с лишним лет. И за все это время мы ни разу не встречаем в источниках, ни русских, ни иностранных, ни единого упоминания, прямого или косвенного, о новых дипломатических контактах с Франкским государством или с образовавшимся на его основе Германским королевством.

Шли посольства к хазарам и печенегам, венграм и болгарам, к варягам и в Византию. Запад будто бы оставался за семью печатями. Но, наверное, это было не так. Двигались между Русью и немецкими землями купеческие караваны, проезжали послы и гонцы. В Киеве прекрасно знали, судя по летописи, о том, что происходило буквально во всех сопредельных странах. И все же постоянных дипломатических контактов между Германией и Русью так и не установилось. И это не могло не заботить киевское правительство.

В Киеве, как мы видели, весьма ревниво относились к государственно-престижным вопросам, заботились о том, чтобы занять достойное место в сообществе сопредельных стран, и многого добились в политическом и экономическом отношениях, расчистив широкий и регулярный доступ своим послам в соседние страны. Стереотипные договоры «мира и любви», «дружбы» связывали Русь того времени со многими соседями, и лишь набирающее силы Германское королевство до сих пор было вне дипломатических контактов Руси. Между тем Германия играла все большую роль в европейской политике; исто-

рия Чехии, Польши, Венгрии оказалась тесно связанной с историей Германии, а ведь это были ближайшие соседи Руси, и учитывать их отношения с Оттоном I было совершенно необходимо. Поэтому, русское посольство в Германию могло быть миссией доброй воли, стремившейся установить с сильной европейской страной дипломатические отношения «мира и любви», т. е. на тогдашнем языке — провести так называемое дипломатическое признание друг друга. Но такое признание не было просто ритуальным актом. Оно обычно наполнялось совершенно реальным содержанием: устанавливалось правило свободного доступа купцов обеих стран на свои рынки, декларировался беспрепятственный проезд посольских миссий и, возможно, обеспечивался транспорт для послов дружественной державы. Именно после неудачи посольства в Ингельгейме Русь, пережившая за эти десятилетия смену династий, длительные войны, собиравшие восточно-славянских земель в единое целое под эгидой Киева, обнадеживающую борьбу за выходы на восточные торговые пути и закрепление в Северном Причерноморье, теперь стремилась вовлечь в сферу своей внешнеполитической деятельности и далекую Германию.

Оттон I должен был ухватиться за эту возможность. Сильный правитель, религиозный фанатик, он мечтал о возрождении славы поверженной Римской империи. И действительно, в 962 году он объявил свое королевство империей, Священной империей, вобрав вместе с этим названием все светские и религиозные претензии на европейскую гегемонию: кресту в этих претензиях уделялось едва ли не первостепенное место. И когда русское посольство появилось в землях Оттона I, это могло быть расценено как возможность не только установления с Киевом дипломатических и торговых отношений, но и как широкое поле деятельности для немецкой церкви на Востоке. Конечно, во время переговоров в Германии возник вопрос о допущении немецких христи-

анских миссионеров на Русь, и вовсе не исключено, что руссы могли согласиться с этим в общем-то невинным предложением. Известно, что в Киеве жили и греки, и немцы, и варяги, и мусульмане, и евреи. В X веке, задолго до крещения, упоминается христианская церковь, позднее, уже во время безраздельного господства христианства, там существует синагога, где молились еврейские купцы и ростовщики; широко было представлено и язычество, которое как-то довольно спокойно уживалось с христианством, и власти не торопили события — не устраивали крестовых походов против волхвов и прибегали к оружию лишь в тех случаях, когда те поднимали народ на антифеодальные выступления. Все это свидетельствует об известной веротерпимости на Руси. Не случайно согласно легенде, включенной в «Повесть временных лет», Владимир, крестя Русь, не сразу остановился на христианстве, «испытывал» веры, выслушивал мнение о них пришельцев из разных стран, посылал своих людей по белу свету, собирая сведения о греческом православии, мусульманстве, иудаизме, немецкой «папешской» вере, и лишь после этого решил крестить Русь по византийскому образцу.

Поэтому нет никакого дива в том, что немецкий епископ получил возможность появиться на Руси. Но у воинственного, религиозного фанатика Оттона I с этой миссией наверняка были связаны далеко идущие планы. На Востоке находились обширные, богатые и густонаселенные славянские земли. Всего было вдоволь в этих землях, только не было там, по мнению немецких цивилизаторов, надлежащего порядка, и им предстояло просветить, обратить в свою веру эту огромную языческую массу и тем самым неизмеримо раздвинуть сферы влияния Священной империи. За армией священников должны были двинуться армии рыцарей. Задолго до зарождения религиозно-рыцарских орденов немецкая феодальная верхушка вынашивала планы завоевания

крестом и мечом востока Европы. Так появилась идея о посвящении в епископы Руси одного из деятельных немецких монахов, о чем, кстати, никто не просил и просить не мог.

Как видно из немецкой хроники, дело это было хлопотливое и ненадежное, и недаром первый кандидат медлил с отъездом, да и второй воспринял свое назначение без восторга, обвинив архиепископа Вильгельма в наветах и интригах. Действительно, что мог ждать для себя Адальберт за тридцать земель, в неведомом языческом краю? Но, судя по всему, человек он был предприимчивый и волевой: недаром его деятельность была отмечена (правда, в негативном плане) высоким духовным лицом. Да и позднее, уже вернувшись из Киева, он был обласкан императором, прощен архиепископом Вильгельмом и не затерялся среди многочисленного немецкого клира, а пробился наверх, стал даже архиепископом Магдебурга. Многие исследователи также сошлись на том, что анонимным продолжателем хроники Регинона и являлся сам претендент в русские епископы. Он же сам и описал в хронике всю эту историю.

И вот рукоположенный в епископы Руси Адальберт прибывает на Русь. Возможно, что он осуществлял и дипломатическую миссию, отдав, так сказать, киевскому правительству ответный визит «мира и дружбы» и затвердив устанавливающиеся добрососедские отношения между странами. Но все повернулось по-другому. В Киеве ждали скромного монаха, а явился властный и неугомонный креститель, ждали спокойного миссионера, а пришел человек, облеченный не только религиозными, но и политическими полномочиями.

Позднее, под 962 годом, незадачливый епископ записал о дальнейшей судьбе своей миссии в Киеве: «...Адальберт, посвященный в епископы для рогов, не сумев преуспеть ни в чем, для чего он был послан, и видя свой труд тщетным, вернулся назад. На обратном пути

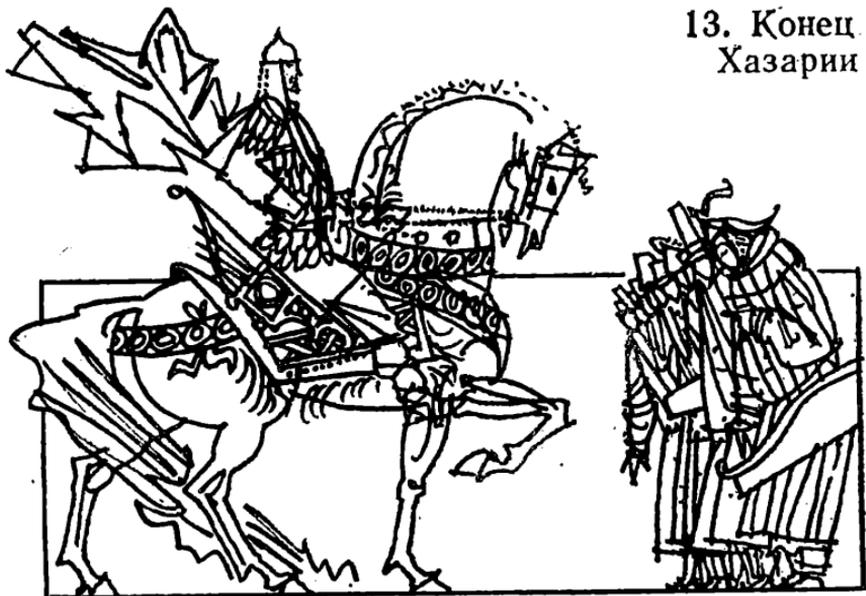
некоторые из его спутников были убиты, и сам он с большим трудом едва спасся, и прибыв к императору, был принят им с любовью. Архиепископ Вильгельм, как бы в вознаграждение за такое неприятное путешествие, обласкал его как брат брата и оказал ему поддержку всеми зависящими от него средствами».

Как видим, Адальберт молчит о том, что произошло в Киеве. Но, зная общую обстановку в русской столице того времени, острейшие противоречия между идущими в наступление христианами во главе с Ольгой и языческой дружиной, возглавляемой Святославом, за которыми была еще мощная народная традиция, можно предположить, что бурная, неосмотрительная, высокомерная деятельность Адальберта в Киеве вызвала взрыв со стороны языческой партии. Немецким миссионерам пришлось спасаться бегством, и многие соратники епископа погибли — то ли во время расправы с ними в Киеве, то ли во время бегства на пути в Германию.

И все же обмен посольствами, несмотря на серьезные недоразумения, не прошел даром. Дипломатические контакты Руси с Германской империей были установлены. И уже в 973 году на имперском съезде в немецком городе Кведлинбурге среди прибывших на съезд посольств из папского Рима, Италии, Византии, Венгрии, Дании, Польши, Болгарий, Чехии значилось и посольство от Руси. Причем немецкий хронист, сообщивший об этом, подчеркнул, что русское посольство явилось с богатыми дарами.

Завязались отношения, которые вылились уже в XI — XII веках в прочные межгосударственные контакты двух государств.

13. Конец Хазарии

Б Киеве еще не забылись события, связанные с бегством Адальберта, а уже новые вести будоражили киевлян. Выступление языческой дружины во главе со Святославом против христианских миссионеров отодвинуло в тень Ольгу, и теперь Святослав Игоревич прочно взял в свои руки бразды правления. В то время ему было около двадцати пяти лет.

Колоритно описывает его русская летопись: легкий в движениях, как гепард, храбрый, всю свою энергию он направлял на создание сильной дружины. С ней он будет искать себе славы. С ней будет побеждать, с ней и погибнет в конце концов на порогах. Летописец подчер-

кивает его неприязнительность, спартанские обычаи: «Ходя возъ по собе не возяше, ни котъла, ни мясьваря, но потонку изрезавъ конину ли, зверину ли или говядину на углех испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъякладъ постлавъ (подстелив потник) и седло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху». Оставил портрет Святослава и византийский историк Лев Дьякон, опиравший личные переговоры русского князя с императором Иоанном Цимисхием: бритый по русскому обычаю череп с длинной прядью волос, свисающей вниз, золотая серьга с крупным рубином в левом ухе, мрачный взгляд, незатейливая скромная одежда, отличающаяся своей чистотой, высокое чувство собственного достоинства, которое веяло от всей его фигуры.

А Киев все более и более наливался дружинным духом, который активно возвращал сам князь. А рядом с ним стояли и убеленные сединами воеводы его отца, прошедшие тяготы русско-византийской войны и восточного похода,— Свенельд, Асмуд и другие, и новое, молодое дружинное племя.

В Киев прибывали все новые и новые вои, город наполнился слухами о новых предстоящих военных походах, но никто не ведал, куда направит свои легкие шаги молодой дружинный гепард.

Весной 964 года, едва подсохли дороги, русское войско выступило в поход, но направление его было необычным и странным: не в ладьях, не по старинному пути по Днепру выступили в путь вои Святослава, а конным и пешим строем в сторону восточных лесов.

Позднее летописец записал: «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же реща (сказали): «Козаромъ по шьялгу от рала (плуга) даемъ». И на этом диалог с вятичами обрывается, нет ни слова о том, чтобы вятичи прекратили уплату дани каганату и стали выплачивать ее Киеву, тем самым признав его власть и войдя в состав Древне-

русского государства. Нет. Вопрос этот, судя по летописи, даже не был поставлен. И уже следующая летописная запись показала смысл всех важных приготовлений Святослава. Под 965 годом следует запись: «Иде Святославъ на козары».

За этой лаконичной и бесстрастной фразой стоит целая эпоха освобождения восточно-славянских земель из-под ига хазар, превращения конфедераций восточно-славянских племен в единое Древнерусское государство. Это было время консолидаций и самоутверждения, новых внешнеполитических контактов и поисков новых торговых путей, и Хазария традиционно была врагом в этом становлении Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным. Даже влияние Византии в пользу своего нового союзника в борьбе с арабами — Руси не растопила былой ненависти каганата к бывшему своему сателлиту. Повсюду, где только можно было, Хазария противодействовала Руси, закрывала ей путь на Восток, образовав здесь мощный антирусский блок в составе Волжской Булгарии, бургасов, других поокских и поволжских племен, некоторых народов Северного Кавказа. По-прежнему восточно-славянское племя вятичей находилось в зависимости от каганата, и это несмотря на то, что они уже ходили вместе со всем русским войском в поход на Константинополь еще при Олеге.

Трудно складывалась борьба Руси против извечного соперника, за которым долгими десятилетиями стояла Византия. Приходилось терпеть рядом со своими пределами крепость Саркел, приходилось терпеть коварные нападения на возвратных с Востока путях. Сто с лишним лет шаг за шагом отодвигала Русь Хазарский каганат в сторону от своих судеб, но и до середины X века Хазария, хотя и слабеющая и изолированная, была одним из главных врагов поднимающегося славянства.

Казалось, что в 944 году Русь получила от Византии свободу рук в борьбе с хазарами, но новые заботы ото-

двинули противоборство с каганатом. И все же в Кисве отлично сознавали, что русско-византийский договор 944 года своими военно-союзными статьями был направлен против каганата. И в Константинополь шли и шли русские вои, которых посылали против сицилийских и критских арабов, размещали в крепостях на границе с захваченной арабами бывшей византийской провинцией Сирией, заставляли драться на Востоке. Русь выполняла свои союзнические обязательства, надеясь, что наступит, наконец, и для нее звездный час, и Хазария, покинутая своим прежним союзником, будет сокрушена.

Новый поход Руси на Восток был, таким образом, подготовлен всем ходом взаимоотношений Византии, Руси и Хазарии, был для Руси обеспечен дипломатически и, как следует из летописных записей, хорошо оснащен в военном отношении. Святослав, по мере своего возмужания, «нача вои совокупляти многи и храбры». А после изгнания Адальберта, оттеснения киевских христиан во главе с Ольгой, языческая дружина киевского князя, видимо, превратилась в действительно мощную силу. Вои шли и шли в Киев, и горожане готовились к чему-то необычному, пока, наконец, оставив мать в Киеве во главе русского правительства, Святослав не двинулся на Оку.

Любили древние руссы загадывать неожиданные и дерзкие загадки своим противникам, тщательно готовили военные походы, и даже многоопытные и хитрые греки, имевшие всюду свои глаза и уши, становились в тупик во время молниеносных и неожиданных нападений русских ратей на Константинополь. Кто мог предположить, что Святослав двинется на Хазарию таким необычным путем?

Русская рать направилась по старинной торговой дороге, ведущей к берегам Волги, к городу Булгару — столице волжских булгар. От Киева русские караваны шли в район нынешнего Воронежа, далее через лесостепные

пространства в район Пензы и южнее Тамбова, а затем через мордовские леса и степи к правому берегу Волги.

Вот на этом пути Святослав и «налезе» вятичей, которые жили тогда в междуречье Оки и Волги и двигались далее на север.

Оставив за спиной вятичей, Святослав двинулся дальше. Куда? Ведь на Хазарский каганат он обрушился лишь в 965 году, а год провел где-то в окрестном междуречье. Ответ на этот вопрос дает арабский автор второй половины X века Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и государств». Он пишет, что «свершили свой набег эти (руссы) на всех, кто был на берегу Итиля (Волги), из числа хазар, болгар и буртасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абвад и укрепился на нем, а часть их — на острове Сийах-Куих, живущие в страхе». Далее он отметил: «Не оставил в наше время ничего этого ни у буртасов, ни у хазар народ рус, кроме разбросанной неполной [части]...» И еще неоднократно арабский автор вспоминает, что руссы приходили в города болгар и хазар, что они опустошили город Булгар, напали на столицу Хазарии город Итиль, находившийся на обоих берегах Волги в районе современной Астрахани.

Все это значит лишь одно: прежде чем нанести удар по Хазарии, Святослав предпринял поход через славянские земли вятичей в самое сердце владений постоянных союзников хазар — волжских болгар и буртасов. Становится понятным, почему киевский князь, узнав, что вятичи платят дань хазарам, не заявил традиционное — «дайте мне»: ему на этот раз было нужно не подчинение Киеву лесных, гордых, воинственных вятичей, а благожелательный и дружелюбный тыл на время войны с булгарами и буртасами.

Так оно и случилось. Хазары обычно ждали прихода руссов по воде с Азовского моря, с берегов Дона. Теперь же они обрушились на них с севера, разгромив

предварительно их союзников. Буртасы были избиты и рассеяны, города волжских булгар захвачены, столица их опустошена, а население также рассеяно. Руссы спустились вниз по Волге и вошли во владения Хазарского каганата.

Далее мы вновь обращаемся к летописи. Она сообщает, что хазары, узнав о выходе русского войска, изготовились к бою. Несомненно, что в Итиле уже знали о разгроме булгар и буртасов и теперь союзники не могли помочь хазарам. Каган сам возглавил войско.

Где-то на берегах Волги, на подступах к хазарской столице состоялось основное сражение между войском Святослава и хазар. Записано в летописи: «И съступишася битися, и бывши брани, одоле Святославъ козаромъ». Победа была полная, войска кагана рассеяны, и путь на хазарскую столицу открыт. Вскоре Итиль был взят, но война не была закончена. В распоряжении хазар находилось еще несколько крупных городов — Семендер на Северном Кавказе, Саркел на донской переправе, Хазаран. Святослав поначалу выбрал южное направление. Ибн-Хаукаль писал, что в «Хазарской стороне есть город, называемый Самандар (Семендер), он между [Хазарской стороной] и Баб-ал-Абвадом (Дербентом)... были в нем многочисленные сады: говорят, что содержали около 40 тысяч виноградников... пришли на него русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма...».

Семендер был прежней столицей Хазарии, и возможно, что именно здесь укрылся каган после падения Итиля.

Поход на Семендер был быстротечен; руссы разорили город, сожгли его богатые виноградники, но долго здесь не оставались, не вступали в сражения с местными мусульманскими войсками, не углубились дальше за Дербент, высказали равнодушие к прежним объектам нападения войск Олега и Игоря — Южному Прикаспию,

берегам Азербайджана, богатым городам на Куре; они остались на сей раз нетронутыми. Не обещания, данные в Константинополе, вели сюда Святослава, а стремление разгромить, наконец, Хазарию — старинного врага. Возможно, греки согласно договору 944 года и требовали от киевского князя и его матери послать очередное русское войско против арабов и их сателлитов в Закавказье, возможно, Святослав и имитировал такой поход, дойдя до Семендера. Но мы уже начинаем замечать, что с начала 60-х годов, т. е. с того времени, как Святослав взял власть в свои руки в Киеве, исчезают сведения о посылке русских воев в Византию и, напротив, появляются признаки нового охлаждения отношений между двумя странами.

Не Закавказье, не арабы, а Поволжье, Приазовье, Хазария были на этот раз главной целью Руси, и Семендер явился поэтому крайней южной точкой похода.

Пройдя затем через Северный Кавказ, землю ясов (алан) и касогов и пововав их, как союзников Хазарии, Святослав обрушился на крепость Саркел, или Белую Вежу, как называли ее на Руси. Саркел был взят и уничтожен до основания. Археологические исследования показали, что Святослав буквально стер с лица земли этот старинный антирусский форпост на Дону, через который всем руссам,двигающимся водным путем на Восток, приходилось проходить буквально склонив голову. Следы пожарищ, разрушенных зданий, разбитых крепостных стен — таким предстает Саркел по данным археологов. Со времени взятия Святославом эта хазарская крепость исчезает со страниц истории.

Теперь поход был закончен: главная цель достигнута — Хазария сокрушена. Русское войско прочертило в этих краях огромный треугольник между точками Итиль — Семендер — Саркел, между устьем Волги, восточным побережьем Каспия, нижним течением Дона. На севере находились поверженные булгары и буртасы.

Своим восточным углом этот треугольник был обращен к Приазовью, Таманскому полуострову, Боспору Киммерийскому — Керченскому проливу, где издавна находились русские поселения. Отсюда было рукой подать до крымских владений Византии.

Под 966 годом летопись сообщила, что Святослав победил вятичей, а это может означать, что русский князь ни в 965, ни в 966 году еще не возвращался в Киев. Методично, шаг за шагом осуществлял он свои цели. Когда пала Хазария и были сокрушены ее союзники, пробил час и вятичей; они вошли в состав Русского государства: Святослав «дань на нихъ възложи».

По существу три года провел Святослав в походе и за это время подчинил своему влиянию огромную территорию — от окских лесов до виноградного Семендера. Русская летопись молчит по поводу того, какие шаги по управлению краем предприняли руссы, и по ее данным можно понять, что Святослава интересовало лишь военное сокрушение противников. Но тот же осведомленный автор Ибн-Хаукаль и здесь приоткрывает характер отношений руссов и завоеванного населения. Он рассказывает, что руссы, победив болгар, буртасов и хазар, поначалу рассеяли жителей здешних городов, или те сами разбежались в разные стороны, в том числе поначалу спасаясь и в южных районах Хазарии, между Семендером и Дербентом, но многие стремились остаться по соседству со своими областями, а большинство из них позднее вернулось в Итиль и Хазаран, а это значит, что не все районы Хазарии испытали участь Саркела. «Они,— сообщил Ибн-Хаукаль,— надеясь, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им (руссам) за то, что (руссы) оказали ему (ширваншаху) благодеяние для них (беженцев)». Речь идет о том, что, спасаясь от нападавших, жители хазарских городов сначала бежали во владения ширваншаха к Дербенту, а потом после какого-то благодеяния руссов по отноше-

нию к беженцам через ширваншаха вернулись в родные места.

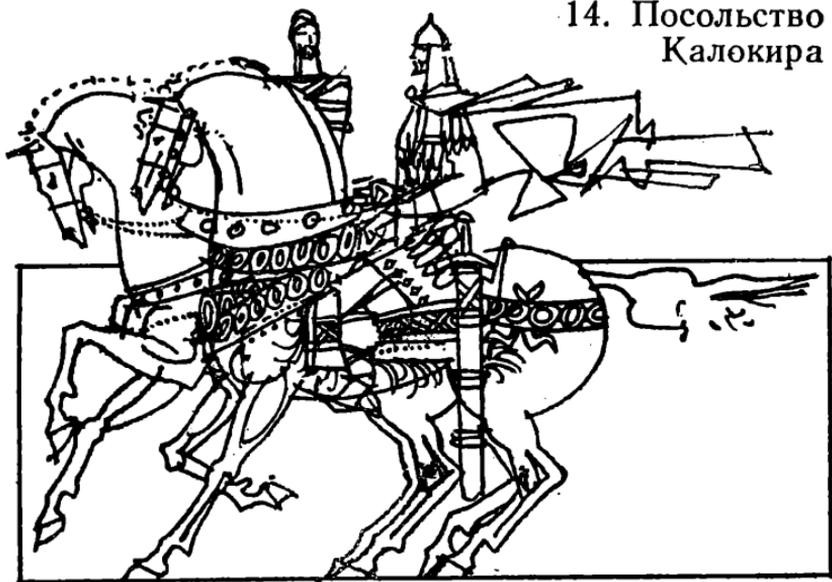
Сообщение это чрезвычайно многозначительно. Оно показывает, что, расправившись с хазарской верхушкой, уничтожив армию каганата, стерев с лица земли его военные крепости, руссы вовсе не собирались воевать с мирным населением и приглашали его вернуться на старые места, возможно, дали даже гарантии ширваншаху, что им не будет причинено никакого ущерба. Тут и появляется идея о заключении между населением завоеванного края и руссами договора, смысл которого очень хорошо передает арабский автор: речь идет о покорности населения Руси. Конечно, договор руссы могли заключить не с безвестными беглецами, вернувшимися впоследствии в свои жилища, а с сановными и известными в Хазарии людьми, принявшими сторону русского князя. Думается, что таких людей среди правящей верхушки каганата было уже предостаточно, потому что русское влияние в крае росло с каждым годом. Вот с этими-то «своими» людьми и заключили руссы договор, о котором упоминает Ибн-Хаукаль. Смысл его в подчинении районов Поволжья, Приазовья, Подонья русской власти, превращении Хазарии в сателлита Руси.

И все эти три года Византия хранила полное молчание по поводу действий Руси в Поволжье, Приазовье и на Северном Кавказе, но только потому, что Русь наносила удар за ударом по их общему врагу, использовала сполна свободу рук, которая была ей предоставлена русско-византийским договором 944 года.

Поход Святослава окончательно положил конец хазарскому игу над восточно-славянскими землями, освободил из-под влияния хазар племя вятичей, убрал с пути мощный военный заслон, закрывавший пути русскому купечеству на Восток, ликвидировал силу, всегда готовую нанести удар Руси в спину во время ее военных предприятий на юге и востоке.

Теперь в Северном Причерноморье, в районе устья Днепра, на Таманском полуострове, Русь могла не опасаться давления со стороны хазар. Получили весьма наглядный военный урок и поволжские и северокавказские союзники Хазарии. Резко изменилась вся обстановка в регионе. Русь выходила здесь на первые роли, возвращая себе утраченные в ходе многочисленных степных вторжений позиции. Лишь Херсонес и другие византийские поселения в Крыму и Северном Причерноморье, за которыми стояла вся мощь империи, способны были противостоять здесь историческим притязаниям Руси. Весь ход событий подводил к новому противостоянию Древнерусского государства с Византийской империей.

14. Посольство Калокира

конце 966-го или начале 967 года к Святославу прибыл необычный гонец. Это был сын херсонесского

стратига Калокир, которого направил к русскому князю правивший в это время в Византии император Никифор Фока. Об этом рассказал в своей «Истории» уже знакомый нам византийский автор X века Лев Дьякон Калойский.

Прежде чем направить молодого человека к северному соседу, Никифор Фока вызвал его в Константинополь, присвоил ему высокое звание патрикия и снабдил для вручения руссам изрядной суммой золота.

Калокир был человеком незаурядных личных качеств. Лев Дьякон называет его «отважным» и «пыл-

ким». Потом он не раз еще возвращается к его личности на протяжении своего труда, и перед нами предстает фигура действительно необычная. Несмотря на свою молодость, это был человек больших и зрелых политических страстей, любивший рискованную игру, в которой не боялся сделать ставкой собственное благополучие и даже жизнь.

Главная цель, ради которой, согласно византийскому хронисту, Калокир был срочно направлен к Святославу, заключалась в том, чтобы уговорить его выступить в союзе с Византией против Болгарии. Конфликт между этими странами достиг своего высшего накала в 966 году, когда Никифор Фока повел свои войска против болгар.

В качестве подкрепления просьбы Калокир вез с собой 1500 фунтов (или 15 кентенариев, в греческом исчислении) золота, которое должно было пойти в уплату русских союзных действий на Дунае. «Посланный по царской его воле к тавроскифам (как называли в Византии руссов) патрикий Калокир, пришедший в Скифию (Русь), понравился начальнику тавров, подкупил его дарами, очаровал лестными словами... и убедил идти против мисян (болгар) с великою ратью с тем условием, чтобы он, покоривше их, удержал их страну в собственной власти, а ему содействовал в завоевании Римского государства и получении престола. Он обещал ему (Святославу) за то доставить великие бесчисленные сокровища из казны государственной».

Дело приняло совершенно неожиданный оборот: явившись к Святославу в качестве императорского посла, Калокир вступил с русским князем в немедленный и тайный сговор. Смыслом этого сговора стало сотрудничество Калокира и Святослава против императора Никифора Фоки, против его балканской политики. По Льву Дьякону получается, что Никифор Фока, приглашая Святослава на Дунай в качестве союзника против

болгар, на самом деле приобрел ярого врага, да не одного, а сразу двух — еще и неугомонного молодого патрикия, которого уже не удовлетворяло высокое положение при дворе, не прельщала роль посла. Ему грезились императорская корона, он мечтал, опираясь на русские мечи, сокрушить своего конкурента, захватить Константинополь, возблагодарить за это Святослава, отдав ему в уплату за великую услугу болгарские земли.

У Льва Дьякона все это изложено предельно просто и ясно, и это изложение в течение долгих столетий являлось основой для понимания сложных болгаро-византийско-русских отношений. Считалось, что Никифор Фока закупил Святослава, сделал его игрушкой в своих руках, орудием в борьбе с Болгарией. Эту роль Святослав играл и далее, а потом вышел из-под влияния Византии и по наущению Калокира начал против империи войну.

Такая трактовка событий была выгодна в 20—30-е годы XX века и болгарским буржуазным националистам, которые старались посеять в своем народе вражду к русскому, советскому народу и, вороша прошлое, найти там враждебные Руси идеи и образы, культивировать их, делать орудием своей антирусской, антисоветской политики.

Так версия, созданная официальным историографом византийского императора Василия II, по прозвищу Болгаробойца, надолго вошла в историю.

И лишь в последнее десятилетие все чаще и чаще в исторической науке, советской и зарубежной, стали высказываться сомнения в этой концепции византийского хрониста.

В работах советских ученых М. Н. Тихомирова, М. А. Левченко, В. Т. Пашуто, Г. Г. Литаврина, болгарских исследователей П. Мутафчиева, Д. Ангелова, англичанина А. Стоукса и некоторых других было выражено явное недоверие версиям Льва Дьякона, обращено

внимание на иные византийские и восточные источники, значительно корректирующие точку зрения этого хрониста.

Стало выявляться, что многого Лев Дьякон не знал, о многом умолчал.

Итак, что же происходило в действительности?

На время отвлечемся от миссии Калокира и обратимся к византийско-болгарским отношениям. Прав ли был Лев Дьякон, когда писал о нарастании вражды между Византией и Болгарией и обращении византийского императора за помощью к Святославу?

В то время, как Святослав воевал с Хазарией и пытался закрепить за собой земли Приазовья и Поволжья, на Балканах назревали события, которым в ближайшее время суждено было играть решающую роль в отношениях трех государств — Византии, Болгарии и Руси.

В 965—966 годах между Византией и Болгарией разгорелся жестокий конфликт. Болгарское посольство, явившееся в Константинополь за данью, было с позором изгнано из страны. Никифор Фока заявил послам: «Ужасное постигло бедствие ромеев (византийцев), если они, победители всех неприятелей, должны теперь платить дань, как невольники, бедному и гнусному народу скифскому».

Но дело было не в дани. Уже несколько десятилетий Византия выплачивала дань Болгарии, облаченную, как уже говорилось, в форму содержания византийской принцессы Марии, ставшей женой болгарского царя Петра.

Мария скончалась в 963 году, и теперь у Византии руки оказались развязанными, а первопричиной разрыва явилась крепнущая вражда империи к своему северному соседу.

Казалось, Византия в своих отношениях с Болгарией со времени смерти царя Симеона, с 927 года, добилась многого. На престоле сидел нерешительный, окружен-

ный провизантийски настроенным боярством царь Петр; соратники Симеона были отодвинуты в тень. С каждым десятилетием Болгария сдавала империи позицию за позицией. Константинополь приносил в свои отношения с Преславой все большую степень диктата, все больше вмешивался во внутренние дела страны, активно поддерживал своих сторонников в болгарской столице. Этому способствовало и общее политическое и экономическое ослабление Болгарии. Страна вступила в период феодальной раздробленности. Развитие крупного боярского землевладения способствовало возникновению политического сепаратизма, приводило к обнищанию народных масс, к обострению классовой борьбы. Выход из кризиса болгарская правящая верхушка искала во все более и более тесных связях с Византией, она старалась привязать страну к имперской внешней политике, стала проводником византийского церковного и культурного влияния.

Крутой поворот произошел в отношениях Болгарии и Руси. Прежние друзья, страны-братья, связанные давними культурными традициями, экономическими узами, этнической общностью, уходившей еще к временам антов и склавинов, они не раз совместно выступали против Византии. Теперь все изменилось. С подозрением и ненавистью следили провизантийски настроенные болгарские руководители за усилением Руси, за ее успехами на Востоке, закреплением в Северном Причерноморье. В 40-е годы болгары вместе с херсонесцами дважды предупреждали Константинополь о выходе русских ратей. С негодованием и горечью воспринимали эти перемены в Киеве.

Одновременно шел процесс усиления византийской империи. Уже в последние годы правления Романа II византийские армии, ведомые талантливыми полководцами, братьями Никифором Фокой и Львом Фокой, добились ощутимых успехов в борьбе с арабами. В 961 году

после семимесячной осады пала столица критских арабов Хандан. В этом походе участвовал и русский союзный отряд. Византийский флот господствовал на Эгейском море. Лев Фока одерживал победы на Востоке. Вернувшись в Константинополь, Никифор вскоре отправился в Азию; в повестке дня стояла борьба за Сирию, отвоевание Антиохии.

В середине марта 963 года внезапно умер сын Константина VII Роман II. Наследнику престола Василию было лишь пять лет. И в это время, опираясь на свои восточные войска и имея поддержку в лице императрицы Феофано, Никифор Фока провозгласил себя императором. В середине августа этого же года он вступил в Константинополь. Стареющий полководец, суровый воин, мрачный человек, он продолжал целеустремленно строить новую византийскую армию, главным ядром которой стали закованные в броню тяжелые всадники. Вскоре он отвоевал у арабов остров Кипр, теснил их в Малой Азии, готовил поход на Антиохию. Византия этого времени уже мало напоминала империю Льва VI, сгибающуюся под натиском халифата, Болгарии, Руси. Арабский халифат вступил в полосу феодальной раздробленности. Русь была замирена, Болгария, кажется, послушно подчинялась воле Константинополя.

И все же в вековом противоборстве двух стран Болгария еще не была сломлена. Живы были традиции царя Симеона: хотя в Преславе и отступили в тень, но не сдались противники Византии и сторонники дружбы с Русью. Провизантийская правительственная политика встречала недовольство со стороны болгарского народа, части боярства и духовенства.

В Константинополе внимательно следили за развитием событий в Болгарии, выжидая удобный момент для нанесения старому врагу окончательного решающего удара. Именно в это время Константин VII в своих трудах давал резко отрицательные оценки болгарам, имен-

но в это время Никифор Фока, готовя армии против арабов, ни на минуту не забывал о Болгарии, и, едва умерла болгарская царица Мария, Византия немедленно отказалась платить дань Петру. Когда же Болгария поставила вопрос о возобновлении мирного договора 927 года, византийское правительство потребовало, чтобы сыновья Петра — Роман и Борис — явились в Константинополь в качестве заложников, а сама Болгария обязалась бы не пропускать венгерские войска по своей территории к византийским границам.

В 966 году произошел окончательный разрыв отношений; болгарские послы были с позором изгнаны Никифором Фокой из империи.

Лев Дьякон, сообщив об этом событии, умолчал о самом главном, о чем сообщили другие византийские хронисты — Иоанн Скилица и Иоанн Зонара, — о том, что, несмотря на требование Византии, Болгария продолжала сквозь пальцы смотреть на проход венгерских войск по территории Болгарии к владениям Византии.

В середине 60-х годов венгры продолжали совершать свои антивизантийские рейды, и между Венгрией и Болгарией существовало соглашение о том, что во время прохода по болгарской территории венгерские войска должны проявлять лояльность по отношению к болгарскому населению.

Греки обвиняли Преславу в вероломстве, в скрытой борьбе против Византии руками венгров, грозили. Болгары либо не хотели, либо не могли препятствовать венгерским рейдам. Вполне возможно, что в болгарском руководстве по этому вопросу тоже не было единства, и борьба про- и антивизантийской группировок в центральном правительстве отражалась и на отношениях с венграми. Ненавистники Византии с удовольствием использовали военную силу венгров в борьбе против своего заклятого врага — империи.

Существует любопытное известие арабского автора Яхьи Антиохийского, который записал в своем историческом сочинении, что болгары, воспользовавшись отвлечением византийских сил на Крит, напали на окраинные владения империи и опустошили их. Кто совершил этот набег, с чьего ведома, знало ли об этом правительство в Преславе, или это была инициатива настроенных антивизантийски и неуправляемых местных феодалов,— сказать невозможно, но ясно одно, что не все так просто было в отношениях Болгарии и Византии, и выставленные греками условия о возобновлении мирного договора, условия унижительные, оскорбительные для достоинства болгар, указывали на всю степень недоверия и ненависти, которую питали правящие круги Византии к Болгарскому царству.

В Киеве с тревогой следили за развитием болгаровизантийских отношений. Место прежнего дружественного Руси Болгарского государства заняла слабеющая, оказавшаяся в руках провизантийской группировки, враждебная Руси Болгария. Это было вдвойне опасно и потому, что Болгария испокон веков контролировала русские торговые пути вдоль западного берега Черного моря, через низовые дунайские города вплоть до византийской границы. Объединение Болгарии с печенегами и остатками хазар могло представить серьезную опасность для Руси с юго-запада, поставить под вопрос существование русских форпостов в устье Днепра, на Белобережье. И понятно, что в интересах Руси было поддержать любые антивизантийские действия определенной части болгарской знати.

В 966 году Никифор Фока двинул к границам Болгарии свои войска, а Калокир срочно выехал в Киев, звать, как считает Лев Дьякон, Святослава против Болгарии.

Греки повоевали пограничные владения Болгарии, овладели здесь многими городами, но идти сквозь Бал-

каны на Преславу Никифор поостерегся. Отправив к Святославу Калокира, он и вовсе прекратил против болгар военные действия и вновь переключился на борьбу с арабами: отослал флот в Сицилию, сам же во главе сухопутной армии направился в Сирию.

В это время в Киеве Калокир вел переговоры со Святославом, и рождалась мысль о походе русского войска на Дунай и далее на Константинополь с тем, чтобы нанести решающий удар Византии, а заодно помочь Калокиру овладеть императорским тронem.

И все же и здесь Лев Дьякон погрешил против истины, как и в случае с объяснением истинных причин разрыва отношений между Византией и Болгарией. Он замолчал обстоятельства чрезвычайной важности: скрыл или не знал факт состояния войны между Византией и Русью в 965 или в 966 году.

Именно об этом рассказал хорошо осведомленный арабский хронист, уже знакомый нам Яхья Антиохийский.

Описывая события этого же периода, он отметил, что византийский император отправился походом на болгар «и поразил их и заключил мир с руссами — а были они в войне с ним — и условился с ними воевать болгар и напасть на них». Все в этом сообщении сходится со сведениями Льва Дьякона. Лишь одну новую деталь сообщает арабский автор — но какую! — о войне между Русью и Византией в этот период и о заключении между ними мира, одним из условий которого являлось согласие Руси напасть на Болгарию.

Но можно ли верить арабскому автору, не выдумывает ли он этого конфликта, о котором молчат византийские источники? Оказывается, что нет.

Действительно, после разгрома Хазарии в течение 965—966 годов не было слышно о каких-то крупных походах Святослава. Подчинение вятичей после сокрушения каганата, возможно, такого похода и не требовало.

Но где же провел Святослав этот период времени? Вернулся ли он в Киев или пытался закрепить за собой завоеванные районы? А может быть, он оставался в своих владениях на Тамани?

Ответить на эти вопросы помогает обращение к позднему русско-византийскому договору, который заключил Святослав, уходя с Балканского полуострова. Он дал обязательство грекам: «Яко николи же помышлю на страну вашу, ни собираю вой (воинов), ни языка иног (т. е. войска другого государства) приведу на страну вашу и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую (на Херсонес) и елико есть городовъ ихъ, ни на страну болгарьску».

Как видим, среди «стран», на которые Святослав обязуется впредь не нападать, находятся греческий Херсонес в Крыму и те «города», которые входили в сферу управления здешней византийской администрации. А это значит, что греки были весьма обеспокоены состоянием своих колоний, страховались на будущее. В сопоставлении с известием Яхьи Антиохийского становится очевидным, что во время своего пребывания в Приазовье, на Тамани Святослав, видимо, вел военные действия против крымских владений Византии или греческих союзников в Северном Причерноморье и Крыму.

Не случайно дважды поминал Боспор Киммерийский, т. е. район Керчи, Лев Дьякон в качестве владений Святослава.

Все это совершенно меняет наши представления о характере русско-византийских отношений этого времени. Значит, уже в 965—966 годах между Русью и Византией напряжение возросло чрезвычайно. В результате разгрома Хазарии и выхода в Поволжье и Приазовье русские войска вплотную приблизились к византийским владениям в Крыму и Северном Причерноморье. Конфликты между греками и руссами стали известны в Константинополе, и спешный вызов Калокира

в византийскую столицу, а затем срочная его поездка к Святославу были вызваны не желанием византийцев склонить русское войско к нападению на Болгарию, а просьбой приостановить давление на их владения в этом районе, еще со времен походов IX века привлекавшем русские дружины. Потому был выбран в качестве посла сын херсонесского стратига, потому был он снабжен золотом, чтобы задобрить руссов, откупиться от них, спасти этим Херсонес и другие города, что было вполне в духе византийской дипломатии.

Но почему вдруг выплыл на переговорах балканский сюжет? Неужели византийское правительство было столь наивным и ограниченным в своих расчетах, что оно, как повествует Лев Дьякон, само пригласило Святослава на Балканы и тем самым создало у себя под боком грозную опасность, которая вскоре действительно вылилась в новую масштабную русско-византийскую войну? Думается, что все это было далеко от действительности. Дело заключалось совсем в другом. Русь давно уже стремилась вернуть себе весь днепровский путь, обеспечить безопасность прохода купцов в Западном Причерноморье, в Подунавье. Однако это стремление наталкивалось на сопротивление Византии. Мы помним, как в русско-византийском договоре 944 года империя связывала Русь по рукам и ногам обязательствами не зимовать в устье Днепра, не уничтожать византийские форпосты. Борьба велась за важные военно-стратегические и экономические районы, и Русь всеми силами старалась сбросить эти стягивающие ее путы.

Думается, что Русь уже в это время нарушила обязательство уводить своих людей из днепровского устья с приближением зимы. Когда Святослав возвращался после похода на Балканы в 971 году, он был задержан непогодой и зимовал здесь, на Белобережье, где вовсе и не должно было бы быть русских поселений. Но они существовали, и Святослав остановился в одном из них.

И не только остановился, но и покупал у местного населения пищу, которой не хватало на все оставшееся войско.

Браждебное отношение к Руси болгарского правительства могло осложнить русский транзит через Подунавье как в Византию, так и в западные страны, в частности в земли венгров, сербов. Святослав, и в этом не может быть никакого сомнения, предпринимал усилия не только для того, чтобы закрепиться в восточной части Северного Причерноморья, но и в его западной части, на старинном торговом пути — через низовья Днепра, по западному берегу Черного моря — в устье Дуная.

Все эти обстоятельства проясняют сюжет переговоров Калокира со Святославом.

Молодой патрикий был послан к русскому князю не для того, чтобы пригласить его воевать против Болгарии, а для того, чтобы пообещать ему византийский нейтралитет в том случае, если Русь будет продолжать свое закрепление в районе устья Днепра — устья Дуная в обмен на отказ от какой бы то ни было активности в Крыму. Никифор Фока делал вынужденную уступку в Западном Причерноморье, спасая от натиска Святослава свои крымские владения. Тем более что отношения с Болгарией резко осложнились и Константинополь рассчитывал, что болгары увязнут в своей борьбе с руссами и тем самым со временем станут легкой добычей империи.

А пока же Никифор Фока с легким сердцем уводил свою армию на Восток. Впереди его ждали осада Антиохии, новые победы, новая слава!

Император не предполагал, что его противники просчитали свои ходы дальше, чем он. Калокир сразу замахнулся на императорскую корону. Кстати, последующий ход событий показал, что Лев Дьякон не погрешил здесь против истины. Сговор Калокира и Святослава

действительно состоялся: Калокир прибыл с войском Святослава на Балканы и в течение всего противоборства Руси и Византии находился в русском лагере.

Свои расчеты были и у русского князя. Его вовсе не устраивало положение пассивного наблюдателя событий, его интересовало не столько утверждение в устье Дуная, сколько все проблемы взаимоотношений с Болгарией.

Как показали последующие события, Святослав стремился вернуть Болгарию в лоно русско-болгарского союза, давнишней дружбы, а для этого надо было нейтрализовать провизантийскую группировку, сформировавшуюся вокруг царя Петра. Планы Святослава шли значительно дальше, чем предполагал Никифор Фока,— Русь интересовалась не столько утверждением в Подунавье, сколько изменением всей обстановки в этом регионе, возможно, даже переменой курса византийского правительства в целом. Недаром Святослав активно поддержал честолюбивые претензии своего нового друга Калокира и последовательно оказывал ему содействие во время всей балканской кампании.

В 967 году 60-тысячное русское войско выступило на Дунай.

15. Тайна
«Записки
греческого
топарха»

конце XIX века французский византист К. Б. Газе в манускрипте одного греческого кодекса X столетия

обнаружил какие-то странные черновые наброски, которые по палеографическим данным относились к началу XI века. Было очевидно, что автор этих отрывков — образованный византиец; он прекрасно знаком со всем строем жизни византийского «цивилизованного» общества, высоко оценивает его по сравнению с образом жизни «варваров».

Отечественный публикатор этих отрывков В. Г. Васильевский считал, что автор был участником «или даже виновником» событий. И все, что он пишет, случи-

лось непосредственно с ним самим. С тех пор эти отрывки в науке и стали называть «Запиской греческого топарха», т.е. правителя подвластной Византии территорий.

Возможно, эти отрывки не привлекли бы внимания и Газе, и последующих исследователей, если бы они не были посвящены событиям, развертывавшимся в регионе Северного Причерноморья, в которых действующими лицами являлись империя, ее владения за морем — климаты, некое могучее государство во главе с таинственным владыкой, «царствующим к северу от Дуная». Поскольку многие данные вели в сторону истории взаимоотношений Византии и Руси второй половины X века, отрывки были подвергнуты тщательному анализу.

Всего их было три. В первом рассказывается, как видный византийский чиновник — топарх возвращался в свои владения поздней осенью из какой-то поездки. С ним шли отряд охраны и значительный обоз. Путь каравана лежал вниз по Днепру. В устье реки караван переправился на другой берег и продолжал свое движение, а затем пришел в селение под названием Борион, где его надолго задержали зимние вьюги и холода. Топарх рассказывает, как приветливо местные жители встретили путников, оказали им гостеприимство, снабдили в дорогу продовольствием и фуражом, предоставили проводников. Все они, говорит автор, «рукоплескали мне одобрительно и смотрели на меня каждый как на близкого себе и возлагали большие надежды».

Отсидевшись и отогревшись в Борионе, топарх продолжал свое путешествие, а для того чтобы не сбиться с пути, он, как и подобает образованному греку, определил свой путь по звездам, по местонахождению планеты Сатурн, которая как раз оказалась в это время в созвездии Водолея, что приходилось на 964—967-й и 993—996 годы.

И вот позади у путешественников Борион, а далее,

пишет топарх, «мы шли по неприятельской территории». Заметим, что все это происходило неподалеку от днепровского устья.

Время от времени вперед высылалась разведка. Тревогой и страхом за свою судьбу был охвачен греческий караван...

Во втором отрывке после зачеркнутых слов «именно ради этого северные берега Дуная» топарх излагает историю своего противоборства с некими варварами, которые грабили и опустошали все вокруг.

Противоборство это происходило до путешествия топарха вверх по Днепру. Автор замечает, что варвары решили сделать землю своей добычей, позабыв о законности. Эту землю топарх называет сначала «нашей», потом — принадлежащей «варварам» и делает любопытное заявление о том, что «варвары» утратили прежнюю «справедливость и законность». А раньше их успехи снискали им уважение, и «города и народы добровольно к ним присоединились». «Теперь же все нарушилось: они проявили несправедливость и бесправие в отношении к подданным вместо того, чтобы заботиться о благе подвластных городов и к собственной выгоде управлять ими в добром порядке, они положили поработить и разорить их» и стали преследовать местных жителей «под предлогом нарушения клятвы».

А далее следует описание страшного нападения врага на подвластную этому же врагу территорию. В областях, близких к владениям топарха, было полностью опустошено 10 городов и 500 деревень; наступила очередь и его владений. Топарх занялся их обороной, но вынужден был отступить под натиском «варваров». Неоднократно он предлагал им мирное соглашение, но тщетно.

Поздней осенью враг, наконец, напал на владения топарха. И тот занял позицию в районе, уже прежде подвергшемся опустошению. Это была, видимо, какая-то

крепость. Оттуда воины топарха производили вылазки. Против пеших врагов топарх выставил своих лучников, против конных — свою конницу.

В ожесточенном сражении греки сумели устоять, и «варвары» ушли, а топарх приступил к восстановлению разрушенной крепости.

Последний, третий отрывок открывается рассказом о строительстве крепости и схватках с «варварами». В первом столкновении они потерпели поражение и ушли. Во время передышки топарх продолжал готовить крепость к отражению врага и отправил гонцов к своим сторонникам, прося их прибыть и обсудить создавшееся положение. Не было сомнения, что враги придут с новыми силами, и тогда выдержать нападение будет трудно.

На совещании встал вопрос о политическом подданстве. Топарх ратовал за то, чтобы местный район по-прежнему подчинялся Византии, но совещание решило по-иному: «Они же, или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились о том, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а прежде всего стремились к независимости, или потому, что были соседями царствующего к северу от Дуная, который могуч большим войском и гордится силой в боях, или потому, наконец, что не отличались по обычаям от тамошних жителей в собственном быту,— так или иначе решили заключить с ними договор и предаться ему и сообща пришли к заключению, что и я должен сделать то же самое».

Вот тут-то топарх и отправился к «царствующему к северу от Дуная» для того, чтобы сохранить свои владения. Тот принял топарха, кратко с ним побеседовал, вернул топарху правление над климатами и даже добавил ему одну область, гарантировал доходы от подвластных территорий.

Такова канва событий, но не сказано, куда ездил топарх, с кем он воевал, кто такой «царствующий к северу

от Дуная», где находится область, в которой правил топарх, когда происходили события — в 60-е или 90-е годы X века. Все это покрыто тайной. Ясно лишь то, что топарх является византийцем, и видна политическая связь его владений с империей.

Со времени публикации этих отрывков, уже около сотни лет, среди ученых идет дискуссия — именно по тем вопросам, которые мы только что обозначили выше. Одни считали, что в «Записке» говорится об истории крымских владений Византии, другие — о владениях крымских готов, что «варвары» — это хазары, а «царствующий к северу от Дуная» — это Святослав Игоревич; высказывалась точка зрения о том, что место действия — Подунавье. Кое-кто переносил время действия в эпоху Олега, а другие — ко времени Владимира Святославича, к периоду его противоборства с Болгарией, а потом с Византией. Рассматривать все «за» и «против» — значит вступить на путь продолжения научной дискуссии, у нас же цель другая — познакомить читателя с зарождением истории русской дипломатии, а потому мы хотим обратить внимание всех интересующихся этими сюжетами на факты, которые уже им известны. В первую очередь хочется вспомнить известие Яхьи Антиохийского о войне, вспыхнувшей в середине 60-х годов X века в Крыму между Византией и Русью, о спешной поездке Калокира к Святославу, а главное, о сведениях Ибн-Хаукаля, записавшего, что руссы в районах, захваченных ими у хазар, старались установить систему власти и строить свои отношения с покоренным населением на основе договорных отношений.

Вот эти-то три сообщения, по нашему мнению, и могут создать еще одну гипотезу (а может быть, и окончательно убедить как специалистов, так и всех интересующихся историей) о событиях, отраженных в «Записке греческого топарха».

Главным в полемике стал вопрос, куда направился

топарх после отъезда вниз по Днепру из владений «царствующего к северу от Дуная». Если его путь от устья Днепра лежал на запад, значит, его владения следует искать в Подунавье, на западном берегу Черного моря; если он подался на восток, то речь может идти о крымских, северопричерноморских колониях Византии. И вот здесь-то и кроется один из ключей разгадки тайн «Записки».

Много было споров о нахождении Бориона, других упоминаемых селений. Но никто как-то не обратил внимания на элементарную деталь. Топарх двигался от Киева, а Киев, как известно, находится на правом берегу Днепра. В устье Днепра, пишет топарх, в трудных условиях ледохода отряд осуществил переправу на другой берег реки. Другим берегом мог быть только левый берег Днепра, а это значит, что топарх, переправившись через Днепр, двинулся не в сторону Дуная, а в сторону Крыма, значит, и Борион, другие селения, сами владения топарха, его соседей находились не в районе Дуная, Балкан, а в районе Северного Причерноморья. Кстати, Константин VII Багрянородный в своей книге «Об управлении империей», рассказывая о путях движения из Руси в Херсонес, замечает, что путники, «возвращаясь из Руси», переправлялись через Днепр.

Теперь посмотрим, что это был за район, где находилось селение Борион. Он располагался неподалеку от устья Днепра. Несомненно, что это было греческое поселение. Действительно, оно встретило топарха как своего, как представителя византийской администрации, но ясно и другое — что неподалеку от Бориона находилась неприятельская территория, что жители Бориона были встревожены положением дел, возлагали на топарха «большие надежды». Да и как им было не взирать на него с оптимизмом, если он возвращался из Киева, от могущественного русского князя, если он совсем недавно встречался с ним, провел в Киеве переговоры.

Мы видим в этом отрывке типичную картину жизни греческого форпоста неподалеку от устья Днепра, на пути к Крыму, форпоста, который со всех сторон был окружен русскими поселениями. Затерянные на огромных пространствах Северного Причерноморья, ставшего ареной борьбы Византии, Хазарии, Руси, печенегов, оторванные от своей родины, окруженные набравшими силу русскими поселениями, жители Бориона схватились за топарха, как утопающий хватается за соломинку. Он мог защитить их, спасти от натиска неприятелей, сообщить им о состоянии дел в Херсонесе, Киеве, определить их дальнейшую судьбу.

Рассказ о жизни, страхах и надеждах этого селения как бы является живой иллюстрацией к статьям русско-византийского договора 944 года о судьбе как греческих, так и русских поселенцев в этом спорном районе. Вот она, тревога греческих «рыбных ловцов», вот оно, нежелание руссов уходить с наступлением зимы к себе на родину, вот она, напряженная борьба за, казалось бы, безлюдные, но стратегически важные опорные пункты на северном берегу Черного моря!

Если эти события относятся ко времени Святослава, то несомненно, что жители Бориона слыхали о крупных военных действиях, развернувшихся на Востоке; до них, возможно, дошли гул поверженной Хазарии, слухи о нарастании противоречий между руссами и греками в Крыму. И теперь топарх нес им с севера мир, покой, надежды.

Но что же представляла собой территория, подвластная самому топарху, и кто такие видные сановники, которых собрал он для совета о судьбе «климатов»?

«Климатами» Константин VII Багрянородный в своем труде называет какую-то зависящую от Херсонеса территорию. Упоминает он и о «климатах», принадлежащих Хазарскому каганату. А это значит, что владение нашего топарха находилось в непосредственной бли-

зости как от Херсонеса, так и от территорий, подвластных Хазарии. Все это указывает на северную часть Крыма.

Вспомним, что топарх, описывая свое противоборство с «варварами», рассказывает, что они опустошили вначале соседние с его владениями города и деревни, а потом уже нанесли удар и по его области. Вспомним также, что знать, которую он собрал на совещание, мало чем отличается от местных жителей, а это значит, что население во владениях топарха было близко по своему этническому составу населению соседних областей, уже подчиненных «варварам», являлось аборигенами Северного Крыма и Приазовья. Причем часть их находилась под властью Хазарии, а часть — под управлением византийской администрации в лице топарха.

А теперь вернемся к известиям Яхьи Антиохийского, Ибн-Хаукаля и Льва Дьякона. Они замечательно точно накладываются на смысл событий, описываемых топархом.

Ибн-Хаукаль рассказал, как, сокрушив Хазарию, руссы попытались установить договорные отношения с жителями края, организовать здесь свое управление. Об этом же говорит и топарх. Он описывает по сути не войну «варваров» с соседями, а карательную экспедицию, которую «варвары» осуществили на уже подчиненной территории. Население, давшее им клятву в повиновении, нарушило ее, и «варвары» решили его за это наказать. Может быть, жители отказались признавать власть Руси, может быть, предали ее противникам — трудно сказать, но руссы пришли сюда восстановить учрежденный ими порядок. Причем сам Святослав был далеко, основные силы «варваров» в этой экспедиции не участвовали, поэтому, когда дошла очередь до владений топарха, он и рискнул довольно небольшими силами оказать им сопротивление и даже добился временного успеха. Но он понимал, с каким серьезным противником

имеет дело, и, опасаясь, что враги придут с «большим войском», поспешил предложить мир.

По существу топарх рассказывает о судьбе хазарских климатов уже после их завоевания руссами, когда здесь оставались русские гарнизоны, а основная часть сил во главе со Святославом возвратилась на родину.

Во время карательной экспедиции русский отряд дошел и до византийских климатов, территории топарха, и вступил в противоборство с его войском. Удар по византийским климатам, владениям, подвластным Херсонесу, означал не что иное, как начало конфликта с самим Херсонесом, а значит, и с Византийской империей. Это полностью соответствует сообщению Яхьи Антиохийского о военном противоборстве в это время Руси и Византии и об упоминании в русско-византийском договоре 971 года об отказе Святослава от давления на владения Херсонеса в Крыму.

Перед топархом встал вопрос — продолжать ли борьбу или идти на поклон к Руси и менять форму зависимости. Он собрал местную знать, которая, к его удивлению и возмущению, высказалась за то, чтобы предаться «варварам», и лишь после этого топарх отправился в свое путешествие к «царствующему к северу от Дуная».

И вот он в Киеве, у Святослава.

Описание северного владыки, данное топархом в своей «Записке», очень напоминает нам облик Святослава. Он «могуч», «гордится силой в боях», у него сильное войско, с которым он подчинил себе многие «города и народы». И манера, с которой вел переговоры северный владыка, тоже свойственна характеру Святослава — короткая, сдержанная беседа и четкое, емкое решение: война прекращается, климаты возвращаются топарху, над ними устанавливается русский протекторат. Обласканный и умиротворенный топарх собирается в обратный путь, а из Константинополя в русскую столицу

спешит патрикий Калокир, чтобы решить ту же проблему — умиротворить Русь, отвлечь ее внимание от византийских владений в Крыму.

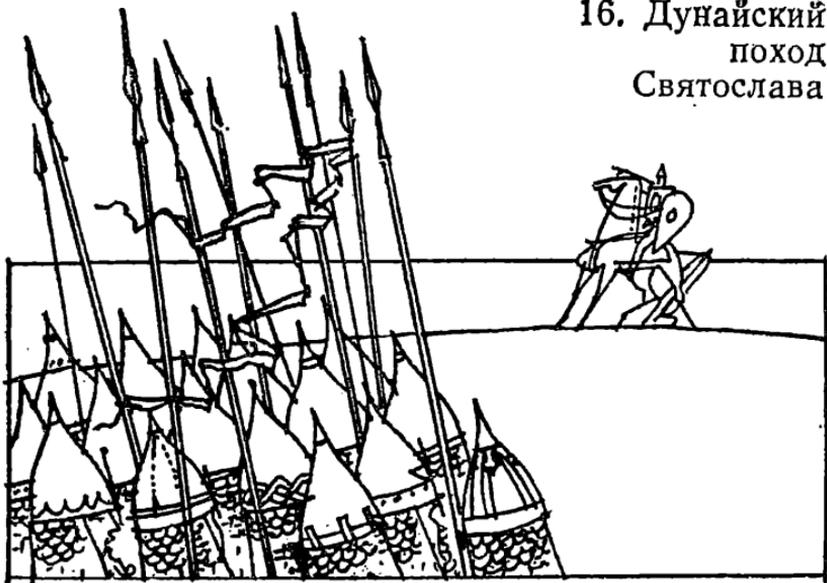
«Записка греческого топарха», таким образом, полностью совпадает с сюжетами, донесенными до нас иными источниками; ее умолчания, инкогнито северного владыки приоткрываются этими иными сообщениями, и перед нами предстает четкая перспектива действий Руси в это время.

Разгромив Хазарию, укрепившись в районах Поволжья, Приазовья, на Тамани, установив там порядок управления вновь подчиненными территориями, Русь внимательно следит за соблюдением местными жителями договорных отношений, и едва климаты выказывают колебания, как руссы все ставят на свои места. Одновременно происходит давление и на византийские владения в Крыму, близ устья Днепра, на Белобережье.

Готовясь к походу на Дунай, с которым Святослав связывал далеко идущие планы борьбы с гегемонией Византии в Северном Причерноморье, в Крыму, на Балканах, русский князь идет на мир с бывшими сателлитами Византии, обещая им защиту и покой, заботится о прочном, обеспеченном тыле во вновь контролируемых районах.

Переговоры с населением Поволжья и Приазовья, переговоры с греческим топархом, переговоры с императорским посланцем Калокиром, выработка собственного, самостоятельного внешнеполитического курса — такой мы застаем русскую дипломатию в 965—967 годах, в канун новых больших военных и внешнеполитических свершений.

16. Дунайский поход Святослава

у, а теперь мы можем окончательно сформулировать те цели, с которыми Калокир ехал в Киев. Ни о каких уговорах Святослава напасть на Болгарию не могло быть и речи. Сын херсонесского стратига, прекрасно знавший обстановку в Северном Причерноморье, должен был оградить здешние владения Византии от русского давления, а поскольку Святослав уже готовил поход на Дунай, то греки, чьи отношения с болгарами стали весьма напряженными, решили, что игра стоит свеч: дунайский поход отвлечет Русь от дел крымских и северопричерноморских. Посольство Калокира — это не дальний расчет Константинополя, а мера вынужденная

и паническая, чем и решили воспользоваться новые друзья — Святослав и Калокир.

В 967 году Калокир заключил в Киеве договор между Византией и Русью, который остался тайной за семью печатями. О его содержании ни слова не сообщил русский летописец; Лев Дьякон передал потомкам лишь весьма приблизительный и ошибочный абрис событий; большинство историков эти ошибки повторило, представив Святослава игрушкой в руках Никифора Фоки.

Смысл этого договора остался неизвестным ни русским летописцам, ни византийским хронистам потому, что он был окутан двойной тайной. Во-первых, и Византия и Русь скрывали, что в обмен на уступки в Крыму и Северном Причерноморье Византия поступилась в пользу Руси дунайским устьем. Во-вторых, в тайне хранили свою договоренность о совместных действиях против Никифора Фоки Калокир и Святослав, не желавший оставлять Болгарию на произвол судьбы, отдавать ее на потребу византийским политикам.

Но пока измена Калокира не была известна в Константинополе, и казалось, что Русь согласилась отступить от своих притязаний в Крыму и Северном Причерноморье и воспользоваться нейтралитетом Византии для обеспечения своих военно-стратегических и торговых интересов в районе Днестра — Дуная.

Кажется, ни о каком намерении завоевать Болгарию, как на этом настаивают в один голос и византийские хронисты, и буржуазные историки, не было и речи. Самое большее, на что формально рассчитывал Святослав в переговорах с византийцами, — это овладеть дунайским устьем, территорией нынешней Добруджи. Именно городок Переяславец на Дунае стал основным объектом атаки Святослава, и как только земли по Дунаю были заняты, руссы прекратили военные действия. В первых же боях болгарская армия была разбита, путь на столицу вплоть до границы с Византией был открыт,

но руссы приостановили военные действия и осели в Переяславце. Именно об этом городе, судя по летописи, Святослав сказал, что он — «середа» его земли и здесь «вся благая сходятся». Святослав, как сообщает летопись, «седе княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцех». А это значит, что именно Подунавье было в это время основной целью Руси.

В условия договора, заключенного Калокиром в Киеве, входила, видимо, и договоренность о возобновлении Византией уплаты ежегодной дани Руси, которая наверняка была приостановлена в связи с конфликтом между двумя государствами в Северном Причерноморье и Крыму. Теперь же греки снова согласились выплачивать дань Киеву. По существу в переговорах Калокира и Святослава реализовывались военно-союзные статьи русско-византийского договора 944 года. Определяя общие принципы военного союза, обе стороны не называют своих возможных противников, но, конечно, подразумевают их. Однако принципы богаче конкретной реальности, и кто мог сказать, куда повернут свои мечи и та, и другая сторона в ближайшем будущем! Вспомним: «Аще ли хотети начнеть наше царство от васъ вои на противящася намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ...» Вчера врагом Руси была Хазария, а Византии — арабы. Сегодня врагом Руси становилась враждебная Болгария. Византия по-прежнему боролась с арабами, начав противоборство с Болгарией. Но как повернутся события завтра, этого не мог сказать никто. Конкретная ситуация стремительно менялась, и все же договор еще действовал, хотя он был, так сказать, общей канвой, на которой стороны расшивали собственные узоры.

В этих условиях и Константинополь и Киев, как и прежде в отношении арабов, хазар и других противников, должны были соблюдать осторожность, скрывать свои договоренности и действия и, возможно, даже дез-

информировать противника: в обеих столицах находилось множество иностранцев, у которых были глаза и уши.

Понятно, что столь острые вопросы тогдашней политики, которые обсуждали Калокир и Святослав, требовали соблюдения секретности. Вот почему истинный смысл миссии Калокира так и остался неизвестным, и ее тайну приходится приоткрывать за счет использования иных источников.

Мы высказываем лишь свою точку зрения и верим в ее правомерность. Если ее опровержение послужит более глубокому проникновению в тайну событий тех лет, то это можно будет только приветствовать.

Несколько слов о Калокире. Мы уже говорили о том, что Лев Дьякон не ошибся, приоткрыв его тайный и личный сговор со Святославом.

Он шел в Болгарию вместе с русскими войсками, но в 967 году еще никто не мог подозревать о его истинных дерзких замыслах. Его намерения открылись лишь позднее, в период русско-византийской войны, когда он, уже не скрываясь, взял сторону Руси, остался при дворе болгарского царя вместе с русским отрядом, пережил штурм болгарской столицы греками, а затем под покровом темноты, когда положение осажденных было безнадежно, бежал к Святославу, который находился в крепости Доростол на Дунае.

Пребывание Калокира в Преславе указывало на то, что он по-прежнему играл определенную роль в политических событиях. Затем его фигура исчезает надолго со страниц источников, но не навсегда.

В 996 году из Константинополя к германскому императору Оттону III было отправлено посольство для ведения переговоров о брачном союзе двух императорских дворов. Его возглавили Леон и Калокир. Если в 966—967 годах сын херсонесского стратига был молодым человеком, то через тридцать лет это мог быть уже умуд-

ренный опытом, в том числе дипломатическим, политический деятель. К этому времени сошли со сцены все видные политические фигуры 60-х—начала 70-х годов. В Константинополе верх вновь взяла Македонская династия, отодвинутая в тень узурпаторами — сначала Никифором Фокой, потом Иоанном Цимисхием, и новый император Василий II, внук Константина VII Багрянородного, тот самый, которому в 963 году в момент смерти отца — Романа II было всего пять лет, мог вновь привлечь Калокира — противника обоих узурпаторов — к политической деятельности...

Тайный личный договор Калокира и Святослава вполне был в духе времени. Не раз и не два в течение долгих столетий предприимчивые претенденты на императорский трон поднимали мятежи, поворачивали веренные им армии на Константинополь, вели в Византию иностранные войска. И преуспевали порой, и захватывали престол. Калокиру не надо было далеко ходить за примерами. Совсем недавно, после смерти Романа II, его жена красавица Феофано, боясь за собственную судьбу, поддержала честолюбивые претензии влюбленного в нее престарелого полководца из рода Фок. Никифор женился на Феофано, узурпировал власть ее малолетних детей. Но прошел год-два, и против него стали зреть заговоры. Жертвой одного из них он и пал. И снова нити сходились в руках прекрасной Феофано. На сей раз ее избранником стал красавец воин, известный полководец, domestik схол¹ Востока армянин Иоанн Цимисхий. В ночь с 10 на 11 декабря, в ту пору, когда Святослав вновь утверждался на Дунае, отогнав от Киева печенегов, Феофано помогла Цимисхию и его вооруженным приспешникам пробраться в спальню к императору. Цимисхий собственноручно зарезал Никифора Фоку, не дав ему дотянуться до меча. Но женская

¹ Великий domestik, высший военачальник империи.

интрига оказалась беспомощной перед дальним мужским расчетом. Цимисхий немедленно сослал Феофано и женился на одной из дочерей императора Константина VII Багрянородного — Феодоре, той самой, которую Ольга прочила за Святослава еще в 957 году. Династическим браком Цимисхий старался укрепить свои права на престол.

Несомненно, что выбор Цимисхия был хорошо известен Святославу через Калокира, который был постоянно рядом с ним. Цимисхий для Святослава стал не только врагом государственным, но и врагом, надо полагать, личным.

Однако новый император недолго праздновал победу: против него поднял мощное восстание Варда Фока, который собрал в Каппадокии, в Малой Азии, сильную армию на средства рода Фок и начал борьбу за престол. Его отец Лев Фока стремился поднять против Цимисхия восстание во Фракии.

В этих условиях Калокир, располагая могучей поддержкой руссов, мог явиться действительно реальным претендентом на императорский трон. Дерзкая авантюра молодого патрикия оборачивалась хорошо рассчитанной политической комбинацией.

...Летом 967 года русские войска во главе со Святославом вышли из Киева на Дунай. Стала реализовываться тайная договоренность Святослава с Никифором Фокой.

Но руссы не сразу появились на западном побережье Черного моря. Поначалу они, как рассказывает об этом наш первый историк В. Н. Татищев, располагавший утраченными впоследствии летописными и иными материалами, двинулись вверх по Днестру. Там их ждали друзья-венгры. «С угры же,— писал В. Н. Татищев,— имел любовь и согласие твердое». Но и противник Святослава был не в одиночестве. Тот же Татищев сообщил, что болгары в это время были в союзе с каза-

рами, ясами и касогами, т. е. с теми, кто был недавним врагом Святослава во время восточного похода. Да и удар по Болгарии, считал Татищев, Святослав нанес в отместку за помощь, которую оказали болгары Хазарии во время русско-хазарского противоборства.

Так еще в 967 году Святослав в преддверии своих балканских походов искал союзников, и венгры, которые в течение уже нескольких десятилетий находились в мире и союзе с Киевом, вновь помогли руссам. А это значит, что одновременно с переговорами, проведенными с Калокиром, византийским топархом, Святослав направил посольство в Паннонию к венграм, раскрыл им свои намерения, позвал с собой на Дунай. Началась большая по тем временам дипломатическая игра, дело шло к формированию противоборствующих коалиций, к чему уже примеривался князь Игорь.

И лишь встретившись с венграми, Святослав двинулся на Дунай. Там руссы сумели одолеть вышедшее против них войско царя Петра. Подунавье было занято. Короткая война окончена. Летопись сообщила, что Святослав сел в городе Переяславце на Дунае, «емля дань на гръцех».

Мы уже приводили аргументы в пользу того, что смысл своих отношений с Болгарией Святослав видел не в завоевании этой страны, а лишь в закреплении на Дунае и в перемене антирусского и провизантийского курса болгарского руководства. Месяцы, проведенные им в Переяславце, это замечательно подтвердили.

Военные действия закончились. Болгарское руководство по-прежнему оставалось в Преславе. Никаких покушений на суверенитет Болгарии Святослав не предпринимал. Позднее, когда после победы над печенегами под Киевом он собирался вновь возвратиться в Переяславец, Ольга и «бояре» уговаривали его остаться в Киеве. Но Святослав был непоколебим. Он ответил: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци

на Дунай, яко то есть середя земли моей, яко ту (здесь) вся благая сходятся: отъ Грекъъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, из Чехъ же, из Угоръ сребро и комони (кони), из Руси же скоро и воскъ, медъ и челяд».

Возвращаясь после смерти Ольги в июле 969 года на Дунай, в свой любимый Переяславец, Святослав даже разделил Киевскую землю своими сыновьями. В Киеве он посадил Ярополка, древлянскую землю отдал Олегу, в Новгород отправил Владимира.

Можно думать, что после утверждения в Переяславце Святослав заключил мирный договор с Болгарией. В пользу этого говорит, во-первых, его спокойное княжение в Переяславце в 967—968 годах без ведения каких бы то ни было военных действий против болгар, во-вторых, внешне дружественные отношения с Византией. Оба партнера, опять-таки, кажется, внешне, согласились с положением вещей: Святослав прекратил свои военные наскоки на византийские владения в Крыму, оставил в покое греческие поселения в устье Днепра. Теперь жители Бориона могли спать спокойно. А Константинополь возобновил уплату Руси ежегодных денежных дани, установленных впервые еще договором 907 года.

Мир с болгарями мог включать пункт об уступке Святославу земель близ дунайского устья.

Но спокойствие было обманчивым, и это прекрасно понимали все три участника дипломатической сделки.

Не успел Святослав появиться в Переяславце, как Византия, верная своей коварной политической игре, предприняла против руссов первые политические и военные шаги. Никифор Фока приказал замкнуть Босфор цепью, как это греки делали обычно в ожидании нашествия руссов с моря, стал организовывать армию и готовить флот. Император, видимо, учитывал промахи прежних лет, когда руссы заставляли греков врасплох и подходили с моря к самым стенам Константинополя.

Одновременно имперские политики посчитали для себя опасным находиться в противоборстве как с Русью, так и с Болгарией, а поскольку болгары были наказаны и обескровлены, то теперь вполне можно было опереться на них в борьбе с Русью, тем более что во главе страны по-прежнему стояла провизантийская группировка во главе с царем Петром, которая скрепя сердце пошла на уступки Руси и мечтала о реванше.

К этому времени выявилась и измена Калокира, который не спешил появиться в Константинополе и продолжал оставаться при Святославе, что являлось верным признаком политической интриги, замышляемой молодым патрикием.

Именно в это время пока тайно, но весьма настойчиво Византия начинает борьбу против своего непрошеного союзника — Руси. В Преславу направляется византийское посольство во главе с опытным дипломатом Никифором Эротиком и епископом Евхаитским. Никифор Фока круто изменил свою линию в отношении Болгарии: не было больше речи о каком бы то ни было диктате, забыты были требования прислать царских сыновей в качестве заложников. На этот раз Константинополь, как в былые времена могущественной Болгарии, искал с ней брачных династических связей. Посольство предложило новый союз, подкрепленный браком дочерей царя Петра и византийских принцев.

Поворот был сделан, и на следующий год летом пышное болгарское посольство впервые после разрыва отношений в 966 году появилось в византийской столице.

Бывший в это же время в Константинополе посол германского императора Оттона I кремонский епископ Лиутпранд, опытный дипломат, не раз выполнявший важные поручения коронованных особ Европы в Византии, рассказал в своих записках, с каким почетом 29 июня 968 года Никифор Фока принимал болгарское

посольство. Лиутпранд даже с обидой отметил, что во время торжественного обеда, на котором присутствовали оба посольства, болгар посадили ближе к императору, что, конечно, было неслыханным умалением престижа императорского посла.

И еще одну, на сей раз скрытую акцию против Руси провели византийские политики. Будучи в Переяславце, Святослав летом 968 года получил тревожное известие из Киева: печенеги осадили город. Летопись так передала слезное послание Ольги и знатных киевлян своему князю, бросившему их на произвол судьбы: «Ты, княже, чужою земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ (покинул), малы бо насъ не взяша печенези, и матеръ твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны (нас) возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суща, и детей своих».

Византийская дипломатия сработала без ошибки. Оставив пешее войско в Переяславце во главе с воеводой Волком, Святослав с конной дружиной срочно выступил к Киеву.

Добившись своего, Никифор Фока приступил к главной цели — вытеснению арабов из Сирии. Сильное войско во главе с видным полководцем патрикием Петром ушло на Восток и вскоре осадило Антиохию.

Но и Святослав, закрепившись на Дунае в 967 году, вовсе не строил никаких иллюзий относительно своего союза с Византией. Не зная ничего, естественно, о военных приготовлениях империи, о посольстве греков в Болгарию, ни тем более о тайных переговорах византийских дипломатов с печенегами, Святослав прекрасно сознавал, что империя по-прежнему остается для Руси в ее нынешних стремлениях врагом номер один. Киевское руководство понимало, что нейтралитет Византии, вырванный у нее благодаря давлению в Крыму,— дело временное и не сегодня завтра греки предпримут ответный удар. Святослав готовился к этому, готовился он и

к дальнейшей борьбе против провизантийской болгарской верхушки, которая, предавая интересы своей родины, вела страну к гибели. Он выжидал, наблюдал за развитием событий, закреплялся в Подунавье, бросив в этот момент Киев и чисто киевские интересы, предпочел им масштабную европейскую государственную политику, считая, видимо, что тыл его обеспечен и безопасен. Одновременно он готовился выпустить при удобном случае на сцену Калокира в качестве претендента на императорский трон.

Но внешне все обстояло совершенно безмятежно: Русь и Византия числились друзьями, действовал русско-византийский договор 944 года, и тот же Лиутпранд в своих записках сообщил, что летом 968 года русские торговые суда стояли на рейде византийской столицы: русские гости продолжали свои торговые операции, получали свое месячное жалованье...

Печенеги пришли под Киев неожиданно. Это было их первое нападение на русскую столицу. Ольга с внуками затворилась в городе, дружина во главе с воеводой Претичем находилась в это время на другой стороне Днепра и оказалась отрезанной от осажденных. Летописец сообщил: «И оступиша печенези градъ в силе велице, бещислено множество около града, и не бе льзе изъ града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою». Он привел историю о том, как один отрок, выдав себя за печенега, сумел пройти сквозь ряды осаждающих и выйти к Днепру. Там он бросился в воду и, несмотря на то что печенеги пытались поразить его стрелами, поплыл к противоположному берегу. Он-то и передал вест, что если наутро воины не ударят на город, то Киев сдастся печенегам.

Наутро дружина Претича, переправившись через Днепр, напала на печенегов, и те, по данным летописи, побежали, полагая, что подошла дружина во главе со Святославом. Претич начал переговоры с печенежскими

вождями и заключил с ними перемирие, обменявшись оружием. Однако город был по-прежнему в осаде, но на выручку ему уже спешил сам Святослав.

Летописец сообщил далее, что киевский князь «собравои и прогна печенеги в поли, и бысть миръ».

Все лето 968 года и первую половину 969 года Святослав провел в Киеве около заболевшей Ольги. А когда 11 июля 969 года она умерла, он, похоронив мать и разделив свою «отчину» между сыновьями, засобирался снова на Дунай.

Этой его настойчивости, упорству в стремлении закрепиться на Дунае, на полдороге до Константинополя, перенести сюда окончательно свою резиденцию, сделать Подунавье центром огромной Русской державы, этой его лютой ненависти к грекам, уже начавшим против него отчаянную борьбу, нельзя не удивляться. Он снова скакал в Переяславец, зная, что там его ждет борьба с самым главным противником — Византийской империей. Надеялся ли он на успех, рассчитывал ли свои силы или его вело слепое чувство ненависти, — сказать трудно, но ясно было одно: свой жизненный жребий Святослав в осенние месяцы 969 года или в первой половине 970 года определил окончательно.

За то время, что он отсутствовал, на Дунае произошли перемены. Болгары воспользовались уходом Святослава и, несомненно по наущению Византии, начали против оставшихся в подунайских городах руссов войну. Воевода Волк был осажден в Переяславце, но еще держался. По сообщениям Льва Дьякона, болгарское правительство обратилось к Византии за помощью, но тщетно: столкнув Болгарию и Русь, греки теперь безопасно могли переключить внимание на борьбу с арабами в Сирии.

Болгарии вновь предстояло встретиться со Святославом один на один, а пока болгары штурмовали Переяславец. Изнемогая от осады, не надеясь удержать город,

где против руссов созрел заговор местных жителей, установивших контакты с осаждавшими, воевода Волк распустил слух о том, что он будет защищать город до подхода Святослава, и, зарезав коней на мясо, ночью тайно в ладьях отплыл вниз по Дунаю.

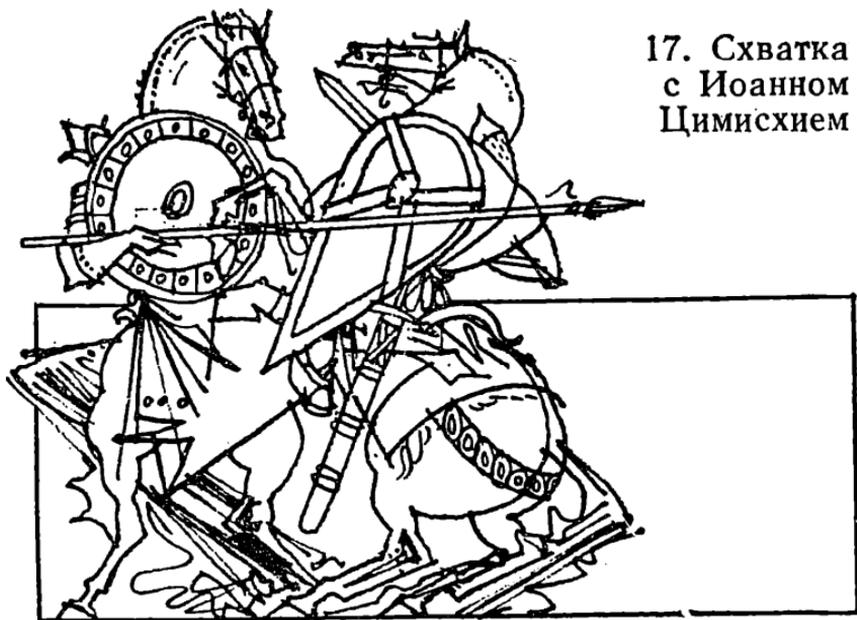
Святослав встретил своего воеводу в устье Днестра, и здесь же Святослав узнал от Волка все, что произошло в Переяславце.

Объединенное войско двинулось вновь на Дунай, но Переяславец к этому времени был уже значительно укреплен. В него было введено болгарское войско, взяли в руки оружие и горожане. Русская летопись сообщает, что «затворишася болгаре в граде». Был момент, когда болгары, принимавшие, по сообщению В. Н. Татищева, вылазки, чуть было не смяли руссов, но Святослав обратился с речью к своим воинам: «Уже нам сде пасти; потягнемь мужьски, братья и дружино!» «И бысть сеча велика», и одолели руссы болгар. Переяславец пал вторично за два года. Устюжская летопись, восходящая к древнейшим летописным сводам, отметила, что, взяв город, Святослав «казни в нем изменников смертию». А это значит, что в период пребывания там руссов и после ухода Святослава на родину население города раскололось: часть горожан по-прежнему поддерживала руссов, а другая готовила против них заговор и способствовала падению русского гарнизона.

Расчет провизантийской верхушки Болгарии на помощь со стороны греков не оправдался. Греческая армия стояла под Антиохией, которая в октябре 969 года наконец пала. Это был полководческий триумф патрикия Петра, ставшего героем всей кампании.

Однако этот триумф не спас Никифора Фоку. В декабре он был убит Иоанном Цимисхием,

17. Схватка с Иоанном Цимисхием

скоре отношения между Византией и Русью стали откровенно враждебными. Святослав, как сообщил

В. Н. Татищев, узнал от пленных болгар, что захват Переяславца был совершен по наущению и при поддержке Византии, что греки уже давно вновь заключили союз с болгарами против него, Святослава. Со своей стороны, утвердившись в качестве императора, Иоанн Цимисхий не скрывал своих намерений и направил в Переяславец посольство, которое, согласно данным Льва Дьякона, потребовало, «чтобы он (Святослав), получив обещанную Никифором награду по случаю похо-

да против мисян (болгар), возвратился в свои владения, к Киммерийскому Боспору (Керченскому проливу)».

С момента ухода Святослава в 968 году для борьбы с печенегами Константинополь прекратил выплачивать Руси денежную дань. Это видно из того, что вопрос о дани возник вновь во время переговоров византийского посольства со Святославом в Переяславце.

Русский князь ответил на эти происки греков вполне в духе своей природы: русские отряды были посланы на территорию Византии, началась необъявленная война. Лев Дьякон сообщил, что едва Иоанн Цимисхий захватил престол, как столкнулся с большими трудностями, и первой среди них были постоянные набеги руссов на владения Византии. А это значит, что, едва вернувшись в Переяславец, Святослав резко и откровенно изменил свою сдержанную позицию в отношении Византии и повел себя открыто враждебно. К тому же в это время активизировались и венгры. Поразительное совпадение: когда печенеги напали на Киев и Святослав спешил на выручку своей столицы, в это же время венгры — его союзники — напали на владения империи. Это было все тем же летом 968 года, и рассказал об этом все тот же епископ Лиутпранд. В своем рейде венгры дошли до Фессалоник и увели в плен 500 греков. Потребовалось мобилизовать значительные силы, чтобы дать отпор врагу.

Таким образом Русь и Византия обменялись тяжелыми ударами. Подкупленные греками печенеги шли на Киев, но Святослав, видимо, зная или догадываясь, откуда исходит печенежская угроза, направил своих людей в Буду и просил венгерских вождей поддержать его. К тому же и случай был благоприятный: полагая, что печенежский набег надолго, если не навсегда, отвлек Святослава с Дуная, где вновь появились болгарские войска, Византия послала свои лучшие легионы на Вос-

ток. Вот в этот-то момент венгры и появились в пределах Византии.

За этими двумя рейдами видится напряженная дипломатическая борьба, определенная расстановка сил, и Русь в этих дипломатических хитросплетениях разбиралась тонко и быстро, не выпуская инициативу из своих рук.

Теперь маски были сброшены. Греки, убедившись, что ни золото, ни набеги кочевников не поколебали решимости Святослава закрепитесь на Дунае, предъявили русскому князю ультиматум, а тот ответил отказом.

Руссы продолжали разорять смежные с Болгарией области Византии. Дело шло к большой войне.

Однако время для схватки с Русью было неподходящим. Арабы предприняли попытку отвоевать обратно Антиохию; империя уже в течение трех лет терзала тяжелый голод, который особенно обострился к весне 970 года. В это же время начал свой мятеж племянник убитого императора Варда Фока. Болгария раскололась окончательно: после смерти царя Петра в 969 году от Преславы отпало Западно-Болгарское царство, которое стало проводить антивизантийскую политику.

В этих условиях Цимисхий решил выиграть время и вновь сделал попытку обмануть соперника. К Святославу весной 970 года было послано новое греческое посольство.

Об этих переговорах сообщали и русские, и византийские источники.

Летопись рассказывает, что руссы потребовали уплатить дань, которую перестали выплачивать греки, и те, видимо, поначалу согласились, а тем временем стали собирать против Святослава огромное войско. Лев Дьякон также сообщил об этих переговорах, во время которых греческие послы согласились выплатить то, что якобы обещал еще Никифор Фока, но потребовали ухода руссов с Дуная. Святослав, по словам Льва Дьякона, в

ответ запросил огромную сумму денег в обмен за оставляемые на Дунае города. В противном случае, заявил Святослав, «да переселятся они (греки) из Европы, им не принадлежащей, в Азию; да не мечтают, что тавроскифы (руссы) без сего примирятся с ними».

Святослав и не рассчитывал на согласие греков со столь дерзкими предложениями. Он не хотел уходить из Подунавья и готов был к противоборству. Но переговоры все-таки велись. Греки выгадывали время. Святославу оно также было необходимо. В те дни, когда византийские послы улещивали и обманывали русского князя в Переяславце, гонцы Святослава скакали в Паннонию к венграм и в печенежские степи к тем кочевникам, которые находились, как и во времена Игоря, в мире и союзе с Русью.

Венгры были друзья старые. Они поддержали Святослава в 967 году, напали на Византию в 968 году, угроза их рейдов постоянно витала в эти годы над империей. И теперь Святослав звал союзников к бою.

О посольстве Святослава к венграм сообщил византийский хронист Иоанн Скилица. Знал о союзе Руси и венгров в это время и В. Н. Татищев. В своей «Истории Российской» он отметил, что в самом начале конфликта Руси и Византии, когда еще шли переговоры между послами Цимисхия и Святослава, у руссов было всего 20 тысяч войска, «ибо венгры и поляки, идущие в помощь, и от Киева, есче не пришли». Что касается поляков, то о них, кроме свидетельства Татищева, иных данных нет, и мы, видимо, обязаны проявить осторожность и не зачислять их в союзники Руси, хотя сообщение само по себе и знаменательно. Что касается венгров, то здесь факты абсолютно достоверные.

Святослав ждал их подхода к лету и потому тянул переговоры с греками.

За печенегов шла борьба. В Константинополе прекрасно понимали цену союза с ними. Недаром еще Кон-

стантин VII, великий политический стратег, учил своих преемников: «Когда император ромейский живет в мире с печенегами, то ни руссы, ни турки (венгры) не могут совершать враждебные нападения на ромейскую державу». Но таких же мыслей о печенегах как своих союзниках придерживались и в Киеве. Недаром нам ничего не известно о каких бы то ни было военных действиях между Русью и печенегами с 920 по 968 год. Более того, в 944 году Игорь вел на Византию и своих печенежских союзников, а когда с греками был заключен мир, отправил их воевать Болгарию. Да и сам русско-византийский договор 944 года говорит о союзных отношениях Руси с печенегами, так как только в этом случае Русь могла влиять на ход событий в Крыму и Северном Причерноморье. Интересное свидетельство оставил по этому поводу уже знакомый нам Ибн-Хаукаль. Он писал: «Оторвалась часть тюрок от своей страны, и стали жить между хазарами и Румом (Византией), называют их баджанакийа (печенеги), и не было им места на земле в прежние времена, и вот двинулись они и завоевали [землю], и они — шип русийев и их сила, и они выходили раньше к Андалусу, затем к Барза'а». Шипом Руси называет Ибн-Хаукаль печенегов, а это значит, что в его представлении они были с Русью не просто в мирных отношениях, но стали их надежными военными союзниками. При Игоре борьба за печенегов между Византией и Русью кончилась, видимо, в пользу Руси. Но греки не сдавались. Мы видели, что они упрямо подкупали кочевников, стараясь оторвать их от военного союза с Игорем. Набег печенегов на Киев показал, что Византия начала преуспевать в этой борьбе. Надо думать, что византийские посольства с золотом, дорогими подарками не выходили из степи. Но старались и руссы.

Ныне печенеги были расколоты. Одни из них поддерживали Византию, а другие были мирны и союзны со Святославом.

Готовясь к схватке с Иоанном Цимисхием, Святослав позаботился и о перемене внешнеполитического курса Болгарии. Царь Петр был мертв. Теперь на престоле оказался молодой Борис, который едва ли мог разделять прежние провизантийские позиции своего отца, ведь именно его и его брата греки требовали заложниками в Константинополь взамен заключения нового мирного договора с Болгарией. Во всяком случае, в ходе военных действий оказалось, что в составе союзной армии дерется с греками и болгарский отряд, что Преславу обороняли против византийского войска и болгары, и руссы во главе с Сфенкелом, как называет Лев Дьякон русского вождя, под которым, видимо, имеется в виду Свенельд — испытанный русский воевода, соратник еще князя Игоря, герой разгрома древлян и участник переговоров с послами Цимисхия под Доростолом в 971 году.

За то, что к весне 970 года Болгария стала прочной союзницей Руси, говорят многочисленные факты, на которые указали как советские, так и болгарские историки, а также некоторые объективные буржуазные исследователи.

Болгары всей силой обстоятельств должны были вернуться к союзу с Русью. Закрепившись в Подунавье, Святослав более не вступался в дела этой страны. Но провизантийская группировка, окружавшая царя Петра, постепенно, выполняя волю Константинополя, толкала страну к противоборству с Русью. И снова вокруг Подунавья разгорелись военные действия, и снова Святослав победил, и снова, закрепившись на Дунае, великодушно прекратил военные действия против болгар, хотя руссам ничего не стоило пройти в это время всю страну: болгарская армия была разбита, а руководство со смертью царя Петра деморализовано.

В это время, как мы видели, Византия бросила Болгарию на произвол судьбы, и все более и более выявля-

лась коварная роль византийской дипломатии — обескровить в междоусобной борьбе два дружественных славянских государства, и прежде всего Болгарию, с тем чтобы затем уничтожить окончательно болгарскую государственность, превратить страну в свою провинцию.

Кажется, новое правительство царя Бориса стало осознавать эту ужасную перспективу. Болгария бурлила. Это видно хотя бы из того, что раскололось население Переяславца после ухода Святослава к Киеву. Подобный же раскол наблюдался и в других болгарских городах. Уже позднее — во время войны с Византией, когда болгары сражались рядом с руссами, служили им проводниками, а руссы вместе с болгарам обороняли их города, стояли насмерть во время штурма болгарской столицы Преславы и Доростола, — находились те, кто мечтал о прежнем союзе с Византией, кто ненавидел Русь. С ними Святослав жестоко расправился. Так он казнил в Филиппополе (нынешний Пловдив), который находился неподалеку от границы с Византией и в котором особенно ощутимо было византийское влияние, часть пленных — то ли болгар, то ли греков, подавил зреющий заговор в Доростоле во время осады его греками.

И все же, как это показывают последующие события русско-византийской войны 970-971 годов, к весне 970 года Болгария стала союзницей Руси. Вполне очевидно, что в болгарском руководстве возобладали те деятели, которые видели катастрофичность соглашательской провизантийской линии грекофилов и которые рядом с новым царем Борисом и повели Болгарию по прежнему антивизантийскому руслу.

Пока шли переговоры, русские отряды постоянно тревожили своими набегами владения Византии. К лету в ставку Святослава подошли союзные венгры и печенеги. Переговоры с послами Иоанна Цимиския были пре-

рваны. Русская летопись так описывает эти события. Святослав якобы заявил грекам: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей», т. е. Переяславец. Греки предложили дань и спросили о количестве русского войска, на которое ее надо было бы выплатить. Святослав разгадал их хитрость. Итог был такой: «И пристроиша гръци 100 тысящъ на Святослава и не даша дани. И поиде Святославъ на греки...» Но это было уже к лету 970 года, когда подошли союзники.

Об этом же предвоенном периоде в отношениях между странами рассказывал и Лев Дьякон. Иоанн Цимисхий стал активно готовиться к противоборству с Русью и Болгарией. Он приступил к реорганизации своей армии, создал отряд «бессмертных», приказал двум своим лучшим полководцам — патрикию Петру, взявшему Антиохию, и магистру Варде Склиру — отправиться с лучшими легионами из Малой Азии и Сирии в Европу, «в пограничную и близкую область Мисии (Болгарии)». Там им надлежало охранять византийские владения от «скифских» набегов. Подготовка к войне с Русью, которую начал еще Никифор Фока, продолжалась полным ходом.

Широкие военные действия начались на просторах Фракии и Македонии летом 970 года.

Святослав повел наступление несколькими отрядами. Сам он выступил во Фракию и дрался там с войсками патрикия Петра. Одну из этих битв красочно и романтично описал русский летописец. Именно в этой битве во Фракии, где обе сражающиеся стороны проявили упорство и воинскую доблесть, Святослав обратился к своим воинам со словами, ставшими легендарными: «Да не сраммимъ земле Руские, но ляжемъ костью, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побегнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою».

И Русь исполчилась, налегла, и одолел Святослав, и бежали греки.

Любопытно, что Лев Дьякон и другие византийские хронисты, рассказывая о ходе войны и о направлении во Фракию патрикия Петра, затем вдруг полностью замолкают о нем. Сопоставив эту скромность с сообщением русской летописи, можно сделать вывод о том, что в битве с легионами Петра во Фракии Святослав одержал верх. Но это не было еще окончанием войны.

Другая часть русского войска двинулась непосредственно к Константинополю. В эту часть входил русский отряд, возглавляемый неким вождем в блестящих доспехах, а также отряды болгар, венгров и печенегов. Эта битва, напротив, нашла отражение в византийских источниках, зато о ней умолчали русские летописи, и, видимо, не случайно. Здесь союзники были наголову разбиты.

Сражение произошло под городом Аркадиополем, на ближайших подступах к византийской столице. По данным Льва Дьякона, у греков было лишь 10 тысяч воинов, а у союзников — 30 тысяч. В составе этих 30 тысяч были, как известно, руссы, болгары, венгры и печенеги. А это значит, что большая часть русских сил во главе со Святославом дралась во Фракии и именно там решался исход военной кампании 970 года. Византийский хронист Иоанн Скилица писал, что в этом сражении «варвары были разделены на три части. Болгары и руссы составляли первую часть, турки (венгры) — вторую и печенеги — третью». Руссы, как видим, были объединены в единый отряд с болгарами — это было славянское ядро войска.

Первыми были опрокинуты печенеги, потом с поля боя бежали другие союзники.

И все-таки не это сражение решило исход войны в 970 году. Вернемся вновь к источникам: и «Повесть временных лет», и Лев Дьякон, и другие византийские хро-

нисты дружно сообщают, что летом же 970 года греки запросили мира. Если бы основная часть русского войска была уничтожена или бежала под Аркадиополем, думается, грекам незачем было бы искать мирного исхода дела. Цимисхий должен был бы организовать преследование неприятеля, пленение его воинов. По части разгрома надломленного противника, его всяческого устарения греки были большие мастера.

Мы не знаем, какое сражение было вначале, какое потом, но все говорит за то, что под Аркадиополем были разбиты вспомогательные войска. Главные силы союзников сражались во Фракии. Летопись рассказывает, что после решающей битвы, в которой греки были побеждены, Святослав двинулся «ко граду, воюя и грады разбивая... И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: „Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?“». Было решено вновь направить к Святославу послов. А это означает, что в ходе сражений во Фракии Святославу удалось одержать верх над прославленным патрикием Петром, и он двинулся к Константинополю, по пути «разбивая» иные «грады». Вот здесь-то греки и направили к Святославу второе посольство, которое упрекнуло его в нарушении мирного договора, напомнило ему о тяжелой судьбе его отца Игоря, который «успел с десятью ладьями убежать». Но переговоры не состоялись. Святослав дерзко отвечал: «Мы сами скоро поставим шатры свои перед византийскими воротами». Военные действия продолжались.

Красочно передают историю этих вторых переговоров русские летописи. Они рассказывают, как греки предложили русскому князю золото и паволоки и как он, равнодушно взглянув на эти дары, промолвил: «Схороните». Послы вернулись к императору и рассказали ему о своей неудаче. О таком же результате говорит и Лев Дьякон.

И тут же Иоанн Цимисхий направил вновь своих

людей к Святославу, моля о мире. На сей раз послы, согласно русским источникам, предложили князю в качестве подарков «мечь и ино оружье». «Онъ же, примѣ (приняв), нача хвалити, и любити, и целовати царя».

Лишь это новое посольство позволило грекам приостановить наступление русского войска, несмотря на поражение союзников под Аркадиополем. И дело было вовсе не в том, что золото и шелка Святославу не понравились, а оружие ему приглянулось, а в том, что греки наконец без обиняков, без обмана согласились с укреплением Святослава на Дунае и согласились с необходимостью выплаты дани, т. е. вернулись к условиям русско-византийского договора 967 года, заключенного Калокиром в Киеве.

Греки, согласно «Повести временных лет», сказали Святославу: «„Не ходи къ граду, возми дань, еже хоцеша“, за маломъ бо бе не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убыеня (за убитых), глаголя, яко „Род его возметь“. Взя же и дары многы, и възратися в Переяславецъ с похвалою великою».

Византийские источники ничего не говорят о заключении нового договора летом 970 года между Святославом и Иоанном Цимисхием, но выказывать недоверие русской летописи в данном случае нет никаких оснований, поскольку те же византийцы сообщили, что военные действия были приостановлены и герой аркадиопольской битвы Варда Скляр, начальник всех фракийских армий Византии, отозван с европейского фронта в Малую Азию на подавление восстания Варды Фоки.

Итак, передышка налицо. Таким образом, летом 970 года ни одной из сторон не удалось добиться решающего перевеса. Греки потерпели поражение во Фракии, но разбили союзников под Аркадиополем. Потеряв дружественные войска, Святослав скорее всего отказался от своего намерения поставить шатры у ворот Константинополя и штурмовать город. И русские летописи,

и византийские хронисты при этом дружно замолчали факты поражения своих войск.

Судя по данным и летописи, и византийских хроник, переговоры между противниками были многократными и напряженными. Греки, вероятно, требовали ухода русов с Дуная; Святослав настаивал на своем и возвращал Константинополь к традиционному обязательству греков об уплате ежегодной денежной дани Руси, какую ему платили до начала конфликта в Северном Причерноморье и Крыму, а также в 967—968 годах, когда он сидел в Подунавье. Как видим, руссы добились своего: они вернули Византию к договору 967 года, основные условия которого заключались в отказе Руси от претензий на северопричерноморские и крымские владения Византии и в согласии греков на ее присутствие на Дунае и возобновление уплаты дани Киеву. В остальном же сохранялись нормы русско-византийского договора 944 года, регулирующего весь комплекс политических, экономических, юридических и военно-союзных отношений между странами.

Обращение к русским и византийским источникам показывает не только смысл переговоров, но и вводит в их атмосферу, выявляет тогдашний посольский ритуал. И Святослав, и греческие послы придерживались общепринятых норм посольских отношений.

Византийские послы входили к Святославу, кланялись ему, выкладывали перед ним свои дары, потом передавали русскому князю речи Иоанна Цимисхия. Святослав отвечал им, просил передать его речи императору. Устюжская летопись сообщает, что после окончательной договоренности с греками Святослав послов «отпусти с честью», т. е. организовал для них прощальный прием, как это и было положено при отъезде иностранного посольства на родину. Поразительно, что все эти нормы, учитывавшиеся уже во время выработки русско-византийских договоров 907, 911, 944 годов, этот

официальный дипломатический лад сохранялись в не располагавших, казалось бы, к соблюдению ритуала условиях. Шла война, Святослав принимал послов в своем шатре, в полевой обстановке, и грекам, вероятно было даже странно, что руссы поставили их в столь ритуальное, столь традиционное положение. Думается, и это сделано было неспроста. В такого рода делах в период раннего средневековья значение имела каждая деталь, каждый политический штрих. Ставя переговоры на уровень официальных дипломатических приемов и отпусков, официального дипломатического ритуала, руссы тем самым могли подчеркнуть свою хозяйскую уверенность в праве оставаться в тех краях, где они уже закрепились, свой государственный суверенитет над Подунавьем, свои грозные намерения в отношении Константинополя. Они как бы напоминали грекам о своей угрозе убрать их владения с Европейского континента в Малую Азию, на берегу которой находился Константинополь.

Недавно одному зарубежному исследователю удалось на страницах древнего греческого манускрипта, находящегося в Мадриде, обнаружить миниатюры, которые изображают переговоры Святослава с греческим посольством в период, как мы полагаем, лета 970 года, поскольку встреча Цимисхия и русского князя в 971 году под Доростолом отражена здесь же на другой миниатюре.

Святослав сидит на троне и принимает византийских послов. Трон украшен деревянным резным орнаментом. Художник изобразил Святослава как владельца подвластных ему территорий, а поскольку переговоры происходили в непосредственной близости от византийской столицы, то тем самым миниатюра отражала владельческие претензии как раз на те районы, которые он считал своими в этом краю. Такими владениями можно считать

Подунавье, потому что по миру 970 года Святослав обязался уйти туда снова.

И действительно, и русская летопись, и византийские источники подтвердили: после заключения мира с греками Святослав ушел назад в Переяславец. В болгарской столице Преславе остался русский отряд во главе с княжеским воеводой. Война закончилась. Болгария, где к власти пришли сторонники прежнего курса — противники Византии и сторонники Руси, стала вновь союзником Древнерусского государства. Болгарский царь Борис продолжал жить в своем дворце в Преславе, сохраняя суверенитет над всей территорией страны. Православные храмы стояли нетронутыми руссами. Русских отрядов не было ни в каких других болгарских городах, кроме Преславы: Плиска и иные поселения жили своей обычной жизнью. Святослав практически не проявлял больше интереса к делам Болгарского царства, поселившись опять на Дунае в милом его сердцу Переяславце, не затронул он своим нападением и Западно-Болгарское царство, выступавшее активно против Византии. Венгры и печенеги отправились к себе на родину.

В Преславе обретался в это время претендент на византийский трон Калокир, который жил при дворе болгарского царя и продолжал, видимо, играть какую-то роль в политических антивизантийских расчетах союзников — Болгарии и Руси.

Такими мы застаем отношения на Балканах во второй половине 970-го и в начале 971 годов.

Однако противники не строили никаких иллюзий относительно друг друга. На исходе 970 года в Константинополь явилось посольство Святослава. В ходе переговоров греки, согласно византийским источникам, опять начали укорять руссов за их несправедливости, за то, что они нарушили якобы прежнюю договоренность и остались на Дунае. Причем выговаривал руссам сам византийский император Иоанн Цимисхий.

Хронист Скилица записал, что в Константинополе посчитали посольство обычной военной разведкой, посланной русским князем «выведать дела ромеев». И, думается, для подобной озабоченности Святослава были все основания.

Заклучив мир со Святославом, Иоанн Цимисхий ни минуты не сомневался, что с Русью предстоит напряженная, возможно смертельная, борьба. Пребывание руссов на Дунае полностью противоречило стратегии Византии, но самым ужасным, самым нетерпимым для Константинополя было возрождение Болгарии, приобщение ее вновь к союзу с Русью. Сломленный, казалось, недавно противник вновь поднял голову, обрел государственный голос, и русское войско было отныне гарантом этого государственного суверенитета, этой независимости и безопасности враждебной для Византии страны.

Теперь для того, чтобы сокрушить Болгарию, нужно было сначала сокрушить Русь, а вернее, сокрушить обоих противников сразу. То, чего так опасался Никифор Фока,— антивизантийский союз двух славянских государств — свершилось, и это стало поражением и позором византийской дипломатии.

С конца 970 года Иоанн Цимисхий предпринимает лихорадочную подготовку к новой войне, и здесь передышка, мир были грекам весьма кстати. Они действовали по своему старому испытанному правилу: получил мир — готовься к войне. Недаром русский летописец простодушно определил эту коварную и изменчивую политическую линию византийского правительства такими обобщенными словами: «Суть бо греци лстивы и до сего дни».

Но лучше всего эту тактику Византии сформулировал ее полководец XI века Кекавмен в своем сочинении «Стратегикон». Он писал: «Если враг ускользает от тебя день ото дня, обещая либо мир заключить, либо дань

уплатить, знай, что он ждет откуда-то помощи или хочет одурачить тебя. Если неприятель пошлет тебе дары и приношения, коли хочешь, возьми их, но знай, что он делает это не из любви к тебе, а желая за это купить твою кровь». «Мудрость» Кекавмена имела прочную основу в виде традиционной военной и дипломатической тактики тогдашних правителей, и в первую очередь самой Византийской империи. Многочисленные перемирия и миры, заключенные греками с окружающими государствами и народами, уплата ими даней, огромных контрибуций нередко нужны были для того, чтобы выиграть время, усыпить бдительность противника, обмануть его, а потом нанести ему неожиданный удар. Читая Кекавмена, можно подумать, что он имел в виду тактику Иоанна Цимисхия в 970 году, русско-византийский мир лета этого года.

Первое, что сделал император,— это стал готовить огненосный флот для того, чтобы блокировать руссов на Дунае, запереть их там и не дать уйти им водой обратно на родину. Во-вторых, он стал снаряжать армию для похода в Болгарию через Балканские перевалы, куда в свое время поостерегся продвинуться Никифор Фока.

Во главе европейских войск Византии был поставлен давний приятель Цимисхия магистр Иоанн Куркуас. Ему предстояло до поры до времени занимать оборонительные позиции на границе с Болгарией, препятствовать здесь набегам русских отрядов, которые продолжались, несмотря на состояние мира между обеими сторонами.

Наступила весна 971 года. Подготовка к войне с Болгарией и Русью шла полным ходом. И не случайно, не доверяя Цимисхию, Святослав пытался при помощи своего посольства разведать обстановку, но жизнь показала: Святослав не рассчитывал, что греки так быстро оправятся от военной страды 970 года.

Цимисхий решил начать наступление на Болгарию в

пасхальные дни 971 года. Греки готовились прорваться сквозь балканские теснины, выйти в северную Болгарию и нанести удар по болгарской столице. Греческая разведка обнаружила, что проходы в горах не охраняются ни болгарами, ни руссами, и Цимисхий с радостью говорил своим соратникам: «Я думал, что неприятели, ожидая нашего к себе прибытия, уже давно с великим старанием укрепили выгодные для себя теснины и непроходимые дороги какими-нибудь стенами и оградами, чтобы трудно нам было вступить в их землю». И болгары, и руссы проявили беспечность, а может быть, они все-таки уповали на мир, недавно заключенный с Цимисхием,— ведь приходилось бы охранять проходы внутри своей же болгарской территории, так как южнее гор еще находились болгарские владения, город Филиппополь, другие поселения.

Не исключено, что руссы в Преславе просто-напросто не выполнили указаний на этот счет Святослава, весьма предусмотрительного во всем, что касалось военной тактики. Как бы то ни было, горные проходы оставались открытыми.

Цимисхий поставил перед своими легионами задачу прежде всего взять болгарскую столицу, сломить болгар. «После того,— говорил он,— весьма легко преодолеем яростных руссов». Болгарию император рассматривал как ближайшего своего врага.

Императору возражали, указывали на опасность этого военного предприятия, но он был неумолим. Обращаясь к воинам, Цимисхий заявил: «Когда счастье висит, так сказать, на волоске, надо рисковать... Руссы не ожидают, что ромеи в дни Пасхи начнут наступление».

В пасхальные дни 971 года совершенно неожиданно для болгар и руссов Иоанн Цимисхий перешел через Балканы по неохраемым горным перевалам и обрушился на Преславу, где находились царь Борис, болгарский двор, Калокир и русский отряд во главе со Све-

нельдом. Сам Святослав с основным русским войском пребывал в это время на Дунае.

Два дня продолжался штурм Преславы. Ее отчаянно защищали болгары и русские. Но перевес сил был на стороне греков. Сначала они взяли внешние укрепления города, тогда руссы и часть болгар затворились в царском дворце-крепости, где хранились болгарские государственные ценности — казна, корона болгарских царей.

Когда положение стало безвыходным, ночью из дворца ушел Калокир. Вероятно, с ним покинул горящую столицу и Свенельд. Ворвавшиеся в город греческие легионеры застали там царя, его семью. Борис был захвачен в плен. В этот момент на нем были царские одежды и все знаки царской власти, во дворце оказались в полной сохранности болгарские государственные ценности.

Греки, как сообщил Лев Дьякон и другие византийские хронисты, вели себя в городе как типичные завоеватели: они ходили по улицам, убивая неприятелей, грабили их имущества, т. е. попросту захватывали имущество болгар. Была разграблена и царская казна, которая находилась в целости и сохранности в период пребывания в городе руссов.

Уходя из Преславы, Цимисхий оставил там «достаточную стражу», фактически военный гарнизон. Начался период оккупации болгарской территории византийскими войсками. И в дальнейшем, когда греки шли к Дунаю, они продолжали рассматривать болгар как своих злейших врагов. Иоанн Куркуас отличился тем, что грабил болгарские православные святыни, а сам Цимисхий, по сообщению Иоанна Скилицы, отдал на разграбление своему войску «захваченные многие города и крепости». Греки действительно шли по болгарской территории как завоеватели.

Вместе с тем в целях политической демагогии, дис-

кредитации своего противника Святослава, на что греки были тоже большие мастера, Цимисхий стремился выдать себя за друга болгарского народа. В разрушенной и разграбленной Преславе он заявил, что воюет не с Болгарией, а с Русью, и стремится отомстить за обиды, нанесенные Святославом Болгарии. Это была чудовищная, циничная ложь, которая в дальнейшем с успехом использовалась византийскими пропагандистами и теми, кто им старался поверить уже в новейшее время.

Одновременно этим обманом Цимисхий стремился расколоть болгаро-русский союз, воздействовать на население болгарских городов.

Вскоре на милость Цимисхия сдались Плиска, Диней и другие города. Греческие легионы шли к Дунаю. Но Святослав не был бы Святославом, если бы он проявил в этих трудных условиях пассивность. Несмотря на огромный перевес сил греков, он вывел им навстречу свое небольшое войско.

К этому времени уже распалась созданная Русью антивизантийская коалиция. После заключения летом 970 года мира с Цимисхием венгры ушли к себе на родину. Наступление греков было столь стремительным и неожиданным, что Святослав не успел позвать на помощь старых друзей.

Что-то сломалось и в отношениях с печенегам. После битвы под Аркадиополем, когда они первыми бежали с поля боя, у нас более нет сведений об их совместных действиях с руссами. Зато все больше появляется признаков, говорящих, что Византия прочно взяла нити связей со степью в свои руки. С горечью говорил своей дружине осажденный в Доростоле Святослав: «А Руска земля далеча, а печенези с нами ратни, а кто ны (нам) поможет?» Иоанн Скилица также сообщил: «Собственная их страна находилась очень далеко, а соседние варварские народы, боясь римлян (византийцев), не соглашались помогать им (руссам)».

Греческое и русское войско встретились на равнине неподалеку от крепости Доростол. Битва была упорной. Сам Святослав дрался в гуще сражавшихся. Руководивший боем с близлежащего холма Иоанн Цимисхий посылал своих лучших воинов, чтобы они пробились к русскому князю и поразили его, но все они были убиты либо самим Святославом, либо его телохранителями. К вечеру, когда русское войско поредело, а греки продолжали наседавать, Святослав дал приказ отходить в Доростол.

И еще несколько дней подряд длилось сражение под городом. Открывались городские ворота, и русская дружина во главе с князем выходила в поле. Но сил у руссов становилось все меньше и меньше. Тысячи человек потеряли и греки. И все же Доростол еще держался. Однажды ночью две тысячи руссов вышли из осажденного города и ушли вдоль Дуная в поисках пищи. Попутно они разгромили один из заградительных отрядов греков и с успехом вернулись обратно. Такую вылазку можно было предпринять только при помощи болгарских проводников, хорошо знающих местность.

И все это время рядом с руссами дрались болгары. Лев Дьякон даже рассказывает, что во время сражения за Доростол греки находили на поле боя среди убитых противников женщин, которые сражались против армии Цимисхия с оружием в руках наравне с мужчинами. В этих фактах видна вся степень ненависти болгар к византийским поработителям.

Со времени начала осады крепости прошло уже более двух месяцев. В один из дней, как рассказывает Скилица, Цимисхий направил русскому князю предложение выйти с ним на поединок и тем решить вопрос о победителе. На это Святослав ответил: «Я сам знаю лучше моего врага, что мне полезно. Если же Иоанну надоела жизнь, то в его власти находится много других средств, ведущих к смерти: пусть избирает он любой»,

Шел июль 971 года. Последний бой руссы дали грекам в эти июльские дни. Святослав снова дрался в самом центре русского войска. Рядом с ним сражались воеводы Свенельд и Икмор.

Цимисхий вновь послал своих «бессмертных» во главе с богатырем Анемасом убить Святослава. Им удалось отеснить русских воинов, и Анемас сумел ударить копьем Святославова коня, а потом дотянулся мечом до самого князя и попал ему в ключицу. Лишь на мгновение после этого потерял равновесие Анемас. Этого было достаточно, чтобы Святослав нанес ему удар мечом в живот. При виде гибели своего богатыря греки дрогнули и побежали. Цимисхию стоило большого труда остановить их. Он сам повел в бой своих «бессмертных».

Это было последнее сражение руссов с греками. Наутро в греческий стан явилось русское посольство с предложением мира. Цимисхий с радостью согласился.

Уже после заключения мира с Русью Византия довершила разгром своего противника — Болгарии, до конца унизила страну, оскорбила ее народ, лишила болгар государственной независимости.

Византийские хронисты подробно рассказывают о том, как после ухода руссов и овладения Болгарией Иоанн Цимисхий разместил по всем крупным болгарским городам военные гарнизоны. Болгарская столица была переименована в честь Цимисхия в Иоаннополь, а Доростол в честь его жены — в Феодорополь.

А потом последовала тягостная для Болгарии процедура детронизации царя Бориса. Вместе с братом Романом, которого греки оскостили, он был отправлен в Константинополь и принял участие в торжественном триумфе, который устроил себе после возвращения из-под Доростола Иоанн Цимисхий.

Император въехал в византийскую столицу на белом коне. Впереди него шла колесница, на которой были положены парадная багряная одежда болгарского царя,

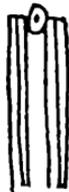
царская корона, а также священная для болгар икона Богородицы. Цимисхия сопровождал блестящий эскорт.

Корона болгарских царей была отдана в храм святой Софии, а затем в императорском дворце Борис сложил с себя царские знаки отличия — снял драгоценную одежду, царскую обувь. Ему было присвоено звание магистра.

Армянский историк Степанос Таронский, оставивший нам свидетельство о византийско-болгарской войне 971 года, сообщил, что в то время Цимисхий многих болгар «положил на месте (в сражениях), а остальных разогнал в разные стороны и принудил булхарский народ покориться».

Расколота, залитая кровью, ограбленная и униженная Восточная Болгария была окончательно сломлена Византийской империей. Двуручническая провизантийская политика правящих верхов страны привела Болгарию к национальной катастрофе.

18. На прежних рубежах

осле июльской битвы под Доростолом стало ясно, что удержать крепость на Дунае не удастся. И посольство

Святослава, появившееся в стане греков, стало следствием этого понимания ситуации. О нем примерно одинаково рассказали и «Повесть временных лет», и Лев Дьякон. Византиец записал: «Император охотно принял предложение союза». А русский летописец историю этого посольства передал так: Святослав направил своих «слов» к Иоанну Цимисхию со словами: «Хочу мирь имети с тобою твердь и любовь». В ответ император прислал свое согласие и дары русскому князю. Это означало, что стороны выразили готовность восстановить отношения «мира и любви», которые давно уже

связывали оба государства и к которым они вновь и вновь возвращались после конфликтов и военных столкновений.

Летописец передает и размышления Святослава и его дружины по поводу предстоящих мирных переговоров: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увестъ (узнает) царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять (окружат) ны (нас) въ граде. А Руска земля далеча, а печенежи с нами ратьни, а кто ны (нам) поможетъ?» Святослав якобы указал на то, что греки согласились вновь уплачивать Руси дань — «то буди доволно намъ». И тут же заявил: «Аще ли почнетъ не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша (много воинов), поидемъ Царюгороду». Святослав не отказывался от продолжения борьбы, мечтал о новом походе на Константинополь, о будущих победах.

В этих размышлениях и словах видна вся неукротимая максималистская натура русского князя, чувствуется его глубокая ненависть к Византии, стремление вести с ней борьбу до конца. Сейчас сила была не на его стороне, коалиция распалась, дружина поредела, к тому же греки шли навстречу. Исход борьбы могло решить только будущее...

Наутро русское посольство вновь появилось в греческом лагере. Судя по тому, что в тексте договора с русской стороны упомянут Свенельд, а с византийской — Феофил, можно полагать, что оба они возглавляли посольства сторон на переговорах по выработке как условий перемирия, так и условий долговременного мира.

Свенельд, таким образом, проявил себя не только как воевода и Игоря, и его сына, не только как политический деятель, который находился в качестве представителя русского князя при болгарском дворе, но и как видный дипломат.

Что касается Феофила, то это, без сомнения, круп-

ный византийский дипломат епископ Феофил Евхаитский. Он вел переговоры с болгарами и восстановил дружбу между Византией и Болгарией в 968 году. Думается, что он же осуществлял выработку мирных условий со Святославом и болгарами летом 970 года. В этом случае в его руках сосредоточились нити всей русской политики Византии как при Никифоре Фоке, так и при Иоанне Цимисхий.

Наутро византийский император принял русское посольство. Тут же Цимисхий предложил послам изложить свои соображения, и снова послы подтвердили желание Святослава о заключении договора «мира и любви», т. е. о возвращении обеих стран к нормам договоров 907—944 годов, которые десятилетиями определяли взаимоотношения двух государств. Сразу было дано указание писать посольские речи «на харатью», т. е. класть их на пергамент.

Вначале стороны договорились об окончании военных действий, о заключении мира; условия письменного договора были отложены на последующие переговоры.

Лев Дьякон сообщает, что русские послы в лагере Цимисхия согласились с греками о следующих условиях мира: руссы передают грекам Доростол, освобождают пленных, уходят из Болгарии и возвращаются в свое отечество. Греки же обязываются пропустить руссов по Дунаю, не атаковать их своими огненосными судами, которые перекрывали выход в Черное море. Цимисхий обещал предоставить руссам на обратную дорогу хлеб — по две меры на каждого воина.

Этот же хронист, а также другие греческие авторы упомянули о том, что стороны договорились считать себя «по-прежнему друзьями». А это означало, что восстанавливались условия об уплате Византией дани Руси, о чем также сказала и русская летопись.

Одним из условий мира стало обязательство Иоанна Цимисхия направить послов к дружественным Византии

печенегам с просьбой пропустить беспрепятственно русское войско на родину. Цимисхий дал такое обещание.

Но выработка этого соглашения была лишь половиной дела. Следовало определить дальнейшие взаимоотношения между государствами, обратиться к судьбам Болгарии, Северного Причерноморья, Херсонеса, других направлений внешней политики обоих государств. И тут в полном блеске выступили Феофил Евхайтский, Свенельд и другие деятели, проводившие переговоры.

Их продолжение шло уже в Доростоле, в лагере Святослава. И если в выработке условий мира в греческом стане принимал участие Иоанн Цимисхий, то теперь в русском лагере в работе посольского совещания принял участие Святослав. Так руссы и греки и вели переговоры то в русском, то в византийском лагере, и в этом следует усматривать не простую случайность, а стремление сторон, и в первую очередь потерпевшей поражение Руси, поставить переговоры на равноправную основу.

Здесь, в Доростоле, и был выработан проект нового русско-византийского договора. Однако его утверждение произошло все-таки в греческом стане, и это ясно говорит о том, что проигравшей стороной была Русь. Вот они, первые слова нового договора: «Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемъ князи русемъ, и при Свенальде, писано при Фефеле синкеле (при Феофиле) и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю гречьскому в Дерестре (Доростоле), месяца июля, индикта 14, в лето 6479 (в 971 году)».

Они ясно указывают, что проект договора был выработан в стане Святослава с участием самого русского князя, что Свенельд и епископ Феофил были руководителями своих посольств на этих переговорах, что окончательное утверждение договора состоялось все-таки в стане Иоанна Цимисхия. Но изначальный текст договора был составлен на русском языке. И это не случайно.

В этом договоре, идущем от лица русского великого князя, содержатся лишь конкретные обязательства Руси, а в отношении всего остального сказано весьма лаконично, но выразительно: «...да схранимъ правая съвещанья», т. е. обе стороны обязались хранить в непоколебимости прежние договоры, выработанные Русью и Византией в прошлом. И в этой фразе заключен основной смысл всего соглашения. Все, что говорится в договоре 907 года об уплате Византией дани Руси, все, что имеется в виду в договоре 944 года по поводу политических, экономических, юридических взаимоотношений двух стран, их подданных, остается в силе. А это значит, что Русь сохранила свои завоевания в Приазовье, Поволжье, удерживала позиции в устье Днепра, как это сформулировано в договоре 944 года.

Практически это был возврат к тем рубежам, от которых Русь начала движение в Подунавье в 967 году.

От остальных завоеваний Святослав был вынужден отступить.

Договор составлен от первого лица, от имени самого русского великого князя: «Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утвержаю на свещанье семью (клятву) свою». А далее Святослав, повторив, что Русь и Византия возвращаются к «миру и любви» прошлых лет, излагает те свои обязательства, которые являются отражением уже новой, изменившейся военной ситуации. Он клянется Иоанну Цимисхию и двум другим его официальным соправителям — юным императорам Василию и Константину, сыновьям Романа II, — не приводить ни на Византию, ни на другие страны, находящиеся «под властью греческою», ни на Херсонес и его владения, ни на Болгарию «языка иного». И это обещание русского князя, вырванное у него епископом Евхитским, воскрешает в памяти те дни, когда вместе с венграми Святослав явился на Дунай летом 967 года, а через три года в ореоле своей военной славы вел по

полям Фракии и Македонии объединенное войско руссов, болгар, венгров и печенегов. Воспоминания об этих ужасных днях, видимо, серьезно беспокоили византийских политиков. Тогда они проиграли в главном — отдали внешнеполитическую инициативу в руки руссов, позволили создать им военную коалицию, в чем всегда были так сильны сами, не сумели перекупить печенегов, упустили из-под своего влияния болгар, не нейтрализовали венгров — и теперь они заклинали Святослава не повторять этих нашествий. И он соглашался с требованиями победителей, как будто такого рода обязательство действительно могло помешать ему собрать новых союзников для нового нападения на своего врага, если для этого созреют необходимые условия. Уже теперь в осажденном Доростоле он мечтал о тех днях, когда соберет «вои множайша» и снова двинет их на Константинополь.

Но сегодня Подунавье, северокрымские, близкие к Херсонесу владения были потеряны. И возможно, климаты греческого топарха вновь отошли под протекторат Византии.

Другим важным обязательством, данным Святославом грекам, было обещание по-прежнему оставаться верным союзником Византии: «Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся с нимъ». При этом неясно, остается ли Византия также союзником Руси. Если нет, то в этом пункте очевидно ущемление русских интересов по сравнению с равноправным военно-союзным соглашением 944 года. Но такова могла быть плата за поражение в военной кампании 971 года. Но если в договоре не пересмотрено военно-союзное обязательство империи в отношении Руси, то по существу и этот пункт договора 944 года остается в силе.

На этом основные статьи договора исчерпываются, а далее следует обычная в таких случаях клятва. По-

сколько документ идет от имени великого русского князя, то и клянется он один. И вновь появляются имена Перуна и Волоса, вновь грозит себе и своим потомкам русский князь быть посеченными собственным оружием, если Русь нарушит договор с греками и не сохранит «прежреченыхъ» (прежних) соглашений.

Договор был запечатан личной печатью Святослава. По всей видимости, эта процедура, как и клятва на договоре русского князя, была произведена Святославом в Доростоле в присутствии все того же Феофила Евхаитского.

Но это, повторяем, вовсе не значит, что договор был односторонней грамотой русского князя. Это было двустороннее межгосударственное соглашение, потому что оно по всем основным линиям отношений двух стран вновь и вновь возвращало их к прежним договоренностям.

Оно восстанавливало статус-кво в отношениях между странами, за исключением тех пунктов, которые касались итогов военной кампании 970—971 годов. Судьба Белобережья, устья Днепра, Поднестровья, русских территорий в Северном Причерноморье, результаты продвижения Руси в Приазовье, Поволжье оставались неизменными. Даже, напротив, обойдя молчанием все эти животрепещущие территориальные вопросы, греки согласились с теми завоеваниями Руси в этих регионах, которые были осуществлены в 40—50-е годы X века. Во всяком случае, совершенно очевидно и по русской летописи, и по «Записке греческого топарха», что Русь уже имела свои круглогодичные поселения в спорных районах устья Днепра и Белобережья, но договор 971 года, грамота Святослава, хранит и по этому поводу полное молчание.

Как только договор был заключен, епископ Феофил Евхаитский отправился к печенегам хана Кури. Епископ вез в степь дорогие подарки и предложение Иоанна Ци-

мисхия о заключении между печенегами и Византией договора о дружбе и союзе. Император просил печенегов более не переходить Дунай, не нападать на принадлежащие теперь Византии болгарские земли. Иоанн Цимисхий, по сообщению хрониста Скилицы, обратился к степнякам с просьбой беспрепятственно пропустить русское войско на родину. Тот же хронист записал: «Они (печенеги) согласились на все условия Иоанна, кроме одного — пропуска руссов через их земли».

Здесь следует сделать небольшое отступление. Византийский хронист сообщил об этом факте спустя несколько десятилетий, опираясь на прежние записи. Лев Дьякон, писавший, так сказать, по горячим следам событий, либо не знал об этом ничего, либо умолчал об отказе печенегов. Но факт остается фактом: Святослав шел к устью Днепра, а потом вверх к порогам, где его ожидало большое войско печенегов, в полной уверенности, что епископ Евхаитский выполнил обещание греческой стороны и договорился с печенегами о пропуске русского войска. Но можем ли мы в этом случае полностью верить византийским историкам? Вряд ли. Известны многочисленные случаи дипломатических предательств греков, их невероятный прагматизм, умение использовать подкупленных степняков в борьбе со своими противниками — болгарами, Русью, Хазарией. И на этот раз не случайно в степь был послан большой мастер политической интриги, опытный дипломат Феофил Евхаитский. Можно не сомневаться, что вокруг вопроса о пропуске русского войска на родину разгорелась еще одна дипломатическая баталия. Можно не сомневаться и в том, что Святослав, обычно не доверявший грекам, постарался включить в состав греческого посольства и своего представителя, а за его спиной епископ сговорился с печенегами о нанесении Святославу последнего, решающего удара.

Во всяком случае, совершенно очевидно, что либо

Феофилу действительно не удалось уговорить печенегов пропустить Святослава в Киев, но он скрыл от русского князя отказ степняков, либо формально он передал им просьбу Иоанна Цимисхия, но приложил все усилия к тому, чтобы поднять печенегов против Руси.

Русская летопись при этом утверждает, что печенеги получили сообщение от антирусски настроенных жителей Переяславца о том, что Святослав идет к порогам «вземь именье много у грекъ и полон бесчислень, съ маломъ дружины».

Мы никогда не узнаем с полной определенностью, что же произошло в эти дни между Русью, Византией и печенегами, но ясно одно: греки вновь использовали благоприятную возможность для нанесения удара своему врагу.

А пока епископ Евхаитский скакал в степь, Святослав и Иоанн Цимисхий готовились к личной встрече. О ней попросил Святослав, и византийский император согласился на переговоры.

Удивительно это неистребимое желание «варварских» вождей к встречам с византийскими императорами после окончания военных действий. В этом они, очевидно, видели для себя какой-то особый смысл, придавая этим встречам престижное значение. И болгарские ханы, и аварские каганы, и другие владыки, штурмовавшие Константинополь, жаждали потом побеседовать с «василевсом». Не стали здесь исключением и русские вожди. О встрече с императором Михаилом III Русь просила под стенами Константинополя в июне 860 года. Встречался с Львом VI князь Олег после победоносного похода 907 года. И вот теперь в греческий стан пришла просьба от Святослава о встрече с императором Иоанном Цимисхием, на которую тот и согласился.

Рассказ об этой встрече сохранился все у того же Льва Дьякона.

...Наутро Иоанн Цимисхий отправился к берегу Дуная. Его сопровождал блестящий эскорт. Цимисхий хотел поразить русского князя своим богатством и великолепием. На его груди сиял легкий золоченый панцирь, голову украшал золотой шлем, на плечи была накинута багряная мантия, и конь под ним выступал достойный своего всадника — изящный, тонконогий, высокопородный, украшенный богатой сбруей, отделанной золотом и серебром, покрытый дорогой попоной и шитым золотом чепраком.

Цимисхий с эскортом подъехал к самому берегу, но руссов не было видно, и император занервничал: он не привык ждать.

Наконец от города отделилась ладья и направилась к тому месту, где находился Цимисхий. В ладье сидели на веслах двенадцать гребцов. Цимисхий и ближние к нему члены свиты недоуменно переглянулись: «Где же русский князь?» И только когда ладья подплыла поближе, греки разглядели Святослава: несмотря на недавнее ранение, он вместе с гребцами работал на веслах. Святослав был, как и другие руссы, одет в простую полотняную рубаху, отличавшуюся, правда, необычайной белизной. Длинная прядь русых волос по древнему русскому обычаю свисала с бритого черепа. В левом ухе висела крупная серьга с рубином, оправленным в золото, и он причудливо играл в сиянии июльского солнца. Святослав был невысок, коренаст, широкоплеч. Угадывались его огромная сила и ловкость. Взгляд его был мрачен.

Не вставая с лодочной скамьи, он обратился с приветствием к Цимисхию, и византийский император был вынужден сойти с коня и подойти вплотную к берегу. Святослав пристально смотрел на него. Перед русским князем стоял невысокого роста чернокудрый красавец с дерзким, вызывающим взглядом синих глаз, с широкими плечами, ловкий и уверенный в движениях воин.

Через переводчика Цимисхий также приветствовал Святослава.

Потом они заговорили о только что заключенном мире и договоре, утвержденном Святославом. Цимисхий еще раз подтвердил условия мира, выработанные двумя сторонами, а Святослав выразил свою верность новому русско-византийскому договору. Затем оба властителя обменялись приветствиями, и ладья отчалила от берега, а Цимисхий, чтобы не ждать, пока Святослав отплывет, повернулся к нему спиной и направился к своей свите, чувствуя великое неудобство от всей этой процедуры.

Позднее древний художник, создавая уже упоминавшийся мадридский манускрипт хроники Скилицы, посвоему запечатлел встречу Иоанна Цимисхия и Святослава. На рисунке нет ни пышного одеяния византийского императора, ни сопровождающей его блестящей свиты, ни скромно одетого Святослава в ладье. Изображены лишь два сидящие друг против друга человека. Это переговоры равных партнеров. Лишь корона и скипетр отличают византийского императора.

С осени 971-го по весну 972 года был разыгран последний трагический акт дипломатической борьбы между Русью и Византийской империей.

Подойдя к порогам, Святослав обнаружил, что печенеги заступили со всех сторон пути и нельзя было выйти на берег, чтобы вытащить ладьи и волоком обогнуть пороги. Русский летописец рассказывает, что Свенельд советовал князю не идти водой, а двинуться конным путем, сушей, оставляя пороги в стороне, но Святослав не послушался умудренного опытом воеводы. Теперь пришлось возвращаться обратно и зимовать в Белобережье, в своих русских поселениях.

Небольшие русские городки не были готовы к содержанию пусть и поредевшего, но все-таки еще значительного войска Святослава. К зиме здесь начался голод.

«И не бе у них брашна уже,— сообщал летописец,— и бе гладь великъ».

И лишь подоспела весна, войско Святослава вновь двинулось на ладьях к северу.

На днепровских порогах руссов ждали затаившиеся печенеги. Они напали на руссов, когда те перетаскивали по берегу, минуя один из порогов, свои суда. Началась сеча, в которой руссы пытались прорваться к воде. Святослав был зарублен, и его тело попало к печенегам, а Свенельд с частью воинов сумел уйти от врага и принести тяжкую весть в Киев.

Вместо заключения: Восточно-европейская держава

Хмурой была весна в
- Киеве в 972 году.
Остатки русского вой-
ска тихо, без шума,
под скорбные стена-

ния и плач русских женщин входили в Киев, разбрелись по другим русским землям и городам, кто откуда был — кто из Чернигова, кто из Переяславля, кто из Турова и Вышгорода.

Но тут же новое киевское правительство деятельно подхватило дела прошлых лет. И вскоре новая политическая суета, приход новых весенних купеческих караванов, новых посольств со всех краев земли стали затягивать раны минувшего.

Гул от недавнего столкновения на Балканах еще стоял над Европой, отдавался в западных странах, катился

по Передней Азии. И хронисты византийские, немецкие, арабские, персидские, русские летописцы и авторы различных сказаний склонялись над желтоватыми листами пергамента и записывали, записывали то, что они слышали о деяниях далекой от них, порой слабо ведомой Руси.

А Русь, несмотря на поражение, продолжала набирать силу. Города и села полнились новыми поселенцами, росли с каждым годом Киев, Новгород, Чернигов, Полоцк, Переяславль, огораживались крепостными стенами в далеких лесах Ростов и Суздаль, и русские люди плотно осваивали весь поднепровский путь, Поднепровье, селились во вновь приобретенных землях на Тамани. Богатело боярство, укреплялась дружина, росли новые княжеские, боярские усадьбы, распахивались нетронутые земли, и смерды, послушные воле своих господ, трудились на этих все увеличивающихся пахотных землях под неусыпным оком господских надсмотрщиков, принося феодализирующейся знати богатство, силу, власть.

Нити торговых связей все теснее и теснее связывали Русь с венграми и Германией, шведами и Византией, волжскими булгарами и Польшей, печенегами и Чехией.

И вновь возрождалось русское войско, состоящее из конной дружины и пеших воев, войско, которое единственное в тогдашнем мире, не считая греков, умело воевать и на море и на суше, сочетало походы в конном строю и на ладьях, научилось преодолевать тысячи верст пути.

О Руси IX — X веков уже знали в папском Риме, в Багдаде, в Германии и Италии, о нем упоминали корреспонденты, пишущие письма из Барселоны. Византия постоянно учитывала возросшую мощь Руси в своих внешнеполитических расчетах.

И все эти десятилетия, которые вели Русь от первых скромных успехов на дипломатическом поприще, от первых полевых миров до развернутых международных соглашений, вершин своего времени, медленно, но верно

совершенствовалась древнерусская дипломатия. Ко второй половине X века Русь уже была связана долговременными соглашениями с варягами, венграми, Византией, неоднократно заключала договоры с Болгарией, печенегами, Хазарией, народами Приазовья, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, крымскими владениями Византии, вступила в политические отношения с Германской империей. Только с Византией в IX — X веках Русь заключила не менее одиннадцати соглашений разного рода — от устных полевых миров до развернутого письменного равноправного межгосударственного соглашения 944 года.

Русь этого времени уже знала миры письменные и устные, тайные соглашения, заключала договоры о союзе и взаимопомощи, научилась создавать против своих противников мощные военные коалиции.

Дипломаты Древней Руси при этом непрестанно связывали каждый крупный шаг своего государства с международными отношениями времени, научились учитывать расстановку внешнеполитических сил и определять свое место в этой расстановке. Они вели предварительные переговоры и вырабатывали проекты будущих соглашений, освоили посольский церемониал и перенесли на русскую почву систему международных дипломатических стереотипов, обогащая ее русскими традициями, заставляя иные страны принимать во внимание «Закон русский». Формировались кадры первых русских дипломатов, русские великие князья включались самолично в дипломатическую деятельность, состязаясь с византийскими императорами в умении отстаивать интересы своей страны, бороться за ее государственный престиж.

Русь X века прочно выходила на европейскую арену, а русские дипломаты своей постоянной, кропотливой, незаметной, казалось бы, работой готовили новый взлет государства в будущие времена.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения: Споры, споры...	5
1. Кий — первый русский дипломат? Гибель Мецамира	15
2. «Чудеса» в Причерноморье и первые договоры Руси с греками	35
3. В гости к франкам	51
4. «Дипломатическое признание» Руси	63
5. Князь Олег и договоры с варягами, венграми, болгарями	84
6. Второй поход на Константинополь	105
7. Подделка или «договор века»?	114
8. «Мы от рода рускаго...»	136
9. Через Хазарию на Восток	160
10. Вершина древнерусской дипломатии	179
11. «Иде Ольга в Греки»	226
12. Крах миссии Адальберта	251
13. Конец Хазарии	261
14. Посольство Калокира	271
15. Тайна «Записки греческого топарха»	284
16. Дунайский поход Святослава	294
17. Схватка с Иоанном Цимисхием	307
18. На прежних рубежах	329
Вместо заключения: Восточно-европейская держава	341

Андрей Николаевич Сахаров
«МЫ ОТ РОДА РУССКОГО...»

Рождение русской дипломатии

Зав. редакцией А. И. Белинский. Редактор М. Е. Устинов. Мл. редактор Н. С. Елисеева. Художник Е. И. Аносов. Художественный редактор Б. Г. Смирнов. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор В. Д. Чаленко

ИБ № 3510

Сдано в набор 26.07.85. Подписано к печати 26.02.86. М-29545. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,05. Усл. кр.-отт. 15,05. Уч.-изд. л. 15,53. Тираж 100 000 экз. Заказ № 130. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.